ZBORNÍK PRÍSPEVKOV Z KONFERENCIE MLADÁ RUŠISTIKA-

NOVÉ TENDENCIE A TRENDY

UNIVERZITA KOMENSKÉHO V BRATISLAVE

ISBN 978-80-8127-062-8

Zborník príspevkov z konferencie Mladá rusistika – nové tendencie a trendy
Bratislava, STIMUL, 2012
ISBN 978-80-8127-062-8
EAN 9788081270628

Univerzita Komenského v Bratislave
Filozofická fakulta
Katedra ruského jazyka a literatúry

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy

Zborník z 1. ročníka Bratislavskej konferencie mladých rusistov

Bratislava 2012

Recenzenti: Prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.
Prof. PhDr. Pavol Žigo, CSc.
Doc. PhDr. Anton Eliáš, PhD.
PhDr. Ľubomír Guzi, PhD.

Editorky: Mgr. Andrea Haburová
Mgr. Zuzana Lorková

Zborník s názvom *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy* je výstupom príspevkov, prezentovaných v štyroch sekciách (lingvistickej, literárnovednej, historicko-kultúrnej a translatologickej) na 1. ročníku Bratislavskej konferencie mladých rusistov, ktorá sa konala 5. októbra 2012 na pôde Katedry ruského jazyka a literatúry FiF UK v Bratislave.

Za obsah a jazykovú úpravu zodpovedajú autori príspevkov.

Poďakovanie

Týmto by sme chceli vyjadriť úprimné poďakovanie recenzentom zborníka a všetkým, ktorí sa nejakým spôsobom podieľali na organizácii konferencie, za mnoho cenných pripomienok a užitočných rád pri tvorbe publikácie.

Organizačný tím konferencie

Obsah

PREDHOVOR 8

LINGVISTICKÁ SEKCIA 9

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ХАРАКТЕРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПРИЧАСТИЙ (*Stanislav Oplatek*) 10

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОЧЕШСКИХ ПАМЯТНИКАХ (*Oksana Ushakova*) 21

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕШСКО-РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ (*Markéta Pavlasová*) 29

NOVÉ TRENDY VO VYUŽÍVANÍ ZOONÝM VO FRAZEOLÓGII (*Petra Fojtů*) 39

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОНЕТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО (*Jakub Konečný*) 48

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РЕАЛИЯМ РОССИИ (*Veronika Kaplanová*) 57

КАЛЬКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (*Kristýna Křížová*) 65

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ *(Kateřina Neumannová)* 74

УСВОЯЕМОСТЬ КОМПЮТЕРНЫХ СЛОВ В МАКЕДОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ *(Panda Stojanovska)* 82

МОЖНО ЛИ МУЖЧИНУ КОРОВОЙ, А ЖЕНЩИНУ КОТОМ ЗВАТЬ? (*Ivana Hanulíková*) 88

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ СМЫСЛОВЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЮРИЯ АНДРУХОВИЧА «МОСКОВИАДА») *(Tímea Mérai)* 97

LITERÁRNOVEDNÁ SEKCIA 105

PODOBY JARI V POÉZII A. A. FETA *(Andrea Haburová)* 106

ВЛАДИМИР НАБОКОВ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ (*Olga Yermakova)* 118

АЛЛЮЗИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ПОСТМОДЕРНИЗМА *(Julia Caltová)* . 128

«ДЕТИ – СПАСИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ» *(Ferenc Varga)* 136

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И БЫТИЕ ПИСАТЕЛЯ В ЭМИГРАЦИИ *(Ivan Posokhin)* 147

(NE)KOREKTNOSŤ TVORBY VLADIMÍRA SOROKINA *(Zuzana Lorková)* 155

TRANSLATOLOGICKÁ SEKCIA 164

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (*Martina Kotásková)* 165

HISTORICKO-KULTÚRNA SEKCIA 175

ЖЁНЫ ДЕКАБРИСТОВ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ *(Szilvia Nagy)* 176

ROZPRAVY O CIVILIZÁCII. CIVILIZAČNÝ NARATÍV AKO VÝZNAMNÁ SÚRADNICA POSTSOVIETSKEHO DISKURZU *(Nina Cingerová)* 185

IVAN HROZNÝ V OBDOBÍ STALINIZMU *(Veronika Knapcová)* 194

MEDAILÓNKY AUTOROV PRÍSPEVKOV 205

PREDHOVOR

Zborník *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy* je výstupom príspevkov, prezentovaných na 1. ročníku Bratislavskej konferencie mladých rusistov, ktorú organizovali doktorandi na pôde Katedry ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave dňa 5.10.2012. Nový pohľad na lingvistické, literárnovedné, translatologické a historicko-kultúrne otázky predostreli mladí rusisti z hosťujúcej Katedry, ale aj zo zahraničných akademických pracovísk – Masarykovej univerzity v Brne, Karlovej univerzity v Prahe, Univerzity Palackého v Olomouci, Tallinnskej univerzity, Univerzity Loranda Eötvösa v Budapešti, Segedínskej univerzity či Unicorn College v Prahe. Rokovacími jazykmi konferencie boli ruština a slovenčina. Hlavným cieľom podujatia bolo ponúknuť generačnú platformu mladým adeptom rusistiky, podporiť ich vedecko-výskumnú činnosť a prostredníctvom nadväzovania osobných kontaktov na medzinárodnej úrovni aj rozvoj rusistiky.

Veríme, že sa nám stanovený cieľ podarilo naplniť a že sa konferencia stane príjemnou tradíciou, ktorá bude zdrojom inšpirácie pre odborníkov nielen v oblasti rusistiky, ale aj slavistiky.

Organizačný tím konferencie

LINGVISTICKÁ SEKCIA

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ХАРАКТЕРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПРИЧАСТИЙ[1]

PhDr. Stanislav Oplatek

Masarykova univerzita v Brne

oplatek@phil.muni.cz

ABSTRACT:

Present contribution is focused on the system of old-Russian participles, esp. participium praesenti activi & participium praesenti passivi. Theoretical typological approach was used to compare verbal systems in Turkic and old-Russian languages. We revealed several correspondences of both verbal systems, esp. in the use of verbal aspect. We assume, that the -*nt*- & -*us*- participle suffixes in old-Russian played primarily a role of an aspect shifter, i.e. they had *terminal* and *intratermial* interpretation (in the sense which is common in Turkic languages).

Древнерусским причастиям уделялось в науке внимание неоднократно. Поэтому в нашей статье мы попытаемся посмотреть на данную глагольную категорию с несколько нетипичной точки зрения — с точки зрения языковой типологии и аналогии, и продемонстрируем на древнерусском (дррус.) и древнегреческом (дргр.) языковом материале альтернативный подход к категории дррус. причастий. В нашей статье мы сосредоточимся на активных причастиях настоящего и прошедшего времени (PpA & PptA). Наши выводы основываются на наблюдениях над выборкой дррус. и дргр. причастий из Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ[2]): 200 контекстов[3].

1 Исходные положения

Дррус. причастия будем понимать как часть глагольной системы древнерусского языка, в некотором смысле равную глаголу (verbum finitum — Vf), которая отличается от Vf только признаком не-выражения времени: ни глагольного, ни какого-либо другого (вкл. относительное настоящее = одновременность, относительное прошлое =

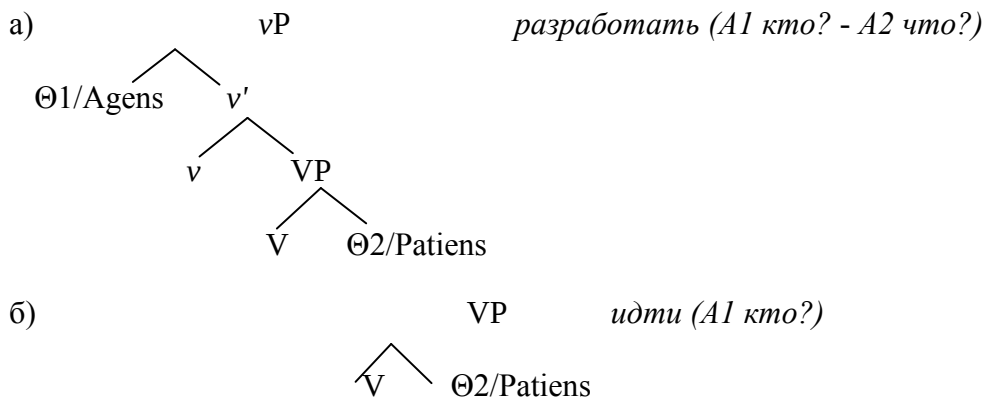
[1]Příspěvek vznikl v rámci specifického výzkumu na Masarykově univerzitě – projekt Slované a slavistika v areálovém pojetí (MUNI/A/0789/2011).

[2] МОЛДОВАН, А. М. 2000. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. Москва: Азбуковник, 2000. 759 с.

[3]Житие Андрея Юродивого — дррус. переводное произведение. Дррус. перевод дргр. подлинника выполнен в конце XI — начале XII вв.

преждевременность).

Относительно теоретического синтаксического фрейма, мы будем пользоваться теорией непосредственных составляющих в самом широком ее смысле. Согласно модели генеративной грамматики[4] структуру глагола интерпретируем как конгломерат разных грамматический и лексических признаков: А) глагольная основа *писа/пише-ть* является носителем лексических признаков +V -N, и далее признаков Т (время) и А (вид). Параметр Т становится для структуры заметным только в случае, что глагольная основа получает окончание 1-3 лица[5]. Параметр А проявляется в совр. славянских как грамматическая оппозиция совершенность-несовершенность и как лексическая оппозиция (Aktionsart) дуратив : фактитив или процесс/состояние : достижение цели действия/однократное действие[6]. Б) Синтаксическую структуру интерпретируем след. образом:



Что касается причастий мы предполагаем, что они возникают в результате синтаксической деривации[7]. Их окончательная форма и «приближенность» или «отдаленность» от номинальной системы определяется только тем, на каком уровне синтаксиса они образованы. При этом применяется принцип постепенного «опускания» структуры, т. е. если представить вертикаль, на которой словарь со своими правилами и структурами находится в самом низу и синтаксис со своими правилами и структурами расположен над ним, то отглагольные прилагательные будут находиться уже в словаре, в то время как причастия будут находиться на разном расстоянии от него, в зависимости

[4] JOHNSON, K. 2007. *Introduction to Transformational Grammar*. University of Massachusetts: Fall, 2007.
[5] KARLÍK, P. 2003. *K vnitřní struktuře českých participií.* In: Linguistica Brunensia. A51, 2003, s. 133-146. KARLÍK, P. – VESELOVSKÁ, L. 2009. *Infinitive Puzzle*. In: Czech in Formal Grammar. München: Lincom Europa, 2009, s. 197-213.
[6] VENDLER, Z. 1957. *Verbs and times*. In: Philosofical Review. Vol. 56, 1957, s. 143-160.
[7] WASOW, T. 1977. *Transformations and the Lexicon*. In: Culicover, P. – Wasow, T. – Akmajian, A. (eds.). *Formal Syntax*. New York: Academic Press, 1977.

от того, какая часть глагольных черт исходной вербальной структуры, аннулирована в течение синтаксической деривации в пользу имени. Таким образом, «синтаксическое» причастие имеет согласно нашей модели структуру [N_i [VP **[**e_i Part**]**]] > **[**e [[V-stem] Part-suf] N-flex**]**, где *Part* означает причастие, *stem* основу и *e* пустую структурную позицию, которая не может быть лексически заполнена, так как ей не присвоен падеж (параметр T заблокирован причастным суффиксом и именной флексией).

Не решенным пока оставался вопрос, какую роль в причастной или деепричастной структуре имеют суффиксы *-в(ш)- // -ч/щ-*. Именно их интерпретация является целей нашей статьи. Из выше сказанного ясно, что суффиксы PpA & PptA не имеют характер «номинализатора» структуры, поскольку эту роль выполняет именная флексия. Однако, также трудно согласиться с тем, что они имеют темпоральное значение, поскольку темпоральная интерпретация заключена уже в самой вступающей в деривацию глагольной основе. По логико-структурным причинам, которые мы приводим в другой статье, мы не соглашаемся ни с собственно глагольной темпоральной, ни с относительной (пожалуй наиболее распространенной) интерпретацией времени, выражаемого дррус. PpA & PptA.

2 В поисках интерпретации

Анализируя дррус. материал, в причастных структурах наблюдаются определенные тенденции, которые на наш взгляд стоят во взаимной контрадикции. Это, прежде всего, употребление PpA & PptA в определенных контекстах: в то время как PpA зачастую действительно имеет тенденцию означать относительный презенс, т. е. современность — ср. дррус.:

Чресъ день же весь праведникъ творяся несмысленъ. словеса глаголаше. якоже похабъ (ЖАЮ, с.170 — *parafronwn* /Ppres/) → praes.

x *недалече бо ти будеть и пущенъ будеши. и ходити начнеши по своеи воли* (ЖАЮ, с.253) → fut.

x *да единъ бѣаше украшенъ златомь чистомь и каменьемь чьстьным.* (ЖАЮ, с. 72) → impf.

PptA «сохраняют» «глагольное» прошедшее время — ср. дррус.:

а кто възъмъ товар … да тот товар пропиет (Суд Barnet, с. 114) → «кто взял и после этого (в будущем) его пропьет».

Кроме того, в отличие от PpA, PptA не застывают в функции наречий. Это на наш взгляд только свидетельствует о том, что из-за своего сильно выраженного временного

признака у причастий PptA не произошла номинализация причастной структуры, о чем мимо прочего свидетельствует и то, что в дрpус. эти причастия по всей вероятности никогда не образовали членных форм[8]. Также в нашей выборке членная форма PptA, в отличие от PpA, ни один раз не встретилась.

Данное противоречивое состояние все-таки можно интерпретировать — однако, не в рамках стандартных решений, основанных на синхронном срезе русского языка, как это делалось до сих пор. Исходной точкой для нас будут два диахронических факта: а) распад системы прошедшего времени и его трансформация, которую можно представить след. образом:

Таблица 1: Временная система в друс. и совр.рус. языке

<table>
<tr><th colspan="3">дрpус.</th><th colspan="2">совр.рус.</th></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">prézens – futurum</td><td rowspan="2">Несу</td><td>Futurum</td><td>буду делать, ?сделаю</td></tr>
<tr><td>Prézens</td><td>делаю</td></tr>
<tr><td rowspan="2"></td><td>Imperfektum</td><td>Несяхъ</td><td rowspan="2">Préteritum</td><td rowspan="2">делал, сделал</td></tr>
<tr><td>Aorist</td><td>Несохъ</td></tr>
<tr><td colspan="2">Perfektum</td><td>неслъ (есмь)</td><td>perfektum (dial.)</td><td>ушедши</td></tr>
<tr><td colspan="2">plusquamperfektum</td><td>есмь былъ неслъ</td><td>plusquamperfektum (dial.)</td><td>был ушедши (редк.) был делал</td></tr>
</table>

б) постепенная грамматикализация глагольного вида. Этот процесс мимо прочего имплицирует существование лексического вида (*Aktionsart*), обусловленного

[8] JACOBSSON, G. 1963. The Slavic Active Participles: Original Structure and Interference. In: *Scando-Slavica*. Vol. 9:1, 1963, s. 123-138.

семантикой глагола. *Aktionsart* имеет значение отношения действия к цели, т. е. достижение или не достижение цели во время действия (*telicity/atelicity*).

Общепринятой гипотезой является то, что трансформация видовой системы стала причиной изменений в системе выражения времен. Однако, данная гипотеза никак не объясняет, почему произошло упрощение в системе претеритов — дистрибуция этих времен не соответствует аспектуальным отношениям *telicity* — *atelicity* (в отличие от, напр. перфекта; ср. Večerka, 2011). Все это, на наш взгляд, указывает на присутствие еще одного до сих пор не замеченного признака в структуре дррус. глагола.

Таким признаком может являться «терминативный» аспект (вид) — это *отношение говорящего к происходящему действию не с точки зрения цели, а пределов действия («терминативность»)*. Именно такое понимание действия имеется в тюркских языках — глагольная система этих языков построена как на противопоставлении времени (настоящее — прошедшее время), так и на противопоставлении глагольного «аспекта» терминатив — интратерминатив — пост-терминатив (*terminal — intraterminal — post-terminal*). Взаимоотношение такого аспекта и времени следующее:

- *имперфект и презенс* имеет значение *интратерминатива* (действие без выраженного предела, которое говорящий созерцает как будто изнутри в его собственных, но не четких или неизвестных границах). Интратерминатив употребляется для выражения регулярного (*В детстве я часто ходил на рыбалку.*) или протекающего действия (в см. англ. *I was just eating.*).
- *перфект* означает *пост-терминатив* — действие, которое было закончено в прошлом, и с точки зрения говорящего (момента речи) оно созерцается как будто после терминальной границы действия.
- *аорист* означает *терминатив* — действие как целое в его пределах, имплицирует четкие границы и известность лимитов действия[9].

На наш взгляд добавление признака терминативности в дррус. или пслав. глагол имеет типологическое обоснование — прежде всего, это типологически распространенное сохранение двух разных аспектуальных значений, выражаемых на глаголе, а также дррус. и тюрк. параллели в области глагольной системы:

- наряду с богато развитой системой причастий, это аналитическое

[9] JOHANSON, L. et al. 1998. *The Turkic Languages.* London: Routledge, 1998. S. 43-45.

образование видовых значений — ср. дррус.:

Убудив же ся господинъ его. ***дивитися нача*** *бывшему.* → в зн. «удивился» (ЖАЮ, с. 150)

Оттолѣ же никогоже от тѣхъ не види ни вышедша, ни вшедша, даже ***нача клепати в било*** *слуга.* → в зн. пока не позвонил (ЖАЮ, с. 199)

• использование (дее)причастий для выражения сложных времен — временных оттенков:

дррус. *многу челядь* ***бѣ имѣя*** (*бѣ имѣя* вм. имѣаше — дргр. ἔκτητο, 3.sg.impf.; ЖАЮ, с. 16)

тувин. *ол номчун олурган* (он какое-то время читал)

• «невыражение» пассива в парадигме глагола, как, напр. в греческом, а аналитически посредством морфемы, выполняющей роль блокатора А2 переходных глаголов. Также соотношения между морфемами пассива и медиума (возвратный залог) тождественны — эти морфемы могут в опред. случаях выполнять одинаковые функции — ср.:

рус. *говорить**ся**, строить**ся*** /pass/

x

*причесать**ся**, смеять**ся**, мне не спит**ся*** /med/

азерб. *даныш**ыл**ыр* (говорится), *яз**ыл**маг* (написаться) /pass/

x

*jор**ул**маг* (утомиться), *ач**ыл**маг* (открываться кому?) /med/[10]

• вытеснение причастий и их замена в определенных структурах на протяжении развития славянских языков (ср. дррус. *заутра же приде ко мнѣ недостоиному и* ***дерьзнувъ исповѣда*** *ми бывшее видинье свое.* = дргр. *Ἔρχεται* /pres/ *οὖν πρός με πρωΐας τόν ἀνάξιον καί θαῤῥεῖ* /impf/ *μοι τό πρᾶγμα καί τήν ὅρασιν.* (ЖАЮ, с. 132) x рус. *осмелился сказать* x неупотребление инфинитива в тюркских языках).

• неспособность дррус. и тюрк. яз. выразить самостоятельное будущее и самостоятельное настоящее в пределах глагольной структуры — вместо этого употребление т.наз. будущего-настоящего.

• редкое употребление исторического настоящего (*praesens historicum*) в дррус. и тюрк. яз. — ср. дррус. последовательная замена дргр. исторического презенса аористом, наблюдаемая в ЖАЮ:

[10] СЕВОРТЯН, Э. В. *Грамматика азербайджанского языка*. Баку: ЭЛМ, 1971. С. 106-107.

дргр.: ... ***ὁρᾷ*** /pres/ *καί ἰδού πέντε γυναῖκες ὀφθαλμοφανῶς ἐκεῖσε ἐπέστησαν* /aor/ ...

дррус.: *вмалѣ же тому плачю и молитвѣ преставшю* ***види*** (aor) *и се пять женъ очивѣсть придоша ту.* (ЖАЮ, с. 178)

В случае, что наше предикция правильная, напрашивается альтернативное объяснение функции дррус. имперфекта, как интратерминативного прошлого вместо действия «заднего плана» (в отношении к аористу), как его интерпретирует Р. Вечерка[11] — ибо, как нам кажется, в случае правильности второй именуемой интерпретации не должны быть допустимы случаи типа дррус.: *вечеру же наставшю егда ему* ***бѣаше*** *любо не* ***спаше****. нъ* ***хожаше*** *по оулицамъ. градьнымъ. молитвы дѣя на сьрдцѣ всю нощь* ***бдя пребываше****. а заоутра* ***почиваше****.*

= дргр. *Ἑςπέρας δέ προσγενομένης, ὅτε μέν ἔδοξεν* /aor/ *αὐτῷ ἠγρύπνει* /impf/ *πεζεύων τοῖς ἐμβόλοις τῆς πόλεως κατά διάνοιαν προσευχόμενος. Καί πᾶσαν τήν νύκτα ἄυπνος διατελῶν πρωΐ ἀνεπαύσατο* /aor/. (ЖАЮ, с. 418) — т. е. употребление в самостоятельном высказывании одних имперфектов.

3 Интерпретация «временных» значений на основе аналогии

На основании сказанного нам представляется следующая картина: глагольная основа является носителем бинарной граммемы времени (действие, происходящее с момента речи или до него), кроме того, каждый глагол несет в своем лексическом значении кодированный *Aktionsart*. Некоторые морфемы (?суффикс глагола) несут значение «терминативность» — эту функцию мы приписываем также суффиксам PpA & PptA.

Таким образом, с точки зрения выражения терминативности можно систему дррус. причастий описать следующим образом:

а) *интерминатив* → *nt-Part*

б) *терминатив* → *us-Part*

в) *пост-терминатив* → *l-Part*; при этом *n-*, *m-Part* представляют собой пассивные формы (специальные пассивные причастия не входящие в «аспектуальную»

[11] VEČERKA, R. 2011. Scénický prézens v staroslověnštině. In: *Opera Slavica* et Palaeslovenica Minora. Brno: Host, 2011. S. 165-171.

корреляцию встречаются и в тюркских языках)

или

a) *интерминатив* → *nt-Part*

b) *терминатив* → *us-Part*

c) *пост-терминатив* → *n-Part*; *l-Part* не является уже частью глагольной системы (полностью или номинализировалось или перешло в разряд сложного глагольного времени — перфекта, *m-Part* является не славянским структурным элементом, а заимствованным из греческого (хотя не отрицаем факт, что в балтославянском яз. оно существовало[12]).

Так или иначе, несмотря на статус пассивных причастий и *л*-причастия, что касается причастий активного залога, то их употребление в текстах на основании признака «*внупредельность»* и «*предельность»* действия на данный момент подтверждается и нашими данными, требующими, однако, дальнейшего пополнения. Итак, вместо заключения продемонстрируем на нескольких образцовых примерах из дрруc. яз. наши вышеприведенные выводы:

α) употребление причастий от глаголов св. вида в дательном самостоятельном:

- *оутру же* ***бывшю****. лобзавъ мя. поиде на духовное дѣло.* (ЖАЮ, с. 336 — дргр. *γενομένης* /gen.abs.aor./)

→ когда наступило утро (не «было утро»);

- *нощи же* ***наставши*** *уже. оному бдящю до полунощи. и по* ***обычаю*** *молитвы. и моленья отаи. в таинѣмь храмѣ сердца своего. богу и святѣи мученици* ***приносящю****. приде к нему очивѣсть дьяволъ.* (ЖАЮ, с. 206)

→ предельное действие & повторяющееся действие;

β) употребление PpA от глаголов св. вида в атрибутивном значении:

- *видиши ли, како ти ся есмь уранилъ. на помощь твою велми бо ся пеку тобою. мене бо наряди богъ. повелѣвъ ми. да промышляю. яже тя на спасение твое приводять удобная пекыися* ***всегда*** *и* ***подая*** *тебе.* (ЖАЮ, с. 251 — дргр.: *μεριμνῶν* /PpA/ *ἑκάστοτε ἐπιβραβεύων* /PpA/);

γ) употребление PptA от глаголов нсв. вида:

[12] JACOBSSON, G. 1963. The Slavic Active Participles: Original Structure and Interference. In: *Scando-Slavica*. Vol. 9:1, 1963. Pp. 123-138.

• ***сѣдѣвъ*** *же* ***день тои весь*** *въ ужи не вкуси ничегоже. нъ блядивая словеса* ***молъвляше сѣдя*** (ЖАЮ, с. 202) = сидел там целый день и во время сидения *все время* тараторил);

δ) употребление PpA в зн. многократного действия:

• *ходяще же* ***хожаху по болемъ*** *лежащих ту.* ***единого по единому посѣчающе*** (ЖАЮ, с. 178 – дргр. *Periéchonto* /impf/ *δέ* ***διοδεύοντες*** /PpA/ *τούς ἐκεῖ ἀσθενεῖς, ἕνα καθ' ἕνα* ***ἐπισκεπτόμενοι*** /PpMp/)

→ ходили и постепенно проходили мимо больных>неограниченное действие и одного за другим просматривали>повторяющееся бес завершения действие;

• *цьсарь же* ***улыснувся*** *выня ис пазухы своея нѣчто еже бѣаше видиниемь. яко огнь и вельми добрѣ воняя и цвѣтомъ одѣно образомъ.* (ЖАЮ, с. 323)

X

рече ему уноша ***улыскаяся*** *лицемь.* (ЖАЮ, с. 86);

ε) употребление PptA от глаголов св. вида в зн. последующего действия:

• ***повелѣ*** *вести его въ церковь святыя мученица анастасия. юже есть създалъ благовѣрныи левъ мясникъ. и ужи желѣзны привязати его тамо.* ***пославъ*** *и сребреникъ голѣмо. слузѣ церковьному. на сего потребу и угодие.* (ЖАЮ, с. 164 — дргр. ...*ἐκεῖσε αὐτόν ἀπενεχθῆναι* /aor.inf/ *προσέταξεν καὶ δεσμοῖς ἀλύτοις δεθῆναι, ἀποστείλας* /PaorA/ *ἀργύρια πλεῖστα τῷ προσμοναρίῳ πρὸς τὴν τούτου θεραπείαν.*)

→ сначала повелел и потом послал.

Использованная литература:

BARNET, V. 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha: Univerzita Karlova, 1965. 191 s.

CHOMSKY, N. 2000. Minimalist Inquiries: The Frameworld. In: Martin R. & Michaels, D. & Uriagereka, J. (eds.). *Step by Step: Essays on minimalist syntax in honour of Howard Lasnik*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000, s. 89-156.

ČULENOVÁ, E. et al. 2011. Neukončený minulý dej vo vybraných jazykoch indoeurópskej a ugrofínskej jazykovej rodiny . In: *Slavica Iuvenum*. Vol. XII. Ostrava: Ostravská univerzita, 2011, s. 62-71.

DOSTÁL, A. 1954. *Studie o vidovém systému v staroslověnštině*. Praha: SPN, 1954. 681 s.

JOHANSON, L. et al. 1998. *The Turkic Languages*. London: Routledge, 1998. 474 s.

JACOBSSON, G. 1963. The Slavic Active Participles: Original Structure and Interference. In: *Scando-Slavica*. Vol. 9:1, 1963, s. 123-138.

JOHNSON, K. 2007. *Introduction to Transformational Grammar*. University of Massachusetts: Fall, 2007.

KARLÍK, P. 2003. K vnitřní struktuře českých participií. In: *Linguistica Brunensia*. A51, 2003, s. 133-146.

KARLÍK, P – VESELOVSKÁ, L. 2009. Infinitive Puzzle. In: *Czech in Formal Grammar*. München: Lincom Europa, 2009, s. 197-213.

SEDLÁČEK, J. 1954. K otázce slovanských participií praes. act. a praet. act. I. In: *Slavia*, XXIII, 1954, s. 509-526.

VEČERKA, R. 1961. *Syntax aktivních participií v staroslověnštině*. Opera Universitatis Purkynianae Brunensis, 75. Brno: SPN, 1961. 178 s.

VEČERKA, R. 2011. Scénický prézens v staroslověnštině. In: *Opera Slavica et Palaeslovenica Minora*. Brno: Host, 2011, s. 165-171.

VENDLER, Z. 1957. Verbs and times. In: *Philosofical Review*. Vol. 56, 1957, s. 143-160.

WASOW, T. 1977. Transformations and the Lexicon. In: Culicover, P. – Wasow, T. – Akmajian, A. (eds.). *Formal Syntax*. New York: Academic Press, 1977.

ИСАЧЕНКО, А. В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. II.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1960. 576 s.

ИСХАКОВ, Ф. Г. — ПАЛЬМБАХ, А. А.. 1961. *Грамматика тувинского языка.* Москва: Изд. восточной литературы, 1961. 462 с.

МОЛДОВАН, А. М. 2000. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. Москва: Азбуковник, 2000. 759 с.

СЕВОРТЯН, Э. В. 1971. *Грамматика азербайджанского языка*. Баку: ЭЛМ, 1971. 407 с.

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОЧЕШСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Mgr. Oksana Ushakova

Masarykova univerzita v Brne

oxinity@gmail.com

ABSTRACT:

This article is focused on predicatives, i.e. class of unchangeable words which express person or environmental states and which have a predicative function, in Russian and Czech languages. The author tries to compare the group of words at diachronic aspect, so sources for the research are Chronicle of Nikon and Old Czech Chronicles. Extracted data from these texts are analyzed from lexical, morphological and syntactic point of view. The analysis represents that predicatives in Old Russian and Old Czech texts function in a similar way.

Категория состояния, то есть группа слов, выражающих состояние в широком смысле и выполняющих исключительно предикативную функцию, на существование которой указывали Л. В. Щерба, В. В. Виноградов[1], является, как известно, открытым вопросом современной лингвистики.

Вслед за Л. В. Щербой, В. В. Виноградовым, Е. М. Галкиной-Федорук, Г. А. Золотовой, П. А. Лекантом мы предполагаем, что некорректно относить слова категории состояния к наречиям. Категория состояния, обладающая специфическими признаками, отличающими ее от других частей речи, представляется самостоятельным лексико-грамматическим классом, который характеризуется тем, что выступает в качестве предиката и служит для выражения нединамического признака.

В нашей статье мы постараемся осветить проблему функционирования слов категории состояния в сопоставительном аспекте. Мы проведем сравнительно-историческом анализ того, как данные единицы функционируют в двух близкородственных языках – русском и чешском. Материалом для нашего исследования послужили «Старые чешские летописи» и Никоновская летопись.

[1] ЩЕРБА, Л.В. 1957. *О частях речи в русском языке*. In: Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1957. С. 63 – 85.
ВИНОГРАДОВ, В.В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. 2-е издание. Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.

Никоновская летопись – обширный древнерусский летописный свод, который компилирует многочисленные областные летописи, повести, жития. Никоновская летопись описывает события от создания Русского государства до конца XVI века. Для сопоставления мы взяли лишь часть этого памятника, а именно летописные статьи с 1362 по 1506 гг. «Старые чешские летописи» представляют собой свод записей анонимных авторов разных поколений о текущих событиях. Записи охватывают период с 1378 по 1526 гг.

Наш выбор не был случаен. При подборе источников мы для большей объективности нашего исследования руководствовались несколькими критериями: во-первых, жанр сравниваемых произведений (оба памятника являются летописными текстами), во-вторых, время создания (оба произведения были написаны примерно в одно и то же время).

Итак, опираясь на определение категории состояния как класса неизменяемых знаменательных слов, которые выражают нединамический признак (состояние в широком смысле) и являются главным членом безличных предложений, мы обратились к выбранным источникам. В рассматриваемой части Никоновской летописи мы обнаружили 64 конструкции, в которых использованы слова категории состояния. В «Старых чешских летописях» таких примеров 24.[2] Обнаруженные словоформы мы сопоставили по нескольким системным уровням языка: лексическому, морфологическому и синтаксическому.

В первую очередь мы провели лексический анализ обнаруженных словоформ. Круг единиц, вошедших в наш корпус, оказался весьма разнообразным, поэтому мы разделили слова категории состояния на несколько разрядов. К первому разряду мы отнесли слова, которые обладают модальной семантикой необходимости, возможности, невозможности:

От велыкиа тесноты задыхахуся, яко ***немощно*** *бе вместитися на поле Куликове;*[3]

Прочее же милостивнымъ нищелюбиемъ богоугодное житие исправляа, кроме всякого тщеславиа, имиже ***възможно*** *есть Богу угодити;*[4]

И ***нелзе*** *бяше битися имъ, межи бо ихъ река Кострома.*[5]

---

[2] Несоразмерность выборки в определенной степени объяснима тем, что древнерусский памятник оказался более объемным, чем старочешский текст.

[3] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею*: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 60.

[4] Там же, с. 199.

Мы обнаружили 19 предложений (29% от общего числа конструкций), где встречаются подобные единицы в Никоновской летописи указанного периода и ни одного в «Старых чешских летописях».

Второй разряд составляют слова, которые выражают состояние. Это может быть обозначение физического или эмоционально-психического состояния человека либо обозначение состояния окружающей среды:

*и паки **легчае** ему бысть, и возрадовашася великая княгиня и сынове его;*[6]

*Того же лета бяше **наморочно** зело и **дождевно** велми;*[7]

***žalostno** na to zpomenutí bylo těm, kteříž to viděli;*[8]

*Toho léta **teplo** bylo vo Vánociech jako na podletí;*[9]

Конструкций со словами, обладающими такой семантикой, в Никоновской летописи оказалось 22 (35%), а в «Старых чешских летописях» – 13 (51%).

К третьему разряду относятся слова, выражающие морально-этическую оценку какого-то события, оценивающие действие в аспекте его правомерности, с точки зрения существующих правил:

*И ныне **добро** бы вамъ, Латыно, познати истину Божию и не глаголати неправды;*[10]

*jednali nepodobné a neobyčejné smilstvo, že by bylo o tom **mrzko** a **ohavno** praviti.*[11]

В Никоновской летописи структуры, где использованы слова с оценивающей семантикой, встречаются 23 раза (50%), в «Старых чешских летописях» – 12 (49%).

Итак, проведенный лексический анализ выявил, что слова, непосредственно выражающие состояние, широко представлены как в Никоновской летописи, так и в «Старых чешских летописях». Однако, как показывает сопоставительный анализ, в старочешском памятнике использованы лексемы лишь двух типов: обозначающие состояние человека или природы, а также выражающие оценку действия. Частотность

---

[5] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему велению археографической комиссиею*: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 12. Санкт-Петербург, 1901. С. 21.

[6] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 113.

[7] Там же, с. 193.

[8] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 279.

[9] Там же, с. 319.

[10] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему велению археографической комиссиею*: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 12. Санкт-Петербург, 1901. С. 27.

[11] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 30.

обоих типов была практически одинаковой. В древнерусском тексте слова, обозначающие состояние, составляют треть от всех случаев употребления слов категории состояния.

Самым объемным для древнерусского памятника оказался последний, третий, разряд. В старочешском тексте слова с оценивающей семантикой оказались также весьма частотной группой. Следует, однако, отметить, что при всей частотности (на долю этого разряда приходится половина всех древнерусских и старочешских случаев употребления слов категории состояния) единицы, представленные в данном разряде, не отличаются большим разнообразием. Чаще всего используется слово *добро/dobře* либо его компаратив *лучше/lépe*. Это можно объяснить широким семантическим полем данной лексемы, выражающей положительную характеристику в самом широком смысле. Например, «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.» к слову *добро* приводит следующие значения:

1. Все положительное, хорошее.
2. То, что хорошо, полезно, приятно.
3. Добро, пожитки, имущество[12].

Подобная универсальность позволяет использовать эту единицу практически в любом контексте.

Интересен также тот факт, что слова первого разряда, то есть лексемы, выражающие модальные значения, в старочешском тексте не представлены вообще. Отсутствие слов категории состояния с модальной семантикой в чешском памятнике, на наш взгляд, обусловлено тем, что чешский язык, в отличие от русского, располагает, помимо слов категории состояния, и иными средствами для выражения модальных значений, например, глаголами долженствования: *Musím to dokončit - Мне необходимо это закончить. Mám tam jít? - Мне нужно туда идти?/Я должен туда пойти?* Наличие глаголов способствует уменьшению частотности других модальных слов.

Далее мы провели морфологический анализ слов, составляющих исследуемый корпус единиц. Следует заметить, что слова категории состояния по большей части являются неизменяемыми. Однако слова, соотносительные с именами прилагательными, сохраняют грамматическую категорию степеней сравнения. Среди

[12] *Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.(в десяти томах).* Том 2. 1989. Москва: Русский язык, 1989. С. 479 – 480.

обнаруженного корпуса древнерусских слов мы выявили 10 случаев употребления слов категории состояния в сравнительной степени:

а мне отъ тебе еще того ***лютее*** *и* ***грузчая****;*[13]

лутче *намъ смерть приати, неже сему быти.*[14]

В чешском памятнике не наблюдается столь большое разнообразие форм сравнительной степени. Мы нашли лишь два случая употребления компаратива от слова *dobře*:

Lépe *jest státi v jednotě cierkve svaté a poslušenstvie;*[15]

Bylo by ***lépe*** *nečiniti poslušenstvie.*[16]

Примечательно, что категорию степеней сравнения обнаруживают по большей части слова, выражающие оценку ситуации, действия, то есть слова, составляющие третий разряд в нашей лексико-семантической классификации. Обусловлено это, как нам кажется, структурно-семантическими характеристиками подобных слов. С одной стороны, слова с оценочной семантикой чаще всего соотносительны с именами прилагательными, а следовательно, все такие слова потенциально могут быть употреблены в форме сравнительной или превосходной степени. Необходимо также учесть тот факт, что выражение оценки чего-либо позволяет выразить ее в различной степени интенсивности. В то время как выражение модальности или состояния как такового не предполагает градационное проявление признака.

Изучение древнерусского и старочешского текстов позволяют сделать вывод о сходном функционировании слов категории состояния в морфологическом плане: в обоих памятниках наблюдаются формы сравнительной степени слов категории состояния, причем компаративы чаще всего встречаются у слов с оценочной семантикой.

Корпус исследуемых единиц был нами рассмотрен также в аспекте синтаксическом. Известно, что слова категории состояния выступают исключительно в роли главного члена безличных предложений:

---

[13] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему велению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Том 12. Санкт-Петербург, 1901. С. 102.

[14] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 173.

[15] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 239.

[16] Там же, с. 258.

якоже ***угодно бысть*** *Господеви, тако бысть;*[17]

Pražanóm toho **bylo** *velmi* ***žel*** *a* ***líto****.*[18]

Однако часть анализируемых конструкций, на наш взгляд, может быть квалифицирована как двусоставные предложения, в которых в роли подлежащего выступает инфинитив, а слово категории состояния выступает в качестве именной части составного именного сказуемого:

достойно есть *обое* ***дръжати*** *и пресное и кислое;*[19]

tak ***snadno*** *řeč ačkoli nevzacnú* ***učiniti*** *příjemnú.*[20]

Таким образом, со структурной точки зрения, двусоставные конструкции построены по одной структурной схеме Infinitiv + (Copula) Predikativ. Что касается односоставных предложений, то их строение оказалось различным. Структура таких конструкций тесно переплетена с лексико-семантическим значением слов категории состояния. Так, например, в предложениях со словами, выражающими состояние человека, обязателен семантический субъект (в русском и чешском языках – это синтаксическое существительное в форме дательного падежа):

достойно *таковому и чюдному* **чаду** *отъ инехъ родитель родитися;*[21]

Toho **jim** ***líto*** *bylo.*[22]

И наоборот, понятно, что, например, не могут сочетаться с семантическим субъектом слова, служащие для описания природных явлений или окружающей обстановки. Конструкции с подобными словами требуют обстоятельств со значением места или времени:

бе бо **около града** ***чисто;***[23]

a **toho léta k velice noci** ***draho*** *bylo.*[24]

---

[17] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею*: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 65.

[18] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 41.

[19] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему велению археографической комиссиею*: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 12. Санкт-Петербург, 1901. С. 37.

[20] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 240.

[21] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею*: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 118.

[22] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 38.

[23] *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. С. 73.

Общим для всех конструкций является то, что во всех предложениях слова категории состояния выполняют предикативную функцию в качестве именной части составного именного сказуемого в двусоставных предложениях или в качестве предиката в односоставном безличном предложении.

Итак, мы рассмотрели функционирование слов категории состояния в «Никоновской летописи» и «Старых чешских летописях». В ходе нашего исследования мы выяснили, что слова категории состояния, во-первых, неоднородны в лексико-семантическом плане. И в древнерусском, и в старочешском памятниках встречаются разнотипные лексемы: корпус древнерусских единиц может быть разделен на три разряда, корпус старочешских слов категории состояния – на два.

Во-вторых, слова категории состояния, образованные на базе имен прилагательных, способны изменяться по степеням сравнения. В обоих памятниках мы обнаружили формы сравнительной степени.

В-третьих, слова категории состояния, помимо безличных конструкций, могут функционировать и в двусоставных предложениях, образуя в сочетании с инфинитивом грамматическую основу предложения.

Приведенные положения позволяют сделать вывод, что слова категории состояния функционируют в двух славянских памятниках весьма схожим образом, что может свидетельствовать о типологическом характере этих единиц. Вопрос, касающийся категории состояния, однако, нельзя считать решенным. Данная проблематика, несомненно, требует более детального анализа и сопоставительного изучения на более широком языковом материале.

Использованная литература:

ВИНОГРАДОВ, В.В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. 2-е издание. Москва: Высшая школа, 1972. 613 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Том 11. Санкт-Петербург, 1897. 254 с.

[24] ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. S. 318.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссиею: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Том 12. Санкт-Петербург, 1901. 266 с.

Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. (в десяти томах). 1989. Том 2. Москва: Русский язык, 1989. 494 с. ISBN 5-200-00049-1

ЩЕРБА, Л.В. 1957. О частях речи в русском языке. In: *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 1957. С. 63 – 85.

ŠIMEK, F. – KAŇÁK, M. 1959. *Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. 483 s.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕШСКО-РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ[1]

Mgr. Markéta Pavlasová

Masarykova univerzita v Brne

marketa.hoferkova@seznam.cz

ABSTRACT:

The Article discusses the history of Bible translations into Russian and Czech. Also includes the division of biblical idioms into different groups. The greatest attention is paid to idioms with biblical proper names which express the emotional experience of man. There are presented the Russian and Czech parallels.

Душа человека развивается до самой смерти. (Гиппократ)

Священное Писание оказалось первым письменным текстом у многих народов. С его переводом на национальные языки неразрывно связано становление и развитие национальной культуры, литературы, философских направлений, этических концепций[2]. С. Н. Булгаков[3] к этому добавляет: *Библия - это не только «священное писание», знамя христианства, свод жизненных правил, «явление высшей духовной ценности», но и историческая летопись, выдающийся памятник литературы.*

Древнейший славянский вариант Библии связан с именами миссионеров-монахов Кирилла и Мефодия (9 в.). Их переводы не сохранились, но они, несомненно, имели огромное влияние на культуру славянских народов и были широко распространены среди них. История нынешней русской Библии восходит к 1816 году, когда по повелению императора Александра I *Российское Библейское Общество*

[1] Příspěvek vznikl v rámci specifického výzkumu na Masarykově univerzitě – projekt Slované a slavistika v areálovém pojetí (MUNI/A/0789/2011).

[2] КОЛЕСОВ, В. В.1994, с. 28-29 (Red. pozn.: autorka neuvádza plný bibliografický údaj)

[3] Сергей Николааевич Булгаков (16 (28) июня 1871, Ливны, Орловская губерния, Российская империя — 15 января 1944, Париж, Франция) — русский философ, теолог, священник Православной Церкви.

приступило к переводу Нового Завета на русский язык, но первый полный перевод Библии на русский язык появился лишь в 1976г. С тех пор этот перевод, обычно называемый *Синодальным*, выдержав десятки изданий, стал стандартным текстом Библии для всех христиан России. Чешские переводы Библии начали появляться в 13 в., а в начале 15 в. Ян Гус[4] сделал новый перевод с Вульгаты.

Несмотря на прорыв в деле перевода Библии в связи с Реформацией, Библия была в основном европейской книгой, так как большинство переводов было осуществлено на языки Европы. Современный русский литературый язык представляет собой уникальный «сплав» церковнославянского и русского народного языка. С многовековым бытованием Священного Писания связано и формирование библейских крылатых выражений в европейских языках.

Фразеологические единицы библейского происхождения являются частью общего культурно-исторического наследия европейских народов. Язык Библии *«это язык в себе», своеобразный духовный ход, объединяющий народы христианских культур*[5].

Термин *библеизм* до сих пор *«понимается скорее интуитивно»* (*Библия в языке - язык в Библии*[6]). Анна М. Коморницка, избегая термина *библеизм*, использует словосочетание *«библейские аллюзии»*, которые она подразделяет с формальной точки зрения на эпитеты, сравнения, метафоры, пословицы, слова имеющие библейско-религиозную «ауру». П. Оуржедник определяет библеизм как *«выражение или поговорку, заимствованную из Библии»*[7]. Яна Складана выделяет *фразеологические библеизмы*, под которыми она понимает фраземы христианского происхождения, восходящие к Библии[8].

Под библеизмами понимаются *«языковые единицы, характеризующиеся рядом признаков: смысловой законченностью, вопроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою*

---

[4] Национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. Был священником и некоторое время ректором Пражского университета. 6 июля 1415 года в Констанце был сожжён вместе со своими трудами. Казнь Гуса вызвала гуситские войны (1419—1434).

[5] ЛИЛИЧ, Г.А. - МОКИЕНКО, В.М. - СТЕПАНОВА, Л.И. 1993. *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках*. In: Вестник Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург: Сер. 2, 1993. С. 51.

[6] CHLEBDA, 1997 (Red. pozn.: autorka neuvádza plný bibliografický údaj)

[7] OUŘEDNÍK, P. 1994. *Aniž jest co nového pod sluncem*. 1.vyd. Praha: Mladá fronta, 1994. ISBN 80-204-0469-4

[8] SKLADANÁ, J. 1996. Odraz kresťanskej kultúry v slovenskej frazeológii. *In Slovenská kresťanská a svetská kultúra*. Bratislava: Veda, 1996. S. 120-135.

лексики». Библеизмы столь многочисленны и разнообразны, что их можно исследовать с самых разных точек зрения. Некоторые библеизмы представляют собой точные или почти точные цитаты из текста Священного Писания. Это, например, выражения как: *альфа и омега; камень преткновения; умывать руки как Пилат; стоять как соляной столб* и др.

Тема библейских фразеологизмов и крылатых слов в последнее время активно разрабатывается учеными славянских и других стран. Изучение библеизмов разных европейских языков показало, что фразеологические единицы, восходящие к книгам Священного Писания, присутствуют во всех европейских языках, но при всей близости, обусловленной общим источником, в каждом языке библейский фразеологический фонд отличается свойственным лишь каждому языку своеобразием. Уже сам набор библейских сюжетов, ставших источником фразеологических единиц, специфичен для каждого языка и в этой избирательности также проявляется национальная специфика каждого языка.

Словацкая лингвистка Ференцова[9] разделяет библейскую фразеологию на несколько подгрупп:

1. **Религиозная фразеология** – все фразеологические единицы из каких-нибудь религиозных произведений - например: *святая война*.

2. **Христианская фразеология** – фразеологизмы, которые связаны с христианской религией и духовной иерархией - в чешском языке *šedá eminence* (*серый кардинал* - очень важная личность).

3. **Библейская фразеология** – группа фразем, которые происходят из Библии. Их появление можем цитировать конкретно в Библии. Ференцова эти фразеологические единицы далее разделяет на:

а) **Фразеологизмы, которые находятся в Библии в неизменной форме**: например, *альфа и омега; расточительный сын*.

б) **Фразеологизмы, которые связаны с конкретной ситуацией в Библии**: например, *фиговый лист; козёл отпущения; воскрешение (воскресение) Лазаря*.

в) **Фразеологизмы в их составе имя собственное конкретного библейского персонажа**: например, *поцелуй Иуды; старый как Мафусаил; Фома неверующий* и др.

[9] ФЕРЕНЦОВА, М. 1996. (Red. pozn.: autorka neuvádza plný bibliografický údaj)

В нашем докладе нас интересуют фразеологические единицы составляющиеся имена[10] библейских персонажей, они связаны также с конкретными событиями в Библии. Такие фразеологические единицы можем разделить на несколько тематических групп. Чаще всего найдем группу фразеологизмов, которые связаны с психической жизнью человека, но раскроем также группы люди и их внешность, материальное положение человека, родственные отношения, физиологическое состояние человека, а также время и понимание времени.

Данные фразеологические единицы делятся не только с точки зрения значения, но и с точки зрения эквивалентности; мы классифицировали русско-чешские фразеологизмы библейского происхождения на:

- **полные эквиваленты** - то же самое значение и стилистическое употребление в речи и, конечно, та же самая грамматическая структура, но когда исследованное библейское имя, может писаться с большой или маленькой буквой (например: *А(а)дам – A(a)dam*), мы его включим также в эту группу; например *воскрешение (воскресение) (святого) Лазаря - vzkříšení Lazara; Е(е)вино племя - Evino plémě (plemeno, pokolení)*
- **неполные эквиваленты** - один и больше признаков не согласуется, расширение значения в одном языке, в одном из исследованных языков больше слов или словосочетаний; например *обратиться из Савла в Павла - udělat z Šavla Pavla; ветхий А(а)дам - starý Adam*
- **фразеологические аналоги** - фразеологизмы с тем же самым значением и стилистикой, у них аналогичное значение, но употребление разных имен собственных в виде фразеологизма; например *ходить от Понтия к Пилату - chodit od Annáše ke Kaifášovi; posílat (ně)koho od Annáše ke Kaifášovi; упрямая как валаамова ослица; Валаамова ослица (прорекла, заговорила) - tvrdohlavá jako ovce; hloupá husa; nána pitomá*
- **фразеологизмы без эквиваленции** - фраземы находим только в одном языке, это особенность данного языка; приведем собственный перевод; это специфика данного языка; например *Лазаря петь (запеть; спеть,*

[10] **Личное имя** (в древнерусском языке также - назвище, прозвище, название, прозвание, проименование) - это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нем с другими.

распевать; тянуть); прикидываться (прикинуться) Лазарем - žebrat; prosit o almužnu; chodit žebrotou и др.

- **специфические чешские фразеологизмы, у которых есть компонент библейского имени собственного**; в русском языке не появляются данные фразеологизмы с именами собственными; мы их переведем по аналогии или просто переведем, если нет фразеологизма по аналогии; например: *(být; cítit se; připadat si jako) Daniel v jámě lvové; (sám jak) Daniel v jámě lvové - он чувствует себя как в логове льва; Jobova zvěst (zpráva); dostat Jobovu zvěst; Jóbova zpráva - ужасные известия* и др.

В нашей работе мы объявили большое количество фразеологических единиц со значением "эмоциональное переживание человека"; эти фразеологические единицы можем разделить на несколько разных фразеосемантических полей; например, найдем фразеосемантическое поле "пассивность", "тщеславие", " душевное возрождение", "коварство и лицемерие", "любопытство", "мудрость", "мудрость - хитрость", "жестокость", "предательство", "жадность", "отказываться от чего-то", "бессилие - беспомощность", "смирение - невинность" и др. Таких русско-чешских фразеологических тематических групп мы нашли тридцать.

Ср. отрывок семантического поля **"эмоциональное переживание человека" - группа "пассивность":**

Пассивность – (от лат. passives – недеятельный) – бездеятельность, безучастность к окружающему; пассивность является следствием как социальных, так и индивидуальных психических факторов, одновременного наличия стимулов, побуждающих к противоположно направленным действиям.[11]

Ср. выписываемые **полные эквиваленты**:

В эту группу мы включили фразеологизмы, которые выражают отставку, пассивность, неумение чего-то достичь. В чешском языке употребляются формы глагола в инфинитиве и форме прошедшего времени, на русском языке чаще встречаются в неопределённой форме глагола.

стоять, как Л(л)отова жена; как	***(zůstat) stát (kde, někde) jako Lotova***

[11] См. *http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/p/passivnost.html*

Лотова жена стоять (встать)	***žena; stojí jako Lotova žena*** **** Lotova žena; zůstala jako Lotova žena; být jako Lotova žena; mlčí jako Lotova žena***[12]

Библейские города Содом и Гоморра возле Мертвого моря упали из-за своих пороков перед судом Божьим. Библейские города были полностью уничтожены огнем и серой, из всех людей была спасена только семья Лота, единого справедливого человека. Жена Лота превратилась в соляной столб, когда он пересек команду, чтобы не оглядываться назад во время бегства из Содома (Быт. 19).[13] Лот был сыном Харана и племянником Авраама. Лот был пастухом, вместе с Авраамом, бродили в течение многих лет; их стада увеличились и Авраам предположил, чтобы разделиться. Лот, наконец, поселился в Содоме.

Фразеологизмы в обоих языках выражают "остолбенеть от изумления, ужаса". Идиомы отражают события, которые очень страшны, и поэтому используют это выражение - "быть парализованым от страха". Хотя жену Лота в Библии не называют именем, еврейская традиция называет ее Эдит. Считается, что она оглядываясь назад не из любопытства, а из желания вернуться в Содом.

В русском языке можем выразить подобное значение формой *он стоит как вкопанный*. Ср. таким образом: в чешском языке - *proměnit (obrátit) se v (solný) sloup; stát (zůstat stát) jako (solný) sloup* – в русском языке – *обратиться в (соляной) столб; стоять как столб; стоять соляным столбом*.

Ср. выписываемые **неполные эквиваленты**:

ходить от Понтия к Пилату	***posílat (někoho) od Herodesa (Heroda) k Pilátovi; od Piláta k Herodesovi (Herodovi); posílat koho od Piláta k Herodesovi (Herodovi); od H(h)erodesa***

[12] Исследованные фразеологические единицы указывают о продуктивности имени Лот в чешской фразеологии, отражают ситуацию Лота и его жены, которая замерзла и потеряла дар речи и не могла ничего сделать.

[13] Ср. Быт. 19, 24 - 26: Пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли. Жена же [Лотова] оглянулась позади его, и стала соляным столпом.

	k P(p)ilá(a)tovi posílati **** jakož Pilát pána Krista*** ***k Herodesovi a Herodes zase ku Pilátovi odsílal; Pilátovsky; Pilátsky***[14]

Евреи в римском протекторате не могли принести в высшей меры наказания, осуждения Иисуса, таким образом, ожидаемое вмешательство губернатора. Понтий Пилат послал Иисуса к Ироду Антипу - тетрарху Галилеи. Ирод сначала обрадовался, что к нему послали такого важного заключенного, но молчание Иисуса ему очень надоело, что он отправил его обратно к Пилату.

Фраземы согласуются в семантике, выражают избежание ответственности, решении, задержку, направляют кого-то от двери к двери, бросить «как горячую картошку». Имя (Понтий) Пилат стало символом человека, который избегает ответственности, ср. подобно в чешском языке: *Pilátovsky* («вести себя лицемерно»); *Pilátsky* («вести себя нейтрально»).

Фразеологизм *posílat (někoho) od Herodesa (Heroda) k Pilátovi; od Piláta k Herodesovi (Herodovi)* с точки зрения семантики согласуется с фразеологизмом *posílat někoho od Annáše ke Kaifášovi* и с формой *posílat koho od Petra k Pavlovi*. В русском языке синонимно выразим то же самое значение фразеологизмами *заставлять кого-то ходить по кругу; посылать кого-то от одного к другому*.

Ср. выписываемые **фразеологические аналоги**:

ходить от Понтия к Пилату	***chodit od Annáše ke Kaifášovi;*** ***posílat (ně)koho od Annáše ke Kaifášovi***

После ареста Иисуса солдаты отвели его на допрос, который вел священник Аннас. Затем Аннас послал Иисуса к своему зятю - первосвященнику Каифасу. Фразеологизм *chodit od Annáše ke Kaifášovi* (или *posílat (ně)koho od Annáše ke Kaifášovi)* выражает «ходить от двери к двери», из одного офиса в другой. Эти фразеологизмы обозначают то же значение как русский фразеологизм *ходить от Понтия к Пилату*[15].

В русском языке фразеологизмы с именем Аннаса и Каиафаса не появляются, ср. синонимные формы: *ходить от одного чиновника к другому, обивать пороги* (*обить все пороги*).

[14] Ср. устаревшие и сегодня уже неупотребляемые чешские формы.
[15] См. выше.

ходить от Понтия к Пилату	***posílat koho od Petra k Pavlovi; (běhat, posílat koho) od Petra k Pavlovi; chodit ke všem Petrům a Pavlům***

Фраземы являются вариантом предыдущего фразеологизма; выражают ходить от одного лица к другому, от одного к другому, не получая ответа.

В чешском языке в этой ситуации используем вариант *posílat koho od Petra k Pavlovi; (běhat, posílat koho) od Petra k Pavlovi* (бувк. «посылать кого-то от Петра к Павлу») – фраземы с именем Петр в чешском языке встречаются довольно часто; ср. следующие вариации на библейскую тему - например - *chodit od Havla k Pavlovi* или архаический фразеологизм *šetřiti Havla pro šavla* («быть внимательным»); *doptat se něčeho u Havla* («найти потерянную вещь») или *já o Havle (o Havlu), ty o Pavle (o Pavlu)* – «недоразумение».

В русском языке мы включили фразеологизм по аналогии *ходить от Понтия к Пилату*; ср. синонимные варианты: *бегать (посылать кого) от одного места в другое; от одного к другому*.

Ср. выписываемые **специфичекие чешские фразеологизмы, в которых присутствует компонент библейского имени собственного:**

двигаться как деревянный	***být (stojí) jako prkenný Mojžíš; zmrzlý Mojžíš; mojžíšský; mojžíšsky***

Моисей — приемный сын дочери египетского фараона, которая нашла его в корзинке, плывущей по реке. С древнееврейского переводится как «ребенок»; египетский перевод имени Моисей — «из воды взятый». В Библии Моисей — брат Аарона и Мариам, вождь, законодатель и творец религии иудеев, которому приписывается авторство пяти книг (*Пятикнижия*), *Ветхого завета* и множество чудес во время исхода иудеев из Египта.

Однажды к молодому Моисею явился Господь и велел ему стать предводителем иудейского народа и провести его на землю обетованную, чтобы избавить от бесконечных страданий и унижений. Моисей водил иудеев по пустыне, с Божьей помощью добывал он для них воду и пропитание. Господь говорил с народом через Моисея, люди получили законы и заповеди.

Чешские фразеологизмы обозначают мужчину или мальчика, который идет (делает) что-то неловко, натянуто, неуклюже. Фраземы также отражают равнодушного, безразличного человека. Ср. синонимные варианты: *být jako dřevo; být jako slon v porcelánu; stojí tu jako dřevěný pámbu*. Ср. также: *já držím s Mojžíšem* (букв. «делаю, что возможно»).

Имя собственное Mojžíš выражает в чешском языке также другие значения: ср. *Mojžíš* (Пятикнижие Моисея); *mojžíšské náboženství* (букв. «моисеевская религия»); *mojžíšský zákon* (букв. «закон Моисея»); *držeti s Mojžíšem* (букв. «держать с Моисеем»). В современном чешском языке появляется фамилия *Mojžíš – Mojžíšová*; терапевты используют при лечении бесплодия так называемый *«метод Моисеевой»*.

Тема пассивности и бездеятельности является частью фразеологического поля эмоциональное переживание человека; в этом поле находятся группы фразеологизмов с разным значением; находим такие группы, как например, «обман», «вера – неверие», «мудрость – лукавство – глупость», «смирение», «безнадежность», «возрождение», «коварство и лицемерие» и др.

В последнее время усилился интерес к библейским выражениям. Отход от атеистической идеологии, возврат к забытым христианским ценностям закономерно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи. Востребованность библейских фразеологизмов в современной речи свидетельствует об их актуальности и современности. Отход от атеистической идеологии, возврат к забытым христианским ценностям закономерно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи.

Использованная литература:

ЛИЛИЧ, Г.А. – МОКИЕНКО, В.М. – СТЕПАНОВА, Л.И. 1993. Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках. In: *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Санкт-Петербург: Сер. 2. 1993, с. 51-59.

СТЕПАНОВА, Л.И. 2003. *Очерки по истории чешской фразеологии*. Санкт-Петербург, 2003. Издательство Санкт-Петербургского университета. ISBN 5-288-03044-8

Bible. Písmo svaté Starého a Nového zákona včetně deuterokanonických knih. Podle ekumenického vydání z roku 1985. 1991. Praha: Česká biblická společnost, Zvon, 1991. ISBN 80-7113-009-5

FERENCOVÁ, M. 2006. Kresťanské a biblické frazémy a ich miesto vo vyučovacom procese. In: *Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity*. Prešov: Prešovská univerzita, 2006. S. 90-97.

MOKIJENKO, V. – WURM, A. 1995. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 1995. ISBN 80-244-0406-9

NETTELHORST, R.P. 2008. *Sto postav z Bible: Příběhy ze Starého a Nového zákona.* Bratislava: Slovart, 2008. ISBN 970-80-7391-153-9

STĚPANOVA, L. *Rusko-český frazeologický slovník*. 2007. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 80-244-1750-9

NOVÉ TRENDY VO VYUŽÍVANÍ ZOONÝM VO FRAZEOLÓGII

Mgr. Petra Fojtů

Univerzita Palackého v Olomouci

rusistka12@gmail.com

ABSTRAKT:

В статье рассматриваются основные приемы использования названий животных при создании новых фразеологических единиц. В первой части статьи пересматривается определение самого фразеологического анимализма, так как в существующей по этому вопросу литературе наблюдаются некоторые недостатки. Во второй части рассмотрена стабильная часть фразеологического фонда в группе анималистической фразеологии, на основе которой новые варианты часто возникают. Следующая, основная часть статьи рассматривает динамические тенденции в группе анимализмов, такие как расширение фразеологических моделей, использование нелогической образности фразеологизма а другие.

Frazeologizmy s komponentmi animalizmami predstavujú jednu z najpočetnejších skupín frazeologických jednotiek (FJ)[1], ktoré sa zaraďujú do internacionálnej frazeológie.

Cieľom tohto článku je ukázať tendencie v ich využití v súčasnej frazeológii a taktiež ich dynamiku. Zdrojom pre napísanie tohto článku preto budú ako historické slovníky, tak aj slovníky súčasného jazyka a, tam, kde takéto slovníky existujú, aj slovníky neologizmov. Materiál bude získaný zo slovníkov slovenského, českého a ruského jazyka a do výskumu budú zahrnuté najmä frazeologické, ale taktiež aj paremiologické jednotky (v minulosti im bola venovaná väčšia pozornosť a existujú teda početnejšie zbierky, na ktorých je možné dokladovať vývojové tendencie). Z najčastejších zdrojov pre napísanie tohto článku spomenieme prácu J. Skladanej o slovenskej frazeológii XV – XVIII storočia[2], paremiologickú zbierku P. Zátureckého (vydanie z roku 1975), slovník E. Smieškovej (vydanie z roku 1983) a náš korpus slovenských frazeologizmov, získaný z existujúcich lexikografických zdrojov (SSSJ a ďalšie). Pre český jazyk sa budeme opierať o zbierky J. Dobrovského, J. Blahoslava a M. Červenky, ďalej o súčasný slovník českej frazeológie (SČFI), ktorý zachytáva aj frazeologické neologizmy, o rusko-český slovník L. Stěpanovej

[1] Porov. napr. štatistiku u: SOTÁK, M. 1989. *Slovný fond slovenských a ruských frazém*. Bratislava,1989. S. 28.
[2] SKLADANÁ, J. 1993. *Frazeologický fond slovenčiny v predspisovnom období.*

(2007) a okrajovo aj o ďalšie práce tejto autorky. Z ruských zdrojov bude základom pre našu analýzu slovník M. I. Micheľsona, ktorý zachytáva ruskú frazeológiu konca XVIII storočia a ako jeho protipól slovník ruských frazeologických neologizmov V. M. Mokijenka (2003). Pre zisťovanie neologizmov v slovenčine a češtine použijeme najmä internetové zdroje.

Je zrejmé, že všetky uvedené tendencie, ktorým sa budeme v našej práci venovať, je možné dokladovať niekoľkými desiatkami príkladov, vzhľadom k rozsahu práce sa však obmedzíme na niekoľko najtypickejších príkladov na každú popisovanú tendenciu.

Pokiaľ ide o dynamiku frazeologických animalizmov, tieto frazeologické jednotky (FJ) tvoria skupinu značne nejednotnú. Ako ukazuje porovnanie frazeologických a paremiologických jednotiek, zachytených v lexikografických a frazeografických zdrojoch v minulých storočiach so stavom dnešným a tendenciami pri vzniku neologizmov, je možné v rámci frazeologických jednotiek so zoonymami vyčleniť určité frazeologické jadro. Toto jadro sa vyznačuje silnou ustálenosťou a pomerne častými medzijazykovými zhodami. Ak sme teda hovorili o tom, že jednotky s komponentmi zoonymami patria do internacionálnej frazeológie, tak toto konštatovanie neplatí absolútne, platí ale pre väčšiu časť frazeologického jadra.

Spomínané ustálené frazeologické jadro často slúži základom pre vytvorenie nových frazeologických jednotiek, poprípade ich variantov, preto sa jeho popisu budeme venovať o niečo podrobnejšie. Pre ďalší popis je však nutné spresniť samotnú definíciu frazeologických animalizmov, v ktorej sme pri našej analýze našli jeden sporný moment.

Do skupiny frazeologických animalizmov patria, podľa väčšiny definícií, tie FJ, ktoré obsahujú komponent, označujúci zviera. O týchto jednotkách sa spravidla píše, že vznikajú naivným, nevedeckým pozorovaním správania tých zvierat, s ktorými človek prichádzal do kontaktu. Frazeologická jednotka *mať nohy ako pavúk*; *mať pavúčie nohy* je teda motivovaná tým, že pavúkove nohy sa – v porovnaní s veľkosťou jeho tela – zdajú byť nadpriemerne veľké, jednotka *kradnúť ako straka* je motivovaná pozorovaním strák, ktoré majú tendenciu nosiť si do svojich príbytkov lesklé predmety.

Vedľa takýchto jednotiek však existuje veľká skupina FJ, ktoré taktiež vznikli naivným, nevedeckých pozorovaním správania zvierat, neobsahujú ale označenie zvieraťa. V týchto jednotkách nájdeme napríklad označenie časti tela zvierat (napr. *brať pod svoje ochranné krídla; rozniesť na kopytách*), miesto, v ktorom zvieratá žijú alebo sú chované (*je to ako v chlieve kde; hučí to ako v úle kde*), celky, v ktorých zvieratá žijú a ďalšie momenty. Týmto jednotkám by bolo vhodné venovať samostatnú štúdiu, pretože však ich využitie vo

frazeológii vykazuje podobné trendy ako využitie samotných zooným, navrhujeme zaradiť ich pre potreby tohto článku do skupiny frazeologických animalizmov.

Teraz sa vrátime k popisu nemenného frazeologického jadra frazeologických animalizmov. Hlavnú časť tohto frazeologického jadra tvoria tie FJ, ktoré odrážajú reálne (pravda naivné) pozorovania zvierat. Zviera, ktoré v nich vystupuje, je v povedomí ľudí typických nositeľom daného príznaku, v povedomí ľudí neexistuje iný nositeľ danej vlastnosti. Príkladom je porovnanie tučného človeka s prasaťom, ktoré nachádzame vo všetkých troch spomínaných jazykoch vo všetkých obdobiach používania frazeológie (slovenské *byť ako prasa; tučný ako prasa;* české *být jako prase; svině;* ruské *толст как свинья*). Vo všetkých jazykoch taktiež nájdeme prirovnanie pomalého človeka so slimákom, porovnanie ťažko pracujúceho človeka s volom alebo koňom, človeka, ktorý nezmyselne opakuje slová iných s papagájom apod. Patria sem taktiež FJ, založené na určitých „logických dedukciách" – ryba žije vo vode a je preto nemá (FJ *nemý ako ryba*, ktorá má, ako aj iné spomínané jednotky, ekvivalenty nielen v češtine a ruštine, ale aj iných európskych jazykoch); krtko žije pod zemou a je preto slepý (FJ *slepý ako krtko*).

Stabilnosťou sa vyznačujú za podobných podmienok aj tie jednotky, ktoré neodrážajú priamo pozorovanie zvierat, ale rôzne animalistické symboly. Tieto symboly môžu byť ovplyvnené rôznymi kultúrnymi veličinami, často Bibliou alebo antickou mytológiou. Môžeme tu uviesť ako príklad hada ako symbol ľstivosti, barana ako symbol tvrdohlavosti a v deminutívnej forme (*baránok)* ako symbol pokory a nevinnej obeti. Biblické symboly dobre demonštrujú ustálenosť týchto FJ, niektoré z nich nájdeme už v slovníku staroslovanskej frazeológie[3].

Po tom, čo sme stručne opísali túto stabilnú časť frazeologického fondu, môžeme prejsť k popisu jeho dynamiky a tendencií vo využití animalizmov v dnešnom jazyku. Základná tendencia, ktorá je pri tomto použití viditeľná, je použitie zooným vo FJ, ktoré už nie sú založené na pozorovaní života zvierat, ale sú motivované rôznymi jazykovými príčinami. Tento fakt sa čiastočne odvíja od zmien v spoločnosti, ktoré spôsobili, že človek prichádza do kontaktu s veľkým počtom zvierat zriedkavejšie a niektoré animalistické obrazy preto prestávajú byť v jeho povedomí dostatočne živé.

Táto tendencia má dva hlavné prejavy, prvým je tendencia k rozšíreniu frazeologických modelov, druhým tvorba takých FJ, ktorých expresivita je založená na

[3] ШУЛЕЖКОВА, С. Г. et al.. 2009. *Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц.*

nelogickosti frazeologického obrazu[4]. V obidvoch prípadoch, ako bolo povedané, už nejde o priame pozorovania zvierat. V prípade rozširovania frazeologických modelov ide iba o nahradzovanie určitého komponentu FJ iným, ale z tej istej tematickej oblasti, v prípade tvorby nelogických jednotiek je cieľom vytvoriť obraz, zodpovedajúci realite čo najmenej.

Rozoberieme tieto dva procesy podrobnejšie:

1) Frazeologický model sa môže natoľko rozvíjať a desémantizovať, že z neho ostáva iba všeobecná konštrukcia *vlastnosť + ako + zviera*, v ktorom môže byť využité akékoľvek zviera aj v prípade, že toto zviera v iných prirovnaniach alebo v povedomí hovoriacich symbolizuje opačnú vlastnosť. Takýmto spôsobom sa nám v slovenčine podarilo zachytiť napríklad prirovnanie *hlúpy ako sova*, pričom sova, ako je známe, slúži symbolom múdrosti.

Vývoj postupuje v takýchto prípadoch týmto spôsobom: Frazeologický model sa vyvíja od niekoľkých ustálených jednotiek, ktoré obsahuj pomerne logický obraz. Tento obraz sa odráža od reálneho pozorovania zvierat, stereotypných predstavách o nich, alebo od symbolického fungovania zoonymického obrazu. V prípade frazeologického modelu s významom 'hlúpy' je takouto jednotkou *hus*. V slovenčine teda existuje ustálené prirovnanie *hlúpy ako hus*, na základe ktorého potom vznikla FJ *hlúpa hus*[5] a *sprostý ako somár* (taktiež s variantom *sprostý somár*), *sprostý ako krava*. Ďalej sa do modelu dopĺňajú zvieratá tak, aby sa zvýšila expresivita frazeologizmu, obraz sa teda v prvých krokoch „spresňuje". Hľadá sa teda komponent, významovo blízky prvému, ktorý by zdôrazňoval popisovanú vlastnosť. V prípade modelu, ktorý uvádzame ako príklad, sa teda komponenty *somár, krava, hus* spresňujú takými doplnkovými vlastnosťami, ako *mladý* (podľa tradičných predstáv vo frazeológii sa mladosť spája s hlúposťou, neskúsenosťou a pochabosťou, naopak starosť s múdrosťou a skúsenosťou). Vznikajú teda prirovnania s mláďatami ako *ako teľa;* okazionálne často aj s komponentmi *teliatko; somárik*. V ďalšom kroku vznikajú prirovnania s ďalšími zvieratami, spravidla s takými, ktoré majú rovnakú alebo podobnú symbolickú platnosť. Po tomto kroku sú už spravidla vyčerpané možnosti vytvoriť prirovnanie, ktoré by odrážalo reálne alebo aspoň symbolické predstavy o konkrétnom zvierati.

V ďalšom kroku sa do prirovnaní dosadzujú zvieratá, ktoré vystupujú v iných prirovnaniach. Táto tendencia, ktorú by bolo zaujímavé preskúmať z pohľadu toho, ako sa frazeologizmy uchovávajú v pamäti hovoriaceho, je pomerne rozšírená ako v okazionálnych, tak aj v ustálených variantoch. Na diachrónnej úrovni vedie ku vzniku „nelogických"

---

[4] Porov. GRENAROVÁ, R. 2011. *Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako – как v češtině a ruštině.* S. 25.
БИРИХ, А. – МАТЕШИЧ, В. 2008. Фразеология в русском и хорватском субстандарте. С. 38.

[5] Podobný spôsob tvorenia podrobnejšie pozri МОКИЕНКО, В. М. 1980. *Славянская фразеология.* С. 154.

prirovnaní, porovnaj napríklad okazionálne prirovnanie *byť hlúpy ako krtko* (kontaminácia s *byť slepý ako krtko)* alebo naopak *byť hlúpy ako papagáj,* kde je evidentná kontaminácia s už spomínaným výrazom *opakovať ako papagáj po kom*.

1) jedným z hlavných zdrojov expresivity, s ktorými sa stretávame pri frazeologických neologizmoch s názvami zvierat, sú obrazy, založené na nelogickosti. Tieto obrazy nevyžadujú nijaké podrobnejšie vedomosti o živote zvierat, sú obvykle založené na spojení názvu zvieraťa s typicky ľudským javom porovnaj, napr. slovenské *rozumie ako krtko betónu; rozumie sa ako krtko do parných strojov;* české *čumí jako slepice do kornoutu; mít IQ karaváního velblouda*[6]; ruské *разбираться как свинья в кибернетике; нужен как кенгуру авоська*.

Určitou „kombináciou“ týchto dvoch prejavov je vytvorenie novej FJ na základe jednotky už existujúcej takým spôsobom, že sa k existujúcej jednotke pridá komponent, ktorý urobí obraz jednotky nelogickým, smiešnym. V slovenskom jazyku môžeme ako príklad uviesť frazeologický neologizmus *potiť sa ako somár v kufri*. Táto frazeologická jednotka vznikla na základe FJ *potiť sa ako somár*, ktorá odráža reálne pozorovanie daného zvieraťa – somáre sa, ako aj iné zvieratá, pri práci potia. Pridanie komponentu *v kufri* potom dodáva silnú expresivitu, ktorá sa čiastočne z pôvodnej jednotky vytratila, pretože obraz potiaceho sa somára nie je v mysli hovoriacich dostatočne živý.

Ako príklad z češtiny môžeme uviesť FJ *být hubený jako ženatý vrabec*. Táto jednotka vzniká na základe jednotky *být hubený jako vrabec*, ktorá je zase určitým „logickým pokračovaním“ jednotky *jíst jako vrabec* – vzniká na základe dedukcie, že vrabec je chudý, pretože málo je.

Podobný proces prebieha aj s FJ, ktoré obsahujú animalizmy – symboly. Príkladom je opäť slovenská frazeologická jednotka *stáť niekde ako krava na zatáčke*. Jednotka *stáť niekde ako krava* vzniká logickým spojením dvoch elementov. Prvým je frazeologický model *stáť kde + názov zvieraťa alebo predmetu, ktorý symbolizuje hlúposť* (napr. *stáť ako teliatko; stáť ako drúk; stáť ako tĺk* a ďalšie ustálené aj okazionálne varianty). V tomto modeli sú využívané tie zvieratá, ktoré slúžia symbolom hlúposti v podstate bez ohľadu na ich reálne inteligenčné schopnosti – *krava, somár, teľa* a ďalšie. Komponent *na zatáčke* iba pridáva obrazu na expresivite. Ako určitý „protiklad“ môžeme uviesť FJ *pozerať (čumieť apod.) ako teľa na nové vráta*. Táto jednotka taktiež vzniká rozšírením už existujúcej jednotky (*čumieť ako teľa)*, na rozdiel od jednotky *stáť ako krava na zatáčke* má toto rozšírenie logické odôvodnenie – je

[6] Príklad podľa Stěpanova, L. 2004. *Ruská a česká frazeologie. Diachronní aspekty.* S. 126.

motivované predstavou o tom, že teľa (alebo iné zvieratá) nespoznajú svoj chliev, pokiaľ sú na ňom nové dvere a majú preto obavy vojsť[7].

Skôr, než prejdeme k popisu ďalších tendencií v používaní zooným, vrátime sa krátko s už spomínanej desémantizácii. Vyššie sme uviedli, že v súčasných jazykoch môžeme pozorovať postupnú desémantizáciu niektorých frazeologických modelov. Desémantizácia je ale charakteristická nielen pre jednotlivé frazeologické modely, ale taktiež pre určité komponenty. Všeobecne sa vo frazeológii desémantizuje komponent *čert* (porovnaj slovenské a české prirovnania ako *páli to ako čert; je to studené ako čert; bolí to ako čert*) apod. Komponent *čert* teda vyjadruje vysokú mieru akéhokoľvek príznaku, bez ohľadu na to, či jeho pridaním vzniká logický obraz alebo nie. Hoci väčšina takýchto prirovnaní sú prirovnania okazionálne, časť z nich sa už ustálila a je aj slovníkovo zachytená.

Do tejto nie veľmi početnej skupiny komponentov, ktoré sa desémanzitujú, patria aj niektoré zoonymá. Zhodne v slovenskom, českom a ruskom jazyku môžeme uviesť desémantizáciu zoonyma *prasa,* v češtine a slovenčine desémantizáciu komponentu *pes,* v češtine sme zachytili desémantizáciu komponentu *býk* (k českému *pálí to jako prase* vzniká varianta *pálí to jako bejk*; podobne taktiež české *zebe to jako bejk; studí to jako bejk*). Komponent *prasa* (spoločne so synonymom *sviňa*) sa používa na označenie veľkej miery akéhokoľvek javu. Okrem uvedených príkladov je tu zaujímavé prirovnanie, zachytené L.Stěpanovou *je to prase jako svině*, ktoré dokazuje úplnú desémantizáciu komponentu, keďže obdobné prirovnania nie sú v jazyku (okrem jazykovej hry možné).

Komponent *pes* vyjadruje akýkoľvek negatívny jav alebo vzťah, okrem neho vo FJ vystupujú synonymá *fena, šteňa, Alík* (porov. *zmoknutý ako pes; opitý ako pes* apod., okazionálne zachytené taktiež *bolí to ako pes*).

Druhou, podobnou tendenciou, je použitie zooným na základe markantných zovňajších vlastností, hlavne veľkosti.

Asociácie, ktoré s niektorými zvieratami u hovoriacich vznikajú sú menej detailné, výraznejšie v nich prevažuje jedna vlastnosť. Nové frazeologizmy vznikajú hlavne s tými zoonymami, ktoré takúto jednoznačnú vlastnosť majú. Ako príklad môžeme uviesť zoonymá *slon (je veľký), blcha (je malá), krava (je veľká)* (porov. jednotky *mať pamäť ako slon; milovať ako slon koho; láska ako slon; priberám ako slon; vyzerať ako blška*).

Nasledujúcou tendenciou vo využití zooným v súčasnej frazeológii je naopak využitie, ktoré zodpovedá realite z oblasti života zvierat, odráža nové poznatky o ich živote a taktiež

[7] Podrob. pozri БИРИХ, А. К. – МОКИЕНКО, В. М. – СТЕПАНОВА, Л. И. 2005. *Русская фразеология. Историко-этимологический справочник*. С. 44.

zmenu vzťahu medzi človekom a zvieratami. Aj keď sa väčšina autorov zhoduje na tom, že zmeny vo vzťahu ľudí ku zvieratám sa v jazyku odrážajú pomalšie[8], medzi neologizmami nájdeme jednotky, ktoré odrážajú novú realitu vo vzťahu človeka a zvierat. Jedná sa vo väčšine prípadov nie o jednotky priamo s názvom zvieraťa, ale s označením spôsobu starostlivosti oňho. Dominantnými zvieratami sú, samozrejme, mačka a pes, porovnaj napríklad také frazeologické neologizmy ako ruské *ходить на поводке у кого; быть на длинном поводке; быть на коротком поводке.*

Bližší, láskavejší vzťah človeka ku psovi vedie k tomu, že človek viacej pozoruje gestá, na základe ktorých s ním pes komunikuje. Tie sa potom premietajú do frazeológie. Takto vzniká zhodne v slovenčine, češtine a taktiež ruštine FJ *robiť psie oči na koho*.

Zmena vzťahu ku zvieratám na lepší, pozitívnejší, sa prejavuje taktiež v tom, že v niektorých jazykoch vznikajú FJ pre láskavé označenie zvierat. V ruskom jazyku môžeme zachytiť frazeologický neosémantizmus *братья наши меньшие*, ktorý je síce podľa rusko-českého frazeologického slovníka L. Stěpanovej bezekvivalentný, v slovenčine ale určite nájdeme niekoľko podobných láskavých označení zvierat, ako napr. *štvornohí miláčikovia*.

Na záver článku chceme úplne okrajovo pripomenúť, že ku vzniku nových FJ s komponentami- animalizmami prispieva taktiež kalkovanie FJ, najmä z angličtiny. Takýmto spôsobom sa v ruštine ustálila jednotka *коней на переправе не меняют*, ktorá v rôznych variantoch preniká aj do češtiny a slovenčiny, zatiaľ v okazionálnych podobách.

Použitá literatúra:

ČERMÁK, F. – HRONEK, J. – MACHAČ, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha, 2009.

ČERMÁK, F. – HRONEK, J. – MACHAČ, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné.* Praha, 2009.

ČERMÁK, F. – HRONEK, J. – MACHAČ, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky . Výrazy slovesné.* Praha, 2009.

[8] Napr. VAŇKOVÁ, I. et al. 2005. *Co na srdci, to na jazyku. S.* 147.

ČERVENKA, M. – BLAHOSLAV, J. 1970. *Česká přísloví*. Praha, 1970.

GRENAROVÁ, R. 2011. *Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako – как v češtině a ruštině.* Brno, 2011.

SKLADANÁ, J. 1993. *Frazeologický fond slovenčiny v predspisovnom období.* Bratislava, 1993.
Slovník súčasného slovenského jazyka. A-G. Bratislava, 2006.

Slovník súčasného slovenského jazyka. H-J. Bratislava, 2006.

SMIEŠKOVÁ, E. 1983. *Malý frazeologický slovník*. Bratislava, 1983.

SOTÁK, M. 1989. *Slovný fond slovenských a ruských frazém*. Bratislava,1989.

STĚPANOVA, L. 2007. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, 2007.

STĚPANOVA, L. 2004. *Ruská a česká frazeologie. Diachronní aspekty.* Olomouc, 2004.

VAŇKOVÁ, I. et al. 2005. *Co na srdci, to na jazyku.* Praha, 2005.

ZÁTURECKÝ, A. P. 1975. *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia.* Bratislava, 1975.

БИРИХ, А. К. – МОКИЕНКО, В. М. – СТЕПАНОВА, Л. И. 2005. *Русская фразеология. Историко-этимологический справочник*. Москва, 2005.

БИРИХ, А. – МАТЕШИЧ, В. 2008. *Фразеология в русском и хорватском субстандарте.* In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008.

МИХЕЛЬСОН, М. И. 1994. *Русская мысль и речь.* Свое и чужое. Москва, 1994.

МОКИЕНКО, В. М. 1980. *Славянская фразеология.* Санкт-Петербург, 1980.

МОКИЕНКО, В. М. 2003. *Новая русская фразеология.* Ополе, 2003.

ШУЛЕЖКОВА, С. Г. 2009. *Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц.* Магнитогорск, 2009.

(Red. pozn.: autorka neuvádza plný bibliografický údaj)

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОНЕТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Mgr. Jakub Konečný

Karlova univerzita v Prahe

konecja@gmail.com

ABSTRAKT:

Příspěvek se zabývá problematikou aktivních procesů probíhajícím na úrovni fonetického systému současného ruského jazyka. Pozornost je věnována porovnání těchto procesů s normou a také otázkám spojeným se zohledněním daných jevů v procesu výuky ruského jazyka u cizinců.

Согласно энциклопедии «Кругосвет» язык – «это система единиц, реализуемых некоторыми чувственно воспринимаемыми средствами, причем некоторые комбинации этих единиц в силу договорённости (конвенции) имеют значение и, следовательно, могут быть использованы для целей общения».[1] В статье обратим внимание на проблемы, связанные с функционированием в обществе данной конвенции и её отношение к процессу обучения иностранцев русскому языку. Дело в том, что с момента своего возникновения она существует не сама по себе, отвлечённо от общества, а, наоборот, она очень тесно и неразрывно с ним связана.

Чтобы успешно выполнять свои функции, язык должен соответствовать требованиям говорящих на нём людей. Намеченная выше связь языка и социума проявляется, в основном, в изменениях, возникающих в результате деятельности его членов, т.е. носителей данного языка. Поскольку языком говорят не только носители, не следует забывать о вопросах, связанных с его преподаванием в иноязычной аудитории. К ним, бесспорно, принадлежат также проблемы, связанные с осваиванием результатов законченных и текущих процессов. В настоящее время можно в любом

[1] krugosvet.ru, 2012. [онлайн]

живом языке (в том числе и русском) обнаружить целый ряд активных процессов, охватывающих все его уровни.

Учёные отмечают несколько причин, вызвавших языковые изменения. К основным относят демократизацию русского общества, деидеологизацию сфер человеческой деятельности, антитоталитарные тенденции, снятие запретов и ограничений во всех областях человеческой жизни, положительное отношение к разного рода заимствованиям с Запада и другие.[2] Наряду с демократизацией общества, владеющим литературным языком, важную роль играет также «вхождение в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, (...) то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (...), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка».[3]

Мы сосредоточимся на активных процессах, происходящих на фонетическом уровне русского языка и представим некоторые яркие тенденции, охватывающие сегментальные и супрасегментальные элементы его звуковой стороны. Т.к. русский язык является мировым языком, широко распространённым за пределами одного государства, необходимо рассматривать все происходящие в нём процессы не только с точки зрения носителя языка, но и иностранца, изучающего его. На конкретных примерах постараемся представить метод проведения оценки явления по необходимости его включения в процесс изучения РКИ. Мы будем опираться на методику М.Я. Гловинской, которая приводит три правила: «Первое – насколько устойчивым можно считать данное явление. Для этого необходимо проследить его присутствие в истории языка. Обычно языковые исторические процессы от своего начала до победы растягиваются на несколько столетий. Второе – необходимо учитывать динамику этого явления: существует ли оно все время как какое-то периферийное в языке или факты такого рода накапливаются, что позволяет говорить именно о развивающемся процессе. Третье – если это процесс, необходимо понять, на

[2] Ср. КРЫСИН, Л. П. 2008. *Современный русский язык*: *Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: Языки славянских культур. С. 13. ISBN 59-551-0216-7
[3] Там же, с. 14-15.

каком его этапе мы находимся. Для этого нужно изучить реакцию на конкретные инновации со стороны носителей литературного языка».[4]

Чтобы дать представление о происходящих в фонетике СРЯ активных процессах и показать подход к вопросу их оценки с точки зрения методики преподавания РКИ, мы ограничимся следующими примерами: 1. процесс отвердения согласных перед мягкими согласными; 2. изменения в области акцентуации сочетаний предлогов с существительными и числительными; 3. изменения в акцентуации глагольных форм.

1. Процесс отвердения согласных перед мягкими согласными в современном русском языке (С'С' > СС')

Существует ряд обоснований данного процесса. М.В. Панов считает, что явление было вызвано исключительно влиянием Бодуэнова закона. М.Я. Гловинская и др. утверждают, что дело в самой системе языка, а именно речь идёт о агглютинативных тенденциях в грамматике. По мнению Л.А. Вербицкой этот процесс связан с немаркированностью твёрдого, а маркированностью мягкого согласного в фонологической системе русского языка.[5]

«Процесс С'С' > СС' активно идёт в современном русском языке, постепенно охватывая согласные всё в новых и новых позициях, в новых и новых условиях. Течение этого процесса можно представить как ряд последовательных этапов перехода от мягкости согласного к его твёрдости». В настоящее время различается шесть этапов: 1. Только С'С' – 2. С'С' и допустимо младшее СС' – 3. С'С' и СС' – 4. СС' и допустимо старшее С'С' – 5. СС' и допустимо устарелое С'С' – 6. Только СС'.[6]

Темпы реализации данного фонетического процесса тесно связаны с разного рода факторами. Л.Л. Касаткин в работе Л.П. Крысина «Активные процессы на рубеже XX-XXI веков» выделяет и характеризует 14 факторов: характер первого согласного в сочетании С'С'; характер второго согласного; позиция после гласного переднего/непереднего ряда; позиция по отношению к ударному гласному; качество ударного гласного, следующего за слогом с С'С'/СС'; диезность/недиезность слога, следующего за слогом С'С'/СС' или предшествующего ему; позиция начала слова;

[4] ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. 2011. Должны ли активные процессы в грамматике современного русского языка учитываться в преподавании РКИ. In: *Русский язык за рубежом*: *учебно-методический иллюстрированный журнал*. 2011, №4 (227), с. 33-39. ISSN 0131-615X

[5] Ср. КРЫСИН, Л. П. 2008. *Современный русский язык*: *Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. С. 274-275.

[6] Там же, с. 277-278.

позиция конца слова; длина слова; степень прозрачности связи первого звука в сочетании С'С'/СС' с твёрдой фонемой; плотное/неплотное присоединение морфем; употребительность и стилистическая окраска слова; устойчивые грамматические конструкции и фразеологизмы; сочетания трёх и более согласных с последним мягким.[7]

Для наглядности приведём примеры, в которых появляются звуки [д]-[д'], [т]-[т'], [н]-[н']. Поскольку в чешском языке нет других пар согласных по твёрдости-мягкости, для учащихся представляют только слова с этими звуками материал, на который можно опираться. Употребляя другие примеры, нельзя полагаться на то, что все учащиеся смогут на слух различить твёрдый и мягкий варианты звуков:

1: оттиск <о[т']тиск>, буддизм <бу[д']дизм>, оттепель <о[т']тепель>, летний <ле[т']ний>, зонтик <зо[н']тик>;

2: оттиснутый <о[т']тиснутый> и <о[т]тиснутый>; дни <[д']ни> и <[д]ни>, кондиционер <ко[н']дициoнер> и <ко[н]дициoнер>;

3: от тебя <о[т'] тебя> и <о[т] тебя>, под диктовку <по[д'] диктовку> и <по[д] диктовку>

4: перед диваном <пере[д] диваном> и <пере[д'] диваном>, инъекция <и[н]ъекция> и <и[н']ъекция>;

5: по две <по [д]ве> и <по [д']ве>;

6: подвиг <по[д]виг>, медсестра <ме[д]сестра>, панъевропский <па[н]ъевропский>.

Перечень слов, содержащих сочетание двух согласных и находящихся на определённом этапе реализации данного процесса, можно найти в упомянутой выше работе Л.П. Крысина.[8]

Оценивая данное явление с точки зрения методики преподавания РКИ, необходимо сказать, что, по представленным выше правилам М.Я. Гловинской, нельзя не обратить на этот процесс внимание. Особенно важными являются, по нашему мнению, первый и второй этапы, т.е. случаи, в который согласно норме требуется произношение двух мягких согласных звуков (С'С'). Хотя это противоречит течению процесса, считаем важным отрабатывать на занятиях именно такие слова и словосочетания. Тенденция к отвердению идёт на пользу студентам, для которых произношение твёрдого согласного проще, чем произношение мягкого согласного не

[7] Ср. там же, с. 278-307.
[8] Там же, с. 310-374.

только в позиции перед согласным. Поэтому нужно сосредоточиться на тех явлениях, которые находятся в самом начале данного процесса.

2. Изменения в области акцентуации сочетаний предлогов с существительными и числительными

Начало данного процесса можно отнести уже к 16 веку, хотя быстрого развития достиг только в начале 20 века. Несмотря на то, что нормативным считается напредложное ударение в словосочетаниях предлогов (без, во, до, за, из, изо, на, о, об, от, óто, по, под, с) с некоторыми существительными и числительными (обычно состоящими из одного-двух слогов): <бéз вести>, <вó сто>, <вó щи>, <зá руку>, <нá сто> и др., всё чаще сталкиваемся с безакцентным произношением предлогов. В силу этого появилась и развивается некая двоякость и выбор может быть обусловлен, например, стилистически или семантически: <надеяться на гóлову> и <как снег нá голову> или же <тень упала на дóм> и <вызвать врача нá дом>. Хотя, как утверждает Л.Л. Касаткин, некоторые словосочетания могут быть по своей семантике равноценны, например: <нá год> и <на гóд> или <нá берег> и <на бéрег>. Кроме того, некоторые словосочетания с напредложным ударением, например, <пóд локоть>, <óб землю>, <нá вечер>, <нá шесть>, воспринимаются современными носителями языка даже как устарелые. Одним из факторов, определяющих выбор формы (с напредложным или наименным ударением) может быть рифма, т.е. некое стремление говорящего соблюдать определённый интервал между словесным ударением.[9]

Данный процесс начал проявляться даже в области фразеологии. Необходимо учесть и тот факт, что перенос ударения с предлога на последующее имя вызывает в некоторых случаях необходимость использования нормативного окончания вместо привычного для сочетания вариантного, например: <без гóда неделя> вместо <бéз году неделя>, или же <из гóда в год> вместо <и́з году в год>. Данное явление уже проявляется в некоторых словарях, чьи авторы стали приводить наравне с традиционным литературным произношением и вариантное. К таким словарям можно отнести «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке», вышедший в 2000 году под редакцией К.С. Горбачевича.[10]

[9] Ср. там же, с. 376-377.
[10] Ср. там же, с. 377-378.

Делая выводы данной главы, Л.Л. Касаткин констатирует: «В изменениях акцентуации таких словосочетаний наблюдается одна отчётливо обозначенная тенденция – отказ от исключений, от идиоматики в акцентуации, подчинение всех случаев сочетаний предлогов со знаменательными словами общему правилу безударного произношения предлогов.»[11]

Как же можно отнестись к этому процессу с точки зрения методики преподавания РКИ? Согласно критериям, предложенным М.Я. Гловинской, нам кажется, что данное явление несомненно отвечает им и учителя должны его учитывать и представить студентам. Изучая язык, самыми трудными моментами для каждого из нас являются исключения. Данный процесс бесспорно ведёт к удалению всех отклонений от общих правил и созданию единообразия. Для учащихся это, конечно, положительный момент, которым может им помочь быстрее овладеть данным правилом, и, одновременно, избегать ошибок в речи. Принимая во внимание факт, что данный процесс охватил даже фразеологические единицы[12], его представление учащимся и использование на занятиях является вполне оправданным.

3. Изменения в акцентуации глагольных форм

3.1. Бесприставочные невозвратные глаголы типа «брал», «взял»

Активный процесс, касающийся форм прошедшего времени определённой группы глаголов. По мнению В.Л. Воронцовой, происходит разрушение нормативной и традиционно сложившейся системы ударений, причём можно выделить сразу два направления.[13]

Во-первых, это касается форм глаголов женского рода. С точки зрения ударения данные формы противопоставляются всем остальным : <бра́л>, <бра́ло>, <бра́ли>, но <брала́>; <зва́л>, <зва́ло>, <зва́ли>, но <звала́>.

Во-вторых, наблюдается переход ударения форм среднего рода с основы на окончание, т.е. аналогично с ударением форм женского рода: хотя формы <брало́> и <звало́> отмечены в словарях словом «не рекомендуется», у формы <взяло́> есть помета «допустимо» и, наконец, форма <дало́> уже равноправна с традиционной формой с наосновным ударением.

---

[11] Там же, с. 379.

[12] Фразеологизмы, на наш взгляд, являются достаточно стабильной структурой в языке и, в отличие от свободных словосочетаний, не должны поддаваться таким явлениям.

[13] Ср. КРЫСИН, Л. П. *Современный русский язык*: *Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. С. 380.

Из этих двух паралельно идущих тенденций в области изменения ударения большими темпами развивается вторая.[14]

Если посмотреть на акцентную систему данного типа глаголов в прошедшем времени, то можно говорить о развитии младшей нормы как варианта старшей. По старшей норме противопоставляется форма женского рода всем остальным глагольным формам в единственном и множественном числах. Младшая норма представляет данный процесс как противопоставление единственного числа множественному.[15]

В.Л. Воронцова считает, что таким образом происходит «развитие диференцирующей функции ударения».[16]

3.2. Бесприставочные возвратные глаголы типа «боро́лся», «взялся́»

Активный процесс, идущий в сторону унификации акцентных форм определённой группы возвратных глаголов прошедшего времени, охватывает полностью все роды и оба числа.

Говоря о формах глагола мужского рода с подвижным ударением, наблюдаем процесс перенесения ударения с постфикса на основу. Ударный постфикс, как остаток древнерусского языка, уступает место формам с наосновным ударением, например: <бра́лся> вместо <бралс́я>, <взя́лся> вместо <взялс́я>, <подня́лся> вместо <поднялс́я>. Также в данном случае говорится о сосуществовании двух норм – старшей и младшей, причём «всё меньше остаётся носителей старшей нормы, которых коробит произношение» форм с ударением на основе.[17] Таким образом происходит унификация акцентуации данных глаголов с подвижным и неподвижным ударением в формах мужского рода.

Тенденции к единообразию проявляются также в остальных формах прошедшего времени данных глаголов. Даже можно сказать, что в данной группе глаголов «процесс унификации ударения проходит более последовательно по сравнению с невозвратными глаголами».[18] Он касается не только форм среднего рода (как это у невозвратных глаголов, см. выше), но и форм множественного числа. В старшей норме закрепилось противопоставление форм женского рода всем остальным, например: <знала́сь>, но <гнало́сь>, <гнали́сь>; <звала́сь>, но <звало́сь>,

[14] Там же, с. 380.
[15] Там же, с. 381.
[16] ВОРОНЦОВА, В.Л. In: Крысин, Л. П. *Современный русский язык*: *Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. С. 381.
[17] Ср. там же, с. 381.
[18] Там же, с. 382.

<звали́сь>. Согласно младшей норме падает ударение во всех формах на флексию: <гнала́сь>, <гнало́сь>, <гнали́сь>; <рвала́сь>, <рвало́сь>, <рвали́сь>. Формы соответствующие младшей норме в большинстве словарей указаны в качестве рекомендуемых (формы с наосновным ударением приводятся как допустимые).[19]

Как мы уже отметили, вышеприведённые активные процессы ведут к созданию единообразия акцентной системы части глаголов, что, безусловно, окажет положительное влияние на процесс освоения данной области русского языка иностранцами. Если говорить о обеих группах глаголов и происходящих в них процессах, то нельзя, по нашему мнению, дать однозначный ответ на вопрос нужны ли данные процессы учитываться на уроке РКИ. Поскольку они находятся на разных уровнях развития и не существует полного охвата всех глаголов данного выше типа, преподавателю придётся работать со словарями и проверять, на каком этапе процесса конкретная глагольная форма находится. Целесообразным, с нашей точки зрения, является представление учащимся варианта, соответствующего младшей норме во всех случаях, когда это будет возможно. Чем меньше исключений и отступлений от правил должны студенты осваивать, тем быстрее идёт само обучение. В итоге уменьшается количество ошибок, допускаемых ими в речи.

Как можно видеть из приведённых примеров, «несмотря на то, что изменения в области фонетики являются достаточно консервативными, на рубеже XX – XXI веков такие процессы всё-таки наблюдаются».[20] Это можно определить функционированием в языке внутренних законов его развития, а именно законов традиции, аналогии и экономии, которые оказали большое влияние на рассматриваемые нами явления.[21]

Нельзя расчитывать на то, что данная тема войдёт в ближайшее время в учебники РКИ. Это естественно, ведь мы говорим о живых и далеко ещё не законченных процессах. Несмотря на это, преподаватель может самые наглядные и яркие процессы обработать в форме дополнительных материалов и с ними познакомить своих учащихся. С этой целью мы в статье представили критерии, по которым можно такие явления оценивать. Кроме того, учитель должен работать с новейшей

---

[19] Ср. там же, с. 382.

[20] ЮДИНА, Н. В. 2010. *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?*. Москва: Гнозис. С. 85. ISBN 978-5-94244-036-7

[21] Подробно занимается проблематикой законов развития языка в своей монографии «Активные процессы в современном русском языке» Н.С. Валгина.

литературой, последними выпусками словарей и, безусловно, достоверными Интернет-ресурсами.

Мы, конечно, в статье не смогли дать полный перечень активных процессов в фонетике СРЯ. Также нашей целью не являлось глубокое изучение данных процессов, а лишь их представление в качестве материала, который должны преподаватели знать, суметь оценить и, в случае необходимости, обработать и представить учащимся-иностранцам.

Использованная литература:

ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. 2011. Должны ли активные процессы в грамматике современного русского языка учитываться в преподавании РКИ. In: *Русский язык за рубежом*: *учебно-методический иллюстрированный журнал*. 2011, №4 (227), с. 33-39. ISSN 0131-615X

"КРУГОСВЕТ". 2012. *Кругосвет*: *Универсальная энциклопедия* [online], [cit. 2012-05-27]. Доступно в Интернете: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIK.html

КРЫСИН, Леонид Петрович. 2008. *Современный русский язык*: *Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: Языки славянских культур. 709 с. ISBN 59-551-0216-7

ЮДИНА, Наталья Владимировна. 2010. *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?*. Москва: Гнозис. 293 с. ISBN 978-5-94244-036-7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РЕАЛИЯМ РОССИИ

Mgr. Veronika Kaplanová

Unicorn College v Prahe

veronika.kaplanova@gmail.com

ABSTRACT:

Use of information and communication technologies is one of the noticeable trends in science and education. This paper deals with the theoretical question of how ICT can help with familiarization with Russian culture and history, and analyzes several available electronic resources that can be useful for teachers and students of Russian language.

Современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) все больше становятся неотъемлемой частью нашей жизни и все чаще применяются в сфере образования, так как они способствуют эффективному изучению нового материала, а также укреплению и проверке уже приобретенных знаний. ИКТ могут использоваться в течение урока при индивидуальной работе студента или при работе в группах. Таким образом все студенты эффективно включены в процесс обучения. Кроме того, благодаря данным технологиям открываются новые возможности для внеклассной работы. Студентам предоставляется возможность использовать электронные ресурсы для выполнения домашних заданий, повторения и расширения знаний учебного материала.

Обучение с использованием ИКТ помогает удовлетворить некоторые **дидактические принципы** обучения, которые определил Hendrich[1], главным образом **принцип наглядности**. В частности, Интернет предоставляет огромное количество фотографий, анимаций, карт, виртуальных туров и аутентичных, а также для образования специально созданных, видео и аудиозаписей.

Принцип научности поддерживается возможностью найти в Интернете актуальную информацию по заданной теме. Таким образом, ИКТ способствуют устранению отсталости содержания образования от современного уровня знаний.

[1] HENDRICH, J. et al. 1988. *Didaktika cizích jazyků.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1988.

Студенты также могут встретиться с живым русским языком и новыми тенденциями его развития, отражающими культуру страны.

Электронные ресурсы являются неоценимым инструментом в подготовке к занятиям не только для студента, но и для учителя. Студенты и преподаватели получают информацию по изучаемой теме практически в любой глубине и масштабе. Студенты могут найти материалы для написания семинарных работ или разработки проектов и вести активный поиск по интересующей их теме, и представить свои выводы на занятии. Все выше сказанное позволяет поддерживать сознательную деятельность учащихся и соответствует принципу **самостоятельной деятельности учащихся**.

Технологии дают учителям возможность реализовать **индивидуальный подход к студентам**, принимать во внимание их интересы, индивидуальные потребности, предпочитаемые способы работы и уровень их знаний и способностей. Слабые студенты могут, таким образом испытать чувство успеха, а сильных студентов возможно достаточно стимулировать, так как одним из важнейших факторов образования и условием выработки положительного отношения к предмету является мотивация, которая также является ключом к успеху. Сверх того, для многих молодых людей работа с ноутбуком, таблеткой и смартфоном более привлекательна, чем со статическим учебником, и более того, студенты готовы к поиску новых знаний за пределами обязательного учебного материала. Таким образом реализуется принцип **положительной мотивации к обучению** и **принцип активности студентов**. Препятствием использования ИКТ иногда являются аутентичные тексты, которые могут способствовать повышению мотивации, или же наоборот, ее понижению за счет своей сложности (например, неадаптированные электронные книги).

ИКТ отражают также некоторые **методологические принципы**[2], одним из которых является **принцип циклического расположения учебного плана**. Интернет предоставляет возможность циклически расширять и углублять знания учащихся, посредством новых контекстов и междисциплинарных связей.

Самым обширным и наиболее доступным источником информации о реалиях России, безусловно, является Интернет. Здесь можно найти информацию почти о всех областях жизни страны. Автор в своем докладе сосредоточила основное внимание именно на таких ресурсах, которые предоставляются бесплатно.

[2] Там же.

Русская культура подробно рассматривается на вебе «**Энциклопедия Кругосвет, Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия**»[3]. На главной странице можно выбрать из разделов «История – Общество» с подразделами «История», «Археология». В разделе «Искусство – Культура» предлагаются изобразительное искусство, скульптура и архитектура, литература, театр и кино, балет, эстрады и цирк. Энциклопедия занимается не только русскими реалиями. В некоторых разделах преобладают термины, в других личности. В энциклопедии можно искать по алфавиту или ввести интересующее слово или сочетание слов в поле поиска (имя, направление и т. д.).

На «**Российском общеобразовательном портале**»[4] можно найти несколько разделов, посвященных русской культуре. Раздел «Коллекция: Мировая художественная культура» предлагает поиск по видам искусства, жанру, технике, материалу, стиле, периоду или веке, а также алфавитный поиск по имени автора или названии (например, «Древнерусское искусство», «Русская архитектура»). С точки зрения реалий не менее интересный раздел «Музыкальная коллекция», где кроме поиска по автору и периоду можно также искать жанрам музыки: «Народная музыка» «Классическая музыка», «Эстрадная музыка».

Страницы **«История России»**[5] предлагают пользователям основные материалы для изучения русской истории в неадаптированных пособиях Н. М. Карамзина: «История государства Российского», В. О. Ключевского: «Курс русской истории» (данный курс можно также скачать в виде аудиокниги[6]), Н. И. Костомарова: «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», С. М. Соловьева: «История России с древнейших времен», В. Н. Татищева: «История Российская», митрополита Макария: «История Русской церкви», С. Ф. Платонова: «Полный курс лекций по русской истории» и другие материалы, как например, 3 варианта «Слова о полку Игореве».

На «**Отечество.ру – История России. Сайт для тех, кто любит Россию**»[7] можно получить информацию об истории, культуре и традициях России. Здесь также имеется информация о русских поэтах, писателях, художниках, композиторах, ученых, путешественниках, космонавтах, спортсменах и русских святых, но не совсем

[3] http://www.krugosvet.ru/
[4] http://www.school.edu.ru/default.asp
[5] http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm
[6] http://voicebook.ru/audioknigi/6906-vo-kljuchevskijj.-kurs-russkojj-istorii.-chast.html
[7] http://ote4estvo.py/

понятно, по какому принципу были выбраны отдельные представители. Кроме того, на веб-страницах приведены сведения о некоторых городах России, монетах, гербах и флагах и рецептах русской кухне. В разделе «Спецпроекты» пользователь получит сведения о достопримечательностях, о русских победах, полководцах, флотоводцах, героях и сражениях войн, о царской семье, о моде, о советских плакатах, о наградах СССР и о современной России.

«Русская история по урокам»[8] представляет собой электронный учебник по русской истории от заселения великой русской равнины по настоящее время. Кроме индивидуальных уроков, в конце главы всегда приводится ряд контрольных вопросов. В этом пособии находится 26 исторических карт в красках, которые связаны с индивидуальными уроками, а также ссылаются из основного списка. На картах изображен, например, «Экономический рост России в 1861-1900 гг», «Бунт Степана Разина» и т. д. Существует также детальная инструкция о том, как пользоваться данными ресурсами. Имеется также список цитируемых и упоминаемых источников. Учебник можно даже скачать в формате Microsoft Word в заархивированном виде и не требует никакой установки.

Для ознакомления с русской культурой служат также мультимедийные электронные учебники, пример, **«История России: XX век»**. Ее первые 4 части можно скачать бесплатно. Учебник содержит атлас, хрестоматию, энциклопедию с поисковой системой, фонотеку и студентам предоставляется даже рабочая тетрадь. "Ключевым элементом курса являются 278 интерактивных мультимедийных лекций – виртуальных уроков-фильмов (смонтированные под звук анимации, видеофрагменты, фотографии, картины, гравюры, рисунки, факсимиле, изменяющиеся схемы, диаграммы, оживающие карты)".[9]

Отличным наглядным пособием являются виртуальные туры[10]. **«Виртуальные туристические пешеходные маршруты – Сферические панорамы»** предлагают осмотр 31 достопримечательностей, и даже прогулок по Москве, Санкт Петербургу, Суздалю, Ульяновску и Крыму. Прогулки обозначены на карте, где отображаются также места, из которых можно посмотреть по всем направлениям. Из прогулок приведем, например, круг по Москве «Манежная площадь, Моховая улица,

[8] http://www.russia-talk.com/history/hist-contents.htm
[9] История России: XX век. Мультимедиа-учебник. Скачать программу История России: XX век. Мультимедиа-учебник. для Windows. [online]. [cit. 2012-06-18]. Доступно в Интернете: <http://www.softsalad.ru/software/istorija-rossii-xx-vek-multimedia-uchebnik.html>.
[10] http://virtour.ru/

Воздвиженка, Тверская улица, Пушкинская площадь, Площадь Революции». Среди отдельных мест включают «Суздаль - За торговыми рядами» или «Новый Арбат у Белого дома». Каждый памятник сопровождается текстовым комментарием. Прекрасный вид во всех направлениях с крыши кремлевской башни, башни Храма Христа Спасителя, крыши ГУМа и других известный московских зданий предлагает сайт **«Открытие Кремля – виртуальный тур по резиденции Президента России»**[11]. Дается описание избранных зданий вокруг и программа позволяет их приблизить. Некоторые достопримечательности сопровождаются аудио комментариями.

Для ознакомления с русскими реалиями найдут свое применение аудиозаписи. На англоязычном сайте **«Wilson Center»**[12] в разделе «Мультимедиа» есть весьма интересные подлинные записи речи известных деятелей, таких как «Yeltsin: Gorbachev Should Resign 12/21/91», «Maxim Gorky Speaks, 1932», «Eyewitness to Russian Rev. 1917-21», «Stalin Speaks. Anti-German Remarks, 1941» или анонимных лиц «Housewife Praises Stalin, 1937», и т. д. Другие аудиозаписи мировых лиц в формате MP3, в том числе на русском языке[13]. Есть выступления Н. С. Хрущева, В. И. Ленина, Д. А. Медведева, И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого.

Множество видео и аудиозаписей пользователи найдут на сервере, предоставляющем услуги видео хостинга, **«YouTube»**. Здесь, например, выступление Сталина с 1941 года[14], обращение Ленина к Красной Армии 1919 года[15]. На «YouTube» есть также полные документальные фильмы и лекции. Например, по теме Григорий Распутин можно найти документальный фильм «1915 г. Григорий Распутин»[16] или «Григорий Распутин» в двух частях[17] или лекцию И. Н. Данилевского[18] и многое другое. На выше упоминаемом сервере предлагается множество презентаций и фотографий. Приведем здесь к примеру пятиминутную презентацию фотографий последнего русского царя Николая II[19].

Учиться в настоящее время можно почти всегда и везде. „Electronic communications technologies, with the multiple media text, visual, voice and their capacity to

---

[11] http://tours.kremlin.ru/ # / RU и 1_5
[12] http://www.wilsoncenter.org/program-multimedia/Kennan 20Institute%
[13] http://www.freeinfosociety.com
[14] http://www.youtube.com/watch?v=8IGbjPqFFvA
[15] http://www.youtube.com/watch?v = qtAg21DDKsc
[16] http://www.youtube.com/watch?v=m8ixbQAcLck&feature=related
[17] http://www.youtube.com/watch?v=EFbdciNKK8o&feature=related
http://www.youtube.com/watch?v=2oHUfwCgfW8&feature=relmfu
[18] http://www.youtube.com/watch?v=O8v9iKwO3rI
[19] http://www.youtube.com/watch?v=6ZxRqwOw3dA

extend interaction over time and distance are transforming teaching and learning.“[20] ИКТ, предоставляющие практически неограниченный объем информации, являются отличным эффективным средством для студентов и преподавателей. Однако нельзя забывать о том, что данные ресурсы и качество предлагаемой информации в них должно всегда подвергаться основательному обсуждению, и нельзя их автоматически принимать за истинные и правильные. Студенты, таким образом **развивают свои навыки критического мышления**, которое являются одной из целей не только обучения истории и культуре народов, но и любых других предметов.

Использованная литература:

YouTube: 1915 г. Григорий Распутин - «Исторические Хроники». [online]. [cit. 2012-06-05]. Доступно в Интернете: <http://wwwи.youtube.com/watch?v=m8ixbQAcLck&feature=related>.

YouTube: Григорий Распутин. часть 1. [online]. [cit. 2012-06-05]. Доступно в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=EFbdciNKK8o&feature=related>.

YouTube: Григорий Распутин. часть 2. [online]. [cit. 2012-06-05]. Доступно в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=2oHUfwCgfW8&feature=relmfu>.

В.О. Ключевский. Курс русской истории (аудиокнига) » Скачать Аудиокниги БЕСПЛАТНО! Библиотека электронных и аудиокниг!. [online]. [cit. 2012-06-10]. Доступно в Интернете: <http://voicebook.ru/audioknigi/6906-v.o.-kljuchevskijj.-kurs-russkojj-istorii.-chast.html>.

Виртуальные туристические пешеходные маршруты - Сферические панорамы. [online]. [cit. 2012-06-05]. Доступно в Интернете: <http://virtour.ru/>.

История России: XX век. Мультимедиа-учебник. Скачать программу История России:

[20] GARRISON, D. R. – ANDERSON, T. 2003. E-learning in the 21st century a framework for research and practice. http://portal.ou.nl [online] [cit. 2012-06-13] Доступно в Интернете: <http://portal.ou.nl/documents/89037/89380/Garrison+%26%20Anderson+%282003%29.pdf>.

XX век. Мультимедиа-учебник. для Windows. [online]. [cit. 2012-06-18 Доступно в Интернете: <http://www.softsalad.ru/software/istorija-rossii-xx-vek-multimedia-uchebnik.html>.

История России. [online]. [cit. 2012-06-10]. Доступно в Интернете: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm>.

Отечество.ру: История России. Сайт для тех, кто любит Россию. [online]. [cit. 2012-06-09]. Доступно в Интернете: <http://ote4estvo.ru/>.

Открытие Кремля – виртуальный тур по резиденции Президента России. [online]. [cit. 2012-06-18]. Доступно в Интернете: <http://tours.kremlin.ru/#/ru&1_5>.

Российский общеобразовательный портал: основная и полная средняя школа, ЕГЭ, экзамены. [online]. [cit. 2012-06-11]. Доступно в Интернете: <http://www.school.edu.ru/default.asp>.

Русская история по урокам. [online]. [cit. 2012-06-18]. Доступно в Интернете: <http://www.russia-talk.com/history/hist-contents.htm>.

Энциклопедия Кругосвет: Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. [online]. [cit. 2012-06-13]. Доступно в Интернете: <http://www.krugosvet.ru/>.

HENDRICH, J. a kol. 1988. *Didaktika cizích jazyků*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1988.

GARRISON, D. R., ANDERSON, T. 2003. E-learning in the 21st century a framework for research and practice. http://portal.ou.nl [online] [cit. 2012-06-13] Доступно в Интернете: <http://portal.ou.nl/documents/89037/89380/Garrison+%26%20Anderson+%282003%29.pdf>.

Multimedia: Wilson Center. [online]. [cit. 2012-06-18]. Доступно в Интернете: <http://www.wilsoncenter.org/program-multimedia/Kennan%20Institute>.

YouTube: Lenin's speech in 1919. [online]. [cit. 2012-06-10]. Доступно в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=qtAg21DDKsc>.

YouTube: Nicholas II, The Last Tsar Of Russia. [online]. [cit. 2012-06-04]. Доступно в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=6ZxRqwOw3dA>.

YouTube: Stalin speech – November 7, 1941[English subtitles]. [online]. [cit. 2012-06-18]. Доступно в Интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=8IGbjPqFFvA>.

КАЛЬКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Mgr. Kristýna Křížová

Masarykova univerzita v Brne

kristynakrizova@seznam.cz

ABSTRACT:

The contribution deals with lexical calques as one of the types of borrowing. It describes the difficulties concerning the distinction and identification of calques in languages, and examines the problems linked to the calquing process itself. The main part of the contribution focuses on the characterization of calques evolved under the influences of namely English, French and German in the recent Russian. The differences among the types of these calques are illustrated on examples.

1. Введение

Обогащение лексического состава русского языка представляет собой процесс, осуществляющийся как за счет словообразования, так и разного рода заимствований.[1] Одним из типов заимствованной лексики являются кальки, которым посвящена предлагаемая статья. В ее рамках уделяется внимание существующим трудностям, которые встречаются при их выявлении и идентификации, и дается характеристика калек в русском языке нового времени, образованных, прежде всего, под влиянием английского, французского и немецкого языков.

2. Заимствование иноязычной лексики в общем

Заимствование иноязычной лексики - это «процесс, который в значительной мере подвергается воздействию внешних, другим словом экстралингвистических, факторов»[2], под которыми понимаются политические, экономические, культурные,

[1] ПОНОМАРЕНКО, Л. А. 1965. *Калькирование как вид влияния одного языка на другой* (на материале английских калек с русского языка): Диссертация канд. филол. наук. Киев: Киевский ордена Ленина государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 1965. С.3.

[2] КРЫСИН, Л. П. 1997. Изменения в системе языка. In: *Русский язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1997. С. 107.

социальные и другие контакты между народами. Эти факторы способны вызывать то активизацию, то ослабление данного процесса.

2.1 Периоды заимствования иноязычной лексики

В контактах русского языка с другими языками и в заимствовании иноязычной лексики Л. П. Крысин в рамках своей научной статьи о заимствованной лексике выделяет на основе интенсивности процесса, тематических групп иноязычной лексики или характера ее жанрово-стилистического освоения четыре периода.

Первый из них представляют 40-е – начало 50-х гг., когда возникает ряд профессиональных военных терминов, часто калек с немецких образцов, хотя годы войны и отчасти и послевоенное время характеризуются отрицательным отношением общества ко всему иностранному. Например, слово *котел* представляет кальку с немецкого *Kessel*, *клещи* - кальку с немецкого *Zange*, *взять в клещи* - *in die Zange nehmen* и др. Во втором периоде – середине 50-х – 60-х гг. – происходят в советском государстве и обществе немалые изменения и вместе с ними изменяется также отношение к иноязычной лексике и заимствования начинают употребляться более свободно. В третьем периоде, т.е. в 70-е – первой половине 80-х гг., происходит освоение лексики, заимствованной в предшествующий период, и слова, использованные до тех пор с отрицательной коннотацией, начинают употребляться в нейтральных контекстах, причем большая часть новых заимствований начинает приходить из английского языка. Для последнего этапа, второй половины 80-х – 1995 гг., характерно усиление процесса заимствования, объясняемое рядом внешних причин, в том числе большей открытостью России и общением ее с другими странами мира.[3]

Так как статья Крысина была издана в рамках *Русского языка* уже в 1997 г., отсутствует в его периодизации следующий период, охватывающий конец XX – первое десятилетие XXI вв., которым мы бы хотели в рамках данной статьи заняться. Под вышеограниченным периодом в нашем понимании понимается этап русского языка нового времени в отношениях его с другими языками и в заимствовании иноязычной лексики, так как в указанный период более всего активизируются политические, деловые, научные, торговые, культурные и другие связи с США и странами Европы, где широко распространен английский язык.[4] Большое число калек и заимствований в

[3] Там же, с. 108-115.
[4] Там же, с. 114.

общем обязаны тогда своим появлением именно сленговому английскому языку или его американскому варианту, что обусловлено потребностью обозначать новые понятия, пришедшие в русскую культуру и вместе с тем и в языковую систему.

3. Калька как особый тип заимствования иноязычной лексики

3.1 Заимствование против кальки

Как справедливо отмечает О. В. Матвеева, «заимствованные элементы принято делить в зависимости от их проникновения в лексический состав на непосредственные и опосредованные»[5].

Разница между обоими типами заключается в том, что при непосредственном проникновении, т.е. лексическом заимствовании, чужое слово заимствуется в другой язык в виде готовой материальной единицы, включая его семантику.

Опосредованные заимствования представляют собой кальки, которые Н. С. Арапова определяет как «заимствования словообразовательной или семантической структуры иноязычного слова»[6]. Внимание следует обратить в этой связи на особенности образования калек по сравнению с прямым заимствованием. Так как кальки возникают из собственного материала, рефлектируя русские словообразовательные нормы, слит в них как процесс заимствования, так и оригинального словообразования, можно их рассматривать как переход от чужого к своему.[7] Этим фактом вызвано также то, что многие понимают кальки как какого-то рода форму скрытого влияния одного языка на другой. Однако вышеописанный процесс свойственен, прежде всего, словообразовательному калькированию.

---

[5] МАТВЕЕВА, О. В. 2005. *Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации*: Диссертация канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2005. С. 5-6.

[6] АРАПОВА, Н. С. 2000. *Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря*. Москва: Изд-во МГУ, 2000. С.3.

[7] МАТВЕЕВА, О. В. 2005. *Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации*: Диссертация канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2005. С. 55.

3.2 Типы калек в русском последнего времени

Как известно, существующая классификация калек, выделяющая словообразовательные (напр. *введение* с французского *introduction*), семантические (напр. у слова *плоский* заимствованное из франц. значение *пошлый, банальный*) и фразеологические кальки (напр. *ради прекрасных глаз* с франц. *pour les beaux yeux*), основана на том, что подвергается калькированию.

В современном русском лексическом фонде преобладают кальки семантические и сочетаемостные, образованные под влиянием английского языка.[8] Этого рода кальки возникают копированием значения чужого слова, причем следует подчеркнуть, что в этом случае не образуются новые слова, «только» для данного слова новые переносные значения.[9] В качестве примера такой кальки можно привести в современном русском часто употребляемое слово *крутой* в контекстах типа *крутой парень, крутые ребята*. Слово представляет собой семантическую кальку английского прилагательного *cool* или *tough*, которое среди многочисленных своих значений имеет и такие: *грубый, крутой, гангстерский, преступный, хулиганский*, сленговое *замечательный, классный*.[10]

3.3 Сферы употребления калек

К основным сферам появления калек, составляющих актуальный лексический состав русского языка, относятся сферы общественно-политической жизни, дипломатии, экономики, компьютерной терминологии, Интернет-пространства, языка СМИ, спорта и др. В этих сферах можно встретиться, например, с нижеприводимыми семантическими кальками:

- слово *высокий* в значении *лучший, элитный* представляет кальку с французского *haut*, первоначально употребляемую только в сочетании *высокая мода* (франц. *haute couture*), а затем появились и другие сочетания со словом *высокий* в значении *высокие технологии* (angl. *high technology*);

- слово *теневой* в сочетаниях *теневая экономика, теневой бизнес* является

[8] КРЫСИН, Л. П. 2004. *Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 223.
[9] АРАПОВА, Н. С. 2000. *Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря*. Москва: Изд-во МГУ, 2000. С.25.
[10] КРЫСИН, Л. П. 1997. Изменения в системе языка. In: *Русский язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1997. С. 114.

семантической калькой с английского *shadow* (*shadow economy*) в значении 1. *незаконный*, 2. *не стоящий у власти*;

- калька *конференция* в значении *спортивный союз, спортивная ассоциация* возникшая под влиянием английского *conference*;

- слово *ястреб*, которое под влиянием английского *hawk*, получило значение *сторонник жесткой, обычно реакционной политики*; у русского слова *ястреб* в его прямом значении отсутствуют коннотации, на основании которых могло бы возникнуть это переносное значение (ср. наличие отрицательной коннотации у слова той же тематической группы *стервятник*).[11]

В этой связи мы уже частично коснулись также сферы средств массовой информации, в которой в настоящее время зафиксировано много клишированных оборотов, оказывающихся результатом буквального перевода соответствующих клише с английского языка. Прежде всего, тексты телевизионных передач и телерекламы насыщены такого рода оборотами. Примерами могут послужить следующие выражения:

- оборот *Оставайтесь с нами!* с английского *Stay with us!* для привлечения внимания телезрителей, радиослушателей;
- *критические дни* - о менструации с английского *critical days*;
- *Почувствуйте разницу!* с английского оборота *Feel/taste the difference!*[12]

3.3.1 Компьютерная терминология

Так как одной из вышеперечисленных сфер появления калек в русском языке последнего времени является сфера компьютерной терминологии, мы решили в данной подглаве привести несколько примеров калек именно из этой области. Выбор темы, охватывающей компьютерную терминологию, обусловлен в значительной мере тем, что жизнь каждого современного человека каким-то образом связана с компьютерами, что вызвано внедрением компьютеров в научную и техническую сферы и в быт многих «непосвященных» людей.

Русская компьютерная терминология, в том числе английские заимствования и кальки, представляют собой постоянно меняющуюся отрасль языка, так как эта сфера

[11] КРЫСИН, Л. П. 2004. *Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 223-224.
[12] Там же, с. 225.

относится сегодня к наиболее активно развивающимся сферам человеческой деятельности в общем. В этой связи необходимо опять упомянуть, что в возникновении калек вышеуказанной тематической группы значительную роль сыграл сам английский язык, который в последнее время оказывает на русскую лексику огромное влияние параллельно с влиянием компьютеров, Интернета, аудио- и видеотехники на жизнь человека.

Компьютер в современном мире и связанные с ним иноязычные слова стали неотделимой частью быта, и сами англоязычные заимствования и кальки необходимы и престижны по сравнению с соответствующими им русскими выражениями, так как и число людей ежедневно встречающихся с компьютерными технологиями и перечень того, что человек может себе позволить посредством компьютера, постоянно увеличивается.[13]

Хотя компьютер является сегодня уже необходимым прибором и жизнь современного человека без него немыслима, с его возникновением и усовершенствованием нужно было приобрести новый словарный запас, охватывающий огромное количество наименований.

Из выбранной нами сферы мы ниже приводим некоторые кальки, о частотности и примерах употребления которых в языке мы узнали в Национальном корпусе русского языка.

Примером словообразовательных калек могут послужить, например, слова *база данных*, *электронная почта*, *звуковая карта* и др.

- *база данных* - калька возникла под влиянием английского сложного слова *database* в значении *совокупность данных, организованных по определенным правилам*, причем по сравнению английского существительного с его русским эквивалентом можно наблюдать разницу в графическом оформлении;

«*Одновременно создается непрерывно обновляемая компьютерная* ***база данных****, позволяющая оперативно получать детальную информацию о том или иномрастени.*» [14]

---

[13] ШИРОБОКОВА, Н. 2009. *Применение компьютера в жизни человека: обзорный список вариантов* [Электронный ресурс]. 2009. [цит. 08-06-2012]. Доступный из World Wide Web: <http://www.compgramotnost.ru/vvedenie/primenenie-computera-v-zhizni-cheloveka-obzornyj-spisok-varantov>.

[14] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].[цит. 08-06-2012]. Обобщенный. Вести из институтов, лабораторий, экспедиций // «Наука и жизнь», 2007. Доступный из World Wide Web: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E0%E7%E0+%E4%E0%ED%ED%FB%F5>.

- словосочетание *электронная почта* представляет собой кальку с английского *electronic mail*, что обозначает *систему обмена электронных сообщений*; английское прилагательное *electronic* скалькировано русским прилагательным *электронная* и английское существительное *mail* – русским существительным *почта*;

«*Школьные интернет-сайты и* ***электронная почта*** *органично вошли в жизнь и учеников и учителей*.»[15]

- *звуковая карта* – словосочетание возникло путем перевода английского *sound card* в значении *электронная плата, позволяющая с помощью компьютера обрабатывать звук*; английское существительное *sound* переведено русским прилагательным *звуковая* и английское существительное *card* – русским существительным *карта*;

«*Новинка подключается к ПК через интерфейс USB, при этом* ***звуковая карта*** *н а ко-мпьютере может отсутствовать вовсе*.»[16]

Среди семантических калек, касающихся темы компьютерной терминологии, можно назвать, например, слова *мышь* или *память*.

- слово *мышь* получило с английского новое переносное значение *устройство для работы с компьютером;*

«*Всем работающим с компьютером, а также их родственникам и друзьям знак ома*

компьютерная мышь — *небольшое устройство, позволяющее манипулировать с текстами и объектами на экране монитора.*»[17]

- у слова *память* послужило основой для появления у собственно русского слова переносного, свойственного английскому *memory* в значении *запоминающее устройство компьютера*;

---

[15] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].[цит. 08-06-2012]. Ольга Морозова . Жулебино -- первый шаг к электронной России // «Наука и жизнь», 2009. Доступный из World Wide Web: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%FD%EB%E5%EA%F2%F0%EE%ED%ED%E0%FF+%EF%EE%F7%F2%E0>.

[16] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].[цит. 08-06-2012]. Звуковые карты больше не нужны (2004) // «Computerworld», 2004.07.02. Доступный из World Wide Web: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E2%F3%EA%EE%E2%E0%FF+%EA%E0%F0%F2%E0>.

[17] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].[цит. 08-06-2012]. Обобщенный. Кунсткамера // «Наука и жизнь», 2007. Доступный из World Wide Web: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%EE%EC%EF%FC%FE%F2%E5%F0%ED%E0%FF+%EC%FB%F8%FC>.

«*Все данные о работе фирмы заносятся в* ***память компьютера***.»[18]

4. Заключение

Суммируя вышесказанное, хочется отметить, что хотя кальки по сравнению с прямыми заимствованиями занимают периферийное положение, они заслуживают детального и углубленного изучения.

Общим для прямого лексического заимствования и разных форм скрытого заимствования является то, что это следствие языкового и культурного влияния, и оба данных процесса необходимо рассматривать с учетом ситуации, контекста и мотивов их образования.

Использованная литература:

АРАПОВА, Н. С. 2000. *Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря*. Москва: Изд-во МГУ, 2000. 320 с. ISBN 5-211-04026-0

КРЫСИН, Л. П. 1997. Изменения в системе языка. In: *Русский язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1997. С. 105-118. ISBN 83-86881-14-3

КРЫСИН, Л. П. 2004. *Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. ISBN 5-94457-183-7

МАТВЕЕВА, О. В. 2005. *Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации*: Диссертация канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2005. 216 с.

[18] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].[цит. 08-06-2012]. С. Бура. Голубая морфо с бумажным туловищем // «Вокруг света», 1989. Доступный из World Wide Web: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E0%EC%FF%F2%FC+%EA%EE%EC%EF%FC%FE%F2%E5%F0%E0>.

ПОНОМАРЕНКО, Л. А. 1965. *Калькирование как вид влияния одного языка на другой* (на материале английских калек с русского языка): Диссертация канд. филол. наук. Киев: Киевский ордена Ленина государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 1965. 351 с.

ШИРОБОКОВА, Н. 2009. *Применение компьютера в жизни человека: обзорный список вариантов* [Электронный ресурс]. 2009. [цит. 08-06-2012]. Доступный из World Wide Web: <http://www.compgramotnost.ru/vvedenie/primenenie-computera-v-zhizni-cheloveka-obzornyj-spisok-variantov>.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. [цит. 08-06-2012]. Доступный из World Wide Web: <http://corpora.yandex.ru/search-main.html>.

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

Mgr. Kateřina Neumannová

Univerzita Palackého v Olomouci

katerina.neumannova01@upol.cz

ABSTRACT:

The present contribution is devoted to the wordstock of Russian and Czech journalistic texts about natural disasters. The author analyses not only standard means (neutral words, terminology, proper names and abbreviations), but also foregrounding lexical means (expressive and emotional words, similes, metaphore, personification, irony). However, the interest focuses on lexical and semantic differences between Russian and Czech terms related to natural phenomena.

Словарный состав публицистических текстов в целом отличается большой разнообразностью, ибо они выполняют две основные функции: информационную и воздействующую[1]. Вследствие взаимодействия этих функций создается специфическая публицистическая лексика, для которой типично сочетание стандарта и экспресии[2]; совмещение процессов автоматизации (стереотипности) и актуализации языковых средств[3]. Как правильно отмечает И. Б. Голуб[4], публицистический стиль – *«это не замкнутая, а открытая система языковых средств»*. В публицистических текстах можно найти и компоненты других функциональных стилей (художественного, разговорного, официально-делового и научного). Именно поэтому И. Пилатова[5] считает, что публицистический стиль занимает центральную позицию среди остальных четырех функциональных стилей, он соединяет рациональное начало, характерное для официально-делового и научного стилей, с эмоциональным, свойственным художественному и разговорному стилям.

[1] ČECHOVÁ, M. – KRČMOVÁ, M. – MINÁŘOVÁ, E. 2008. *Současná stylistika*. 1. vyd. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. 381 s. ISBN 978-80-7106-961-4
[2] КОСТОМАРОВ, В. Г. 1971. *Русский язык на газетной полосе*. Москва: МГУ, 1971. 267 с.
[3] ČECHOVÁ, M. – KRČMOVÁ, M. – MINÁŘOVÁ, E. *Současná stylistika*. 1. vyd. 381 s.
[4] ГОЛУБ, И. Б. 2004 *Русский язык и культура речи*. Москва: Логос, 2004. 46 с. ISBN 5940100236
[5] PILÁTOVÁ, J. 2009. *Krátká zpráva v současné ruské a české publicistice: jazyk a text.* 1. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2009. 164 s. ISBN 978-80-244-2278-7

Исходя из проведенного нами анализа 150 русских и 150 чешских публицистических текстов о стихийных бедствиях, можно констатировать, что в них наблюдаются те же самые тенденции. Хотя их важнейшей функцией является информировать, сообщить о произошедшем событии, следовательно, преобладает языковой стандарт, всё-таки также здесь обнаруживаются средства воздействующей функции, цель которых привлечь внимание читателя.

В настоящей статье мы сначала постараемся рассмотреть стандартный словарный состав изучаемых текстов, к которому нами отнесены нейтральная лексика, термины, собственные имена существительные и сокращения. Затем мы обсудим актуализирующие лексические средства, т.е. образные выражения (олицетворение, сравнения, метафоры) и слова с экспрессивно-эмоциональной окраской.

Основу публицистических текстов о стихийных бедствиях, как и всех текстов разных стилей, составляют слова нейтральные – так называемая межстилевая лексика[6]: например, *человек, место, год, четверг, говорить; město, lidé, domy, den, pět.*

Однако, значительную часть словарного состава представляет собой различная терминология. Термины воспринимаются как профессиональные названия определенной научной или практической деятельности людей, выделяющиеся, как правило, однозначностью и независимостью от контекста[7]. В текстах о стихийных бедствиях появляются термины прежде всего из области метеорологии (например, *буря, циклон, ветер, осадки; hurikán, tropická bouře, tlaková níže, meteorolog)*, гидрологии (напр., *наводнение, волна, поводок, цунами; přívalová vlna, záplavy, oceán, ústí řeky)*, геологии *(оползень, лава, вулкан, кратер; zemská deska, sesuvy půdy, magma, geolog)* и сейсмологии *(магнитуда, сейсмолог, землетрясение; Richterova škála, epicentrum, seizmograf)*. Кроме того, важную роль играет общественно-политическая терминология, особенно названия лиц *(президент, пресс-секретарь, губернатор; generální konzul, ministr obrany, premiér)* и территорий *(департамент, провинция, район; kanton, prefektura, region)*.

Относительно большое количество данных терминов является по своему происхождению не исконно русскими/чешскими, а заимствованными из других языков. В исследуемом нами материале (русском и чешском) преобладали термины, источниками которых были латинский, греческий и французский языки. Из латинского

[6] *Современный русский язык I*. Под. ред. Д. Э. Розенталя. 3-изд. Москва: Высшая школа, 1979.
[7] POŠTOLKOVÁ, B. – ROUDNÝ, M. – TEJNOR, A. 1983. *O české terminologii*. 1. vyd. Praha: Academia, 1983. 119 s.

заимствованны, например, *акватория, координаты, реанимация; evakuace, extrém, teritorium*[8], из греческого: аномалия, *катастрофа, катаклизм; atmosféra, epidemie, magma*, из французского: *десант, фиксировать, эстакада; aliance, hektar, mobilizovat*. Далее встречались, но в гораздо меньшей степени, термины немецкого происхождения *(штат; priorita)*, японского *(цунами; cunami/tsunami*[9]*)*, английского *(экспресс; briefing)*, голландского *(дамба, шторм)*, итальянского *(лава; malárie)* и испанского *(торнадо; junta)*.

В области терминологии в текстах о стихийных бедствиях мы заметили несколько интересных различий между русским и чешским языками. Чешским метеорологическим терминам **«bouře»** и **«bouřka»**, определяемым как *атмосферное явление, сопровождаемое ветром, молниями, громом, обычно также дождем*[10], в русском языке соответствует несколько выражений. Причем каждое из них имеет немного разное значение: **1. буря** (*ненастье с сильным разрушительным ветром*, например, снежная, тропическая, песчаная буря[11]), **2. гроза** (*бурное ненастье с дождем, громом и молниями*, например, летние, ранние, ночные грозы), **3. шторм** (*сильная буря на море,* например, тропический, субтропический шторм), **4. буран** (*снежная буря, обычно на открытых местах, в степи и т. п.,* то же, что метель, но сильнее), **5. метель** (*сильный ветер со снегом,* в чешском языке этому слову отвечают выражения «metelice, vánice» – густой снегопад при ветре), **6. вьюга** (*снежная буря*, является синонимом к слову метель)

На основе вышеизложенного, по нашему мнению, можно русское слово *буря* считать универсальным. С помощью соответствующих определений и данного термина можно описать любую бурю, подобно как и в чешском языке. Небезынтересно, что от всех упомянутых в предыдущем абзаце русских имен существительных образуются прилагательные: *буранный, буревой, вьюжный, грозовой, метельный, штормовой.* Но, в чешском существуют только два соответствующие им имена прилагательные: *bouřkový* (например, *bouřkový mrak – буревая/грозовая... туча*) и *bouřlivý* (приведенный в быстрое движение в результате бури, например *bouřlivý vítr – буревой/грозовой... ветер*).

---

[8] Источником этимологической информации здесь и далее послужили *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* (2005) и Справочно-информационный портал *Грамота.ру (http://www.gramota.ru/).*

[9] Форма «tsunami» вошла в чешский язык через английский, см. далее.

[10] Здесь и далее дефиниции чешских выражений приводятся по чешскому словарю *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* (2005).

[11] Здесь и далее дефиниции русских выражений приводятся по *Толковому словарю русского языка* (2001).

Чешские метеорологические термины **«cyklón»** и **«cyklóna»**, обозначающие разные атмосферные явления *(cyklón – вихрь, cyklóna – пониженное атмосферное давление)*, имеют в русском языке, наоборот, только один эквивалент – **циклон**. Он означает, во-первых – область пониженного давления в атмосфере, во-вторых – вихрь ураганной силы.

Сверх того, в публицистических текстах о стихийных бедствиях встречаются разные выражения, называющие одинаковое явление, а именно ураган, т.е. высшую степень шкалы Бофорта[12]. Настоящие термины синонимичны друг другу, они отличаются только по месту возникновения[13]. В чешских текстах употребляются следующие: «orkán»[14], «uragán»[15], «hurikán»[16], «tajfun»[17] и «cyklón»[18], в то время как в русском лишь *ураган, тайфун, циклон*.

В рамках гидрологической терминологии интересно обозначение приливной волны. В русском языке существует только одна форма – цунами, между тем как в чешском наблюдаются две – «tsunami» и «cunami». Данное слово японского происхождения, и по принципам передачи слов из японского языка в чешский кажется правильной именно форма «cunami» (согласно языковой консультации ÚJČ AV ČR). Однако, на практике доминирует форма «tsunami», вошедшая в чешский язык из английского. В печатных текстах чешские журналисты пользуются исключительно формой «tsunami», в интернет-сообщениях также формой «cunami», хотя, по нашим исследованиям, очень редко.

Помимо терминологии, в публицистических текстах о стихийных бедствиях играют важную роль существительные имена собственные. Среди них совершенно господствуют всевозможные топонимы: названия континентов, островов, полуостровов *(Южная Америка, Виргинские острова; Evropa, poloostrov Chalkidiki, Sicílie)*, названия стран, городов, сел и областей *(Казахстан, город Пелопоннес, провинция Гуанси; Velká Británie, Karlovarsko, obec Pakoslav)*, названия океанов, морей, заливов, рек *(Индийский океан, Берингово море, река Кальбуко; Severní moře, Mexický záliv, Dunaj)*, названия гор, пустынь и полупустынь *(Высокие Альпы, пустыня Бахабад; Krkonoše, Sněžka, Atacama)*, названия вулканов, парков, улиц и т.п. *(вулкан Шивелуч, улица Стромынка; sopka*

[12] Двенадцатибальная шкала для оценки силы ветра.
[13] BEDNÁŘ, J. et al. 1993. *Meteorologický slovník výkladový a terminologický*. 1. vyd. Praha: Academia, 1993. 594 s. ISBN 8085368455
[14] Ураган в Европе.
[15] Ураган, бывающий в Европе и Азии.
[16] Ураган в Америке.
[17] Ураган в юго-восточной Азии.
[18] Ураган, бывающий в Океании.

Chaitén, park Rila). Но появляются и антропонимы, и хрематонимы. В рамках антропонимов речь идет, во-первых, об именах лиц, каким-то способом связанных с описываемым событием – имена свидетелей, специалистов, представителей властей и др. (например, *английская туристка Нора Лавелль, вулканолог Хуан Каюпи; starostka Jarmila Kaprálová, mluvčí zlínských hasičů Ivo Mitáček*). Во-вторых, об именах, даваемых атмосферным явлениям[19] *(шторм «Долли», ураган «Даниела», циклон «Наргиз»; orkán Kyrill, hurikán Gustav, tajfun Ketsana)*. Среди хрематонимов встречаются преимущественно названия всяких учреждений, организаций, агенств и газет *(агентство Ассошиэйтед пресс, газета New York Times, радиостанция «Франс-Инфо»; Evropská unie, Národní garda, agentura Reuters)*.

К языковому стандарту публицистики относятся также сокращения, ускоряющие коммуникацию. Однако, обычно используются лишь те, которые считаются общепринятыми, чтобы текст оставался понятным. В изучаемых нами текстах применялись следующие их виды: графические сокращения, инициальные аббревиатуры и сложносокращенные слова[20]. В русском и чешском языках самую большую группу составляли инициальные аббревиатуры, образованные из начальных букв, прежде всего, теле и радио компаний *(НТВ, BBC, CNN, NBC)*[21], информационных агенств *(РИА – Российское информационное агентство, ИТАР-ТАСС – Информационное Телеграфное Агенство России; ČTK – Česká tisková kancelář, AP – The Associated Press)*, специальных учреждений и институтов *(МЧС – министерство по чрезвычайным ситуациям, НУМГ – Национальное управление метеорологии и геофизики; ČHMÚ – Český hydrometeorologický ústav, GFZ – Geologické výzkumné centrum)*. Исключением не являлись даже графические сокращения, хотя это касалось, главным образом, единиц измерения *(кв. м – квадратный метр, м/с – метр в секунду; km/h – kilometr za hodinu, m^2 – metr čtvereční)*. Сложносокращенные слова появлялись относительно изредка и сугубо в русском материале *(Минздрав – Министерство здравоохранения, авиатрасса – авиационная трасса, авиарейс – авиационный рейс, спецтехника – специальная техника, оргтехника – организационная техника)*.

---

[19] Уже в 16 в. штормам на Карибских островах присваивались имена святых в календаре. Во время второй мировой войны им летчики давали женские имена, потому что это было короче, чем сложные и долгие координаты. С 1953 создаются списки имен для ураганов и штормов на несколько лет.
KUKAL, Z. 1982. *Přírodní katastrofy*. 1. vyd. Praha: Horizont, 1982. 252 s.

[20] См. МИЛЬЧИН, А. Э. – ЧЕЛЬЦОВА, Л. К. 2003. *Справочник автора и издателя*. 2-е издание. Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. 800 с. ISBN 5-224-04565-7

[21] В русских текстах некоторые аббревиатуры известных зарубежных теле и радио компаний употребляются в оригинальной форме, пишутся латинским шрифтом, т. е. используется трансплантация.

Как уже было сказано выше, воздействующая функция в текстах о стихийных бедствиях уходит на задний план. Несмотря на это, и здесь можно столкнуться с образными выражениями и экспрессивно-эмоциональными словами, придающими текстам привлекательность и интересность. Это так называемые актуализирующие лексические средства. Среди образных выражений в русских и чешских текстах господствующее место занимают метафоры и сравнения (например – В реках Сицзян и Бэйцзян, которые являются главными *водными артериями* провинции. Двое из них были откопаны из *снежного плена* сегодня. Петрополис был практически *стерт с лица земли.* Четверть населения *осталась без крыши над головой*. Vichr *lámal sloupy jako sirky*. New Orleans se stal *městem duchů. Zdejší zemětřesení nebyla* žádná selanka. Hurikán Ike zde o víkendu *zanechal svou vizitku.*). Тем не менее, применяется также олицетворение *(вулкан* Килауэа *проснулся,* весь *урожай погиб*, *вода* вскоре *ушла; země zešílela*, když *se země uklidnila*, *sopka* tisíce let *spala*), и в русских текстах мы зарегистрировали даже несколько случаев употребления иронии, которая была всегда отмечена кавычками (осадки *«радуют»* также и жителей США, жители штата Колорадо могли *«насладиться»* сильным градом). Что касается экспрессивно-эмоциональных слов, они были гораздо более типичны для нашего русского материала (пожар *бушует, цепляться* за свою жизнь, в горах *разыгралась* снежная буря, отсчитывать *зеленые,* это настоящее *везение;* ve *spoďárech,* na vesnici se nikdo *nevykašlal,* byla *zdevastována* řada mostů, *šokovat*; *dramatizovat* situaci; *decimovat*).

На основе сделанного нами анализа словарного состава русских и чешских публицистических текстов о стихийных бедствиях можно прийти к выводу, что существенной разницей между данными сопоставляемыми материалами является несколько отличающаяся метеорологическая терминология в чешском и русском языках и большая экспрессивность последнего.

Использованная литература:

ГОЛУБ, И. Б. 2004 *Русский язык и культура речи*. Москва: Логос, 2004. 430 с. ISBN 5940100236

КОСТОМАРОВ, В. Г. 1971. *Русский язык на газетной полосе*. Москва: МГУ, 1971. 267 с.

МИЛЬЧИН, А. Э. – ЧЕЛЬЦОВА, Л. К. 2003. *Справочник автора и издателя*. 2-е издание. Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. 800 с. ISBN 5-224-04565-7

ОЖЕГОВ, С. И. – ШВЕДОВА, Н. Ю. 2001. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. Москва: Азбуковник, 2001. 939 с. ISBN 589285003X

Современный русский язык I. Под. ред. Д. Э. Розенталя. 3-изд. Москва: Высшая школа, 1979.

BEDNÁŘ, J. et al. 1993. *Meteorologický slovník výkladový a terminologický*. 1. vyd. Praha: Academia, 1993. 594 s. ISBN 8085368455

ČECHOVÁ, M. – KRČMOVÁ, M. – MINÁŘOVÁ, E. 2008. *Současná stylistika*. 1. vyd. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. 381 s. ISBN 978-80-7106-961-4

KUKAL, Z. 1982. *Přírodní katastrofy*. 1. vyd. Praha: Horizont, 1982. 252 s.

NEUMANNOVÁ, K. 2009. *Jazyková charakteristika textů o přírodních katastrofách v současné ruské a české publicistice:* lexikálně-morfologická charakteristika, bakalářská diplomová práce. Olomouc 2009.

NEUMANNOVÁ, K. 2011. *Živelní pohromy v současné ruské a české publicistice:* lexikálně-syntaktická analýza, magisterská diplomová práce. Olomouc 2011.

PILÁTOVÁ, J. 2009. *Krátká zpráva v současné ruské a české publicistice:* jazyk a text. 1.vyd. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2009. 164 s. ISBN 978-80-244-2278-7

POŠTOLKOVÁ, B. – ROUDNÝ, M. – TEJNOR, A. 1983. *O české terminologii*. 1. vyd. Praha: Academia, 1983. 119 s.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. 4. vyd. Praha: Academia, 2005. 647 s. ISBN 8020013474

Интернет-источники:

Справочно-информационный портал Грамота.ру. [online]. URL: <http://www.gramota.ru/>.

Jazyková poradna Ústavu pro jazyk český AV ČR. [online]. [cit. 2011-02-22]. URL: <http://www.ujc.cas.cz/poradna/porfaq.htm>.

Материалом исследования послужили тексты за период 2007 – 2010 гг., выписанные из русских и чешских печатных и электронных газет:

Lidové noviny
Mladá fronta dnes

iDnes.cz (www.idnes.cz)
iHned.cz (www.ihned.cz)
Lidovky.cz (www.lidovky.cz)
Novinky.cz (www.novinky.cz)

Аргументы и факты
Известия
Комсомольская правда

Вести (www.vesti.ru)
Лента.ру (lenta.ru)
РИАНовости (www.rian.ru)
Утро.ру (www.utro.ru)

УСВОЯЕМОСТЬ КОМПЮТЕРНЫХ СЛОВ В МАКЕДОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Panda Stojanovska

Univerzita Lóránda Eötvösa v Budapešti

panda.stojanovska@gmail.com

ABSTRACT:

The globalization of modern society compounded with the ubiquitous of information technologies, and practically unlimited access to information from around the world leads to a trend of internationalization and convergence of previously separated cultures and societies. Language, as a basic form of communication can not avoid this impact.This paper is showing that proliferation of international words (English) that appears in Macedonian and Russian language as an attempt to explain items or concept from IT technology that previously or even now have no appropriate words in the languages that we compare.

В каждом языке существуют заимствования слов из других языков. Заимствуются слова из англиского языка. Это не случайно.

Заимствование англйских компьютерных слов стало популярным в конце 20 и в начале нашего века с появлением интернета и системы виндоус (windows), которая в начале была только на английском языке. Компьютеры заняли прочное место в жизни каждого человека.

Каждый день ИТ технология изменяется и совершенствуется. В связи этим входят в лексикон и новые термини и это повлияло на многие процессы в языке

Что случается с языками на этом фоне и особенно с их лексикой?

В этом докладе будем рассматривать некоторые из этих слов и как они усваиваются в македонском и русском языках. Многие из этих слов уже полностью ассимилировались в русском и македонском языках.

Следует таблица с примерами.

Английский	**Македонский**	**русский**
Internet	Интернет	Интернет
Computer	Компјутер	Компьютер

Laptop	преносли компјутер лаптоп компјутер	лэптоп (лептоп)
Screen	Екран	Экран
Keyboard	Тастатура	Клавиатура
Mouse	Глувче	мышь
hard disc	трајна меморија, цврст диск, тврд диск, диск, , хард диск	жесткий диск
web side	веб локација, веб страна	веб сайт
Interface	корисничка меѓуврска , интерфејс	интерфейс
Net	Мрежа	сеть
Access	Пристап	доступ
Attach	Приложи	подключать, подключиться; прикреплять, прилагать.
Attachment	прилог, припратка	приклепление., присоединение
back up	сигурносен, резервен, заштитен, сигурносна копија	резервное копирование
Blog	блог, блогира	блог
PC	персонален компјутер	ПК персональный компьютер
to start	старт, почеток	пуск
Desktop	работна површина	десктоп, поверх стола, верх письменного стола, крышка
Icon	Икона	пиктограмма, иконка, изображение
Window	Прозорец	окно
Menu	Мени	меню

Buttons	Копчиња	кнопки
Network	Мрежа	сеть
recycle bin	канта за отпадоци	корзина
task bar	активни процеси, лента со задачи	панель задач
start menu	менито старт	старт меню
Click	клик, кликни	клик
shut down	исклучи!	выключение
Restart	престартување, повторно стартување	перезагрузка,
Pointing	Покажување	указывать
double-click	двоен клик, двоклик	двойной щелчок, дважды щелкнуть двойной клик
click and drag	кликни и влечи	буксировка, метод буксировки, *досл.* “нажал и потянул
Enter	копче ентер	ввод
local disk c	локален диск Ц	локальный диск Ц
local disk d	локален диск Д	локальный диск Д
control panel	контролен панел	панель управления ПК
Folder	Папка	папка, каталог файлов
Document	Документ	документ
CD	ЦД	компакт-диск, ЦД диск
Printer	Печатач	принтер
Display	прикажи екран!	экран, дисплей
Background	заднина, позадина	фон, задний план
screen saver	програма за заштеда на екран, скрин сејвер	Скрин сейвер, заставка
Web	Веб	веб
File	Датотека	файл
Mark	Ознака	отмечать
Rename	Преименување	переименовать, переименование изменить

		имя файла
Delete	избриши!	удалять, уничтожать, стирать, вычёркивать, аннулировать, ликвидировать
Cut	отсечи!	вырезание операция
Copy	копирај!, копија	копировать, делать копию, копия, экземпляр
add-in	Додаток	встроенный,
Restore	Обнови	восстанавливать, возвращать на прежнее место, в прежнее состояние
Password	Лозинка	пароль
home page	почетна страница	базовая, исходная, начальная, главная страница
e-mail address	адреса на е-пошта, имеил	адрес электронной почты
Account	сметка, налог	учётная запись
Mail	Пошта	почта
Forward	препрати!	возврат
Send	испрати!	послать, посылать.
Reply	Одговори	ответ
Bold	засилени, мрсни	полужирный (шрифт)
Contact	Контакт	деловой контакт
Status	Статус	состояние, статус
sign in	Најавување	войти
sign out	Одјавување	выход
Save	зачувај!	сохранять, записывать записывать в память, спасать; уберегать.
Block	Блокира	блок
		интерфейс

Italic	италик, закосени	курсив
Underline	Подвлекување	подчёркивание, подчёркивать
Preview	преглед, приказ	предварительный просмотр
print preview	приказ пред печатење, преглед за печатење	приказ перед печатанием
Upgrade	Надградба	апгрейд
Bug	Грешка	баг, жук, жучок
Byte	Бајт	байт
Browser	прегледувач, прелистувач, пребарувач	браузер просматриватель
Login	Најава	логин
Online	вклучен (на линија), поврзан	онлайн, на линии, на связи
Offline	исклучен (од линија), не поврзан, исклучен	оффлайн, не на связи, вне связи, не на линии
Pixel	Пиксел	пиксель
Software	софтверски (програмски) дел, софтвер	софтвер, мягкий продукт, мягкая оснастка
Hosting	вдомување, поставување	хостинг — хозяин

Надо отметить, что некоторые из английских слов вошли в оригинале в полном заимствовании, как калька например: интернет, компјутер - компьютер, блог , клик , контакт, статус, бајт-байт , пиксель, софтвер в оба языка.

Вторая группа слов -это слова, которые переведены. Как например: екран- экран, глувче- мышь, мрежа- сеть, копчиња- кнопки, прозорец- окно.

В македонском языке есть эквиваленты для англиских слов: печатач, печати и т д. А в русском языке на этом примере употребляется англиские слова.

Следует отметить, что в Македонии лингвисты вместе с профессиональными компьютерными специалистами сделали глоссарий македонских слов, которые употребляются в информационной технологии. Это сделано в целях сохранения македонской идентичности, то есть македонский язык и его надлежащее использование

и потому, что у нас ест негативные тенденции использовать больше английских слов из терминологии ИТ.

В заключении следует отметить, что компьютерные слова в большинстве случаев представляют собой английские заимствования или фонетические ассоциации больше в русском языке. Случаи перевода встречаются реже, но они тоже существуют.

Использованная литература:

Поимник на македонски зборови од областа на информатичката технологија, Министерство за информатичко општество http://www.mio.gov.mk/

КОСТАДИНОВСКИ, М. – МИНОВ, З. 2003. *Компјутерски речник* Штип: Венеција, 2003. С. 433. ISBN 9989-884-32-3

КОНЕСКИ, К. 1999. *Правописен речник на македонскиот јазик*, Скопје: Просветно дело, 1999. 514 с. ISBN 9989-0-0111-1

Толковен речник на македонскиот јазик том 1. А-Ж. (гл. Редактор К.Конески). 2003. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2003. 637 с. ISBN 9989-640-49-1

Толковен речник на македонскиот јазик том 2. З-К. (гл. Редактор К.Конески). 2005. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков, 2005. 675 с. ISBN 9989-640-64-5

Толковен речник на македонскиот јазик том 3. Л-О. (гл. Редактор К.Конески). 2006. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков, 2006. 613 с. ISBN 978-9989-640-70-4

Толковен речник на македонскиот јазик том 4. П. (гл. Редактор К.Конески). 2008. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков, 2008. 680 с. ISBN 978-9989-640-86-5

Толковен речник на македонскиот јазик том 5. Р-С. (гл. Редактор К.Конески). 2011. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков, 2011. 623 с. ISBN 978-608-220-016-3

http://www.megabook.ru/DictionariesPages.asp?AID=10&SLMode=1&page=dictionaries&RPage=8

МОЖНО ЛИ МУЖЧИНУ КОРОВОЙ, А ЖЕНЩИНУ КОТОМ ЗВАТЬ?

Mgr. Ivana Hanulíková

Univerzita Palackého v Olomouci

ivana.hanulikova@gmail.com

ABSTRACT:

The article is devoted to the questions of gender relations in secondary nomination on the examples of zoonyms. At first we explain the basic terms like genus, sexus, gender, zoonym, zoosemy etc., further we pay attention to the primary and secondary nomination and the main part of the article is devoted to the zoonyms-zoosemisms (names of animals which are in thein secondary meaning used in a relation to a man). It is divided into several groups by their characteristic properties – a group of zoosemisms, which describe, for example, a person's appearance, one's character features, experience, or a group of zoosemisms, which are used only to refer to children, etc.

Животные являются неотъемлемой частью жизни человека уже с давних пор, так как человек всегда изучал природу и ее составные части, поведение, свойства, деятельность и внешность животных, стремясь выводить какие-то общие черты, сравнения и т.д. Как уже сам заголовок напоминает, нас интересуют не только названия животных, а прежде всего, наше внимание привлекают те зоонимы, которые обладают переносным значением по отношению к человеку. Главной целью нашего исследования является очерк возможностей языка и употребление относящихся к миру животных выражений в их переносном значении для расширения словарного запаса.

Материал, с которым мы работаем, насчитывает **323 зоонима**, причем у **156 названий животных** мы нашли **переносное значение по отношению к человеку**. Данный материал был собран для магистерской дипломной работы и перечень всех зоонимов-зоосемисмов с их переносными значениями можно найти в приложении к вышеприведенной работе.[1] Источниками собранного нами материала мы использовали прежде всего словари, например, Словарь сравнений русского языка

[1] HANULÍKOVÁ, I. 2011. *Otázky rodových a genderových vztahů při sekundární nominaci (na příkladech zoonym).* Olomouc, 2011. Diplomová práce (Mgr.). UNIVERZITA PALACKÉHO V OLOMOUCI. Filozofická fakulta (Dostupný také z: http://theses.cz/id/peh0fr/Hanulikova_kvalifikacni_prace.pdf)

В. М. Мокиенкоа, Словарь русского языка С. И. Ожегова, справочно-информационный портал грамота.ру и другие.

Прежде чем обратить внимание на антропонимические по своей направленности названия с зооморфным компонентом, хотелось бы уточнить основные понятия, с которыми мы будем работать, а именно привести объяснения терминов род, пол, гендер, первичная и вторичная номинация и, конечно, понятия зооним, зоссемизм и зооморфизм.

По мнению, О. С. Осиновской, **род имени существительного** (грамматический род, «genus») является лингвистической категорией, причем его отличительной чертой являются падежные окончания и особенности согласования. Термин «**пол**» (= sexus) понимается в языке, как природное явление биологического порядка, не зависящее от человека, и относится только к одушевлённым предметам.[2] Понятие «**гендер**», которое, по словам А. В. Кирилины, происходит от английского термина «gender», обозначает «социальный пол, различия между мужчинами и женщинами, зависящие не от биологических, а от социальных условий (общественное разделение труда, специфические социальные функции, культурные стереотипы и т.д.).»[3] А. В. Кирилина объясняет, что первоначальное значение термина «gender», обозначающее грамматический род, было перенесено в другие науки и в лингвистику вернулось позднее, уже с перенесенным значением, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления.[4] Под **зоонимом** понимается «собственное имя (кличка) животного как объект лингвистического изучения».[5] Относительно термина «**зоосемисм**», в лингвистике встречаются разные его толкования. Мы, опираясь на китайского лингвиста Цай Сяо-Лина, понимаем зоосемизмы как «наименования лиц (антропонимы), образованные на основе метафорического переноса животное – человек».[6] Напротив того, А. А. Архангелская работает с другим пониманием этого термина. Она считает зоосемизм синонимом к понятиям зооним, анимализм а в вышеприведённом нами значении употребляет термин «зооморфизм».[7] Последним термином, который мы хотели бы уточнить, является первичная

[2] ОСИНОВСКАЯ, О. С. *Гендер-пол-род. Разграничение понятий*. 2008. [cit.2012-06-11]. Доступный в Интернете: http://lj.rossia.org/community/gender/11857.html
[3] ГЕНДЕР. [cit. 2012-06-11]. Доступный в Интернете: http://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/37679
[4] КИРИЛИНА, А. В. *Гендер и язык.* Москва: Языки славянской культуры, 2005. ISBN 5-9551-0011-3
[5] *Зооним*. [cit. 2012-06-11]. Доступный в Интернете: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/52868/зооним
[6] ЦАЙ СЯО-ЛИН. *Родовариантные зоосемизмы в отношении к полу.* 2006.[cit. 2012-06-11]. Доступный в Интернете: www2.pccu.edu.tw/CUAF/conference/FullText%5C95蔡曉玲.doc
[7] АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. А. Зоосемізмы як мотиваційна база одиницькваліфікатівної номинації українскій мові. In: *Ucrainica 1*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2004. С. 137-142.

и вторичная номинация. Данные два понятия обладают в языке разными толкованиями. Но в данном случае, мы работаем с толкованием Ж. А. Вардзелашвили, по мнению которого, **первичная номинация** является изначальным языковым означиванием, а понятие «**вторичная номинация**» обозначает использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового значения.[8]

Особое внимание мы хотели бы уделить классификации собранного материала, а именно разделению зоонимов-зоосемизмов по их характерным свойствам. В нашем материале появляется 156 названий животных, у которых встречается переносное значение по отношению к человеку, причем у данных единиц наблюдается следующее соотношение: 78 названий млекопитающих, 37 названий птиц, 20 названий членистоногих (включая насекомых), 13 названий пресмыкающихся, 5 названий рыб, 2 названия земноводных а 1 название мягкотелых. Собранный нами материал может быть разделен с разных точек зрения, но мы выбрали именно классификацию по их характерным свойствам, потому что она нам кажется самой интересной. Для иллюстрации у некоторых зоосемизмов приводятся контексты, демонстрирующие их употебление в живом языке.

Во первых, мы хотели бы коснуться тех зоонимов-зоосемизмов, которые **используются для описания внешности человека**. Для описания внешнего облика человека часто выбираем тех животных, физические черты которых совпадают с описываемой чертой человека. Напр., для описания худого, высокого человека используем названия животных как **страус, аист, жираф/ жирафа, журавль** или **цапля**.

См. ССРЯ: ***Жираф****, -а, м. Об очень худом (часто с отвисающей от худобы кожей) и длинношеем человеке.*

— Сегодня же и поеду! Опять ты глядишь недоверчиво, ***жирафа****? Скептицизм и ирония, иного от тебя не дождешься. Ну сегодня не получится, конечно, так просто отсюда туда не поедешь, сама ведь знаешь, в Европах нас не ждут, виза и прочая чертовщина...*[9]

---

[8]ВАРДЗЕЛАШВИЛИ, Ж. А.: *К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях.* 2000. [cit. . 2012-06-11].Доступный в Интернете: http://vjanetta.narod.ru/slav1.html

[9] Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003, НКРЯ.

Оба выражения, **жираф** и **жирафа**, являются родовыми вариантами, не указывая на пол животного. В переносном значении также можно употреблять оба выражения для обозначения лиц обоих биологических полов, либо по отношению к мужчине, либо по отношению к женщине.

Очень интересным для нас примером являются наименования длиннорук людей. Для именования такого человека, употребляя зоосемизм, встречаемся с видовыми названиями обезьяны – **орангутанг** и **горилла**. Зооним **горилла** представляет собой существительное женского рода, которое, хотя и относится к женскому грамматическому роду, в его прямом значении обозначает не самку животного, а просто вид обезьяны. При метафорическом переносе значения существительное сохраняет принадлежность к женскому грамматическому роду, однако, употребляется для обозначения мужчины.

См. ССРЯ: ***Горилла**, -ы, ж. О безобразно большом, мускулистом, но неестественно согнутом и длиннорук мужчине.*

*Пахан Жора только с месяц как освободился из тюряги после очень большого срока и теперь гуляет, дорвавшись до свободы. Он огромный **горилла**, и ударить ему, хотя и широкоплечего, но маленького Костю, так вот ни за что ни про что, по пьяному куражу — последнее дело…*[10]

К следующим зоонимам-зоосемисмам, описывающим внешний облик человека относятся, напр., **жаба**, которая употребляется для обозначения толстой неопрятной и некрасивой женщине (см. ГРАМ), **кабан**, к которому приравнивается грузный, толстый, раскормленный мужчина (см. ССРЯ). Оба названия считаются гендерно маркированными, т.е. в переносном значении употребляются для обозначения лица только одного биологического пола, сохраняя при этом грамматический род. Разница только в том, что **кабан** даже в прямом значении обозначает самца, а зооним **жаба** обозначает не самку, а вид земноводного животного. В группу зоонимов-зоосемисмов, описывающих внешность человека, принадлежат также **крокодил, бегемот, фазан, ёж** или **утёнок**.

[10] Эдуард Лимонов. Подросток Савенко. 1982, НКРЯ.

Самую большую группу представляют те зоосемизмы, которые **касаются черт характера человека**. Сравнивая человека и его качества с миром животных, чаще встречаемся с негативными, отрицательными чертами характера, хотя надо подчеркнуть, что свойства животных, которые становятся мотивацией для переноса значения, определил у животных сам человек. Конечно, встречаются также положительные черты характера. **Трудолюбивого человека**, по образцу жизни и поведения нижеприведённых животных, называем **волом, пчелкой** или **муравьём**, причём все три названия употребляются для наименования либо лиц женского биологического пола, либо лиц мужского биологического пола. Характеризуя человека, отличающегося **силой, здоровьем, храбростью и отвагой**, приравниваем его к **орлу, быку, жеребце, льву, лошади, соколу** или **коню**. Интересно, что данные выражения употребляются скорее для обозначения мужчин, может быть, это связанно с тем, что именно лица мужского биологического пола в общественном понимании считаются представителями сильного пола, которые должны охранять женщин перед опасностями.

См. ГРАМ: ***Бык**, -а, м. О крупном, здоровом, сильном (обычно упрямом) человеке.*

*Он так и говорил: «Говорят, ее Ахма до меня постоянно забирал. Ну ниче, я ей это предъявлю когда-нибудь». Она жаловалась: «Он такой **бык** ужасный. Постоянно кипишует. И мне надоели эти шалавы, что вокруг него пасутся». Но они с честью выбирались из этих проблем.*[11]

Говорить **о всех негативных чертах** человеческого характера, мы написали бы не статью, а роман... С глупостью сочетаются **осел, ишак** или **телёнок**, с ловкостью, хитростью, напр., **лис, лиса, лисица, вьюн, гиена** или **жук**. **Грубые, жестокие люди** называем **зверями**, **зверюгами** или **собаками**, подлого человека в русском языке именуют **гадом, гадиной, гадюкой, свиней**.

См. СРЯ: ***Ишак**, -а, м. То же, что осел.*

[11] Марат Лугуев. Сказка // «Новое дело», № 24, 2009, [cit. 2011-03-11] http://www.ndelo.ru/one_stat.php?id=917

У-у, с-сволочи! - страдальчески шмыгнул носом Цунь. - Издеваются над людьми! Блин, хотела же меня маманя в детстве на танцы отдать - чего я уперся, ***ишак*** *отвязанный...*[12]

Зоонимы-зоосемизмы **осёл/ ослица, лис/ лисица** и в прямом, и в переносном значении употребляют вариантов женского и мужского грамматических родов, причём в обоих значениях различается пол животного в прямом, а пол именуемого человека в переносном значении. У вышеприведенных примеров, зооним часто обозначает не только названия самок или самцов, а вид животного. Данная гендерная немаркированность отражается и в переносном значении, поэтому есть возможность использовать данные наименования либо по отношению к женщине, либо по отношению к мужчине.

См. ССРЯ: ***Гадюка****, -и, ж. О злобном, язвительном и коварном человеке (чаще женщине).*

Вот видишь, все ведь понимает, ***гадюка****. Ну, конечно, я ее шуточки, так сказать, опять мимо ушей полностью пропускаю и спокойно говорю: "Фамилию свою, конечно, мне тот начальник не докладывал, может, он и Духонин, а только есть приказ отвести вас к нему срочным порядком, вот я и выполняю".*[13]

– Ах же ты гад, ах ты змей, ах ты барбос ты противный, подколодная ***гадюка****, сволочь и сукин же ты рассын! – кричала женщина, которую ему и узнавать не надо было, потому что женщина являлась его законной супругой и явилась с побывки у мамы.*[14]

Из следующих примеров наименований, которые связанны с негативными свойствами человека, хотелось бы вспомнить о **гусе, гусаке, индюке или павлине**,

[12] Николай Рубан. Тельняшка для киборга (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18, НКРЯ.
[13] Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2. 1964, НКРЯ.
[14] Евгений Попов. Вне культуры, 1970-2000, НКРЯ.

которые сочетаются **с надутостью**, **котом** называем человека (мужчину), который отличается **похотливостью**.

Зоонимы-зоосемисмы, которые представляют следующую группу, употребляются для описания жизненного опыта, положения в обществе или взглядов. Зоосемизмы **кит и птица** выражают **значение и важность** именуемого человека, **опыт** представлен названиями **волк, воробей** или **зубр**, **меняющий свои взгляды** человек приравнивается к **хамелеону** и человек **с устаревшими представлениями** к **динозавру**. В данной группе опять встречаемся с гендерно немаркированными названиями животных, т.е. с теми зоонимами-зоосемисмами, которые не специфицированы по отношению к определенному полу, говоря либо о животном в прямом значении, либо в переносном значении.

Довольно интересным также является *тот* факт, что **для обозначения детей** часто используются **названия детёнышей животных или деминутивы**, не указывая ни на пол животного, ни на пол ребёнка.

См. ГРАМ: ***Зайчик***, *-а, м. (обычно в обращении). Ласк. О ребёнке или дорогом, любимом человеке.*

— На чём, по-твоему, играет Муковский? — На этом… на гобое…— неуверенно ответил я. — Андрюшенька! ***Зайчик*** *мой! Муковский играет на ФАГОТЕ! На фаготе! Человек, закончивший музыкальную школу, должен отличать гобой от фагота!*[15]

И, ох, Женюрочка, ***зайчик*** *мой, как тебя попрут в конце концов из партии, ох, киса, какое это будет зрелище… Она засмеялась, потянулась всем своим сильным, молодым телом, немножко зевнула и попросила: — А меня из своей домовой книги вычеркни. Я тут жить не стану.*[16]

Из вышеприведенного анализа можно вывести несколько заключений: У названий животных, у которых встречаемся с вариантами мужского и женского грамматических родов, часто встречаемся с тенденцией сохранить данные родополовые различия, т.е. формы женского рода употребляем для обозначения женщин, а формы

[15] Запись LiveJournal. 2004, НКРЯ.
[16] Юрий Герман. Дорогой мой человек. 1961, НКРЯ.

мужского рода используются для именования мужчин. Зоонимы, которые обозначают только вид животного, часто в переносном значении не различают биологический пол животного, а употребляются не зависимо от того, именуется ли лицо мужского или женского биологического пола. Данная закономерность не действует во всех случаях, в нашем материале мы встретились и с другим явлением, а именно с тем, что относящееся к женскому грамматическому роду существительное при переносе значения сочетается только с именованием мужчин (**горилла**). Как сказано выше, для именования детей используются названия либо детенышей животных, либо деминутивы.

ABBREVIATONS:

СРЯ = Словарь русского языка С. И. Ожегова

ССРЯ = Словарь сравнений русского языка В. М. Мокиенко

НКРЯ = Национальный корпус русского языка

ГРАМ = Справочно-информационный портал gramota.ru

Использованная литература:

АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. А. 2004. Зоосемізмы як мотиваційна база одиницькваліфікатівної номинації українскій мові. In: *Ucrainica 1*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2004. C. 137-142.

ВАРДЗЕЛАШВИЛИ, Ж. А. *К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях*. 2000. [цит. . 2012-06-11]. Доступно в Интернете: http://vjanetta.narod.ru/slav1.html

КИРИЛИНА, А. В. 2005. *Гендер и язык.* Москва: Языки славянской культуры, 2005. ISBN 5-9551-0011-3

МОКИЕНКО, М. В. 2003. *Словарь сравнений русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. ISBN 5-7711-0153-2

ОЖЕГОВ, С. И. 2008. *Словарь русского языка.* Москва: Оникс, 2008. ISBN 978-5-488-01679-8

ОСИНОВСКАЯ, О. С. *Гендер-пол-род. Разграничение понятий.* 2008. [цит.2012-06-11]. Доступно в Интернете: http://lj.rossia.org/community/gender/11857.html

ЦАЙ СЯО-ЛИН. *Родовариантные зоосемизмы в отношении к полу*. 2006. [цит. 2012-06-11]. Доступно в Интернете: www2.pccu.edu.tw/CUAF/conference/FullText%5C95蔡曉玲.doc

Гендер. [цит. 2012-06-11]. Доступно в Интернете: http://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/37679

Зооним. [цит. 2012-06-11]. Доступно в Интернете: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/52868/зооним

Национальный корпус русского языка. Доступно в Интернете: http://www.ruscorpora.ru/

Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. Доступно в Интернете: http://gramota.ru/

HANULÍKOVÁ, I. 2011. *Otázky rodových a genderových vztahů při sekundární nominaci (na příkladech zoonym).* Olomouc, 2011. Diplomová práce (Mgr.). UNIVERZITA PALACKÉHO V OLOMOUCI. Filozofická fakulta (Доступно в Интернете: http://theses.cz/id/peh0fr/Hanulikova_kvalifikacni_prace.pdf)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ СМЫСЛОВЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЮРИЯ АНДРУХОВИЧА «МОСКОВИАДА»)

Tímea Mérai

Univerzita Lóránda Eötvösa v Budapešti

merai.timea01@gmail.com

ABSTRACT:

When translating works of art, names with symbolic significance are a particular challenge. This can be explained by the fact, that based on the names you can find a number of interesting information about the history, culture, worldview, lifestyle and traditions of every nation. The names, characters can be seen not only in folklore, but also in literature, both classical and modern. This article is about how names with symbolic meaning are translated in classical and modern Ukrainian literature.

Представьте себе следующий диалог. Гостей на выставке в Барселоне встречает девушка и говорит:

– Добрый день! Разрешите представиться! Меня зовут Ирина!

– Вы русская? - спрашивает один из присутствующих.

– Да, а как вы догадались? – удивляется Ирина.

Имя часто «выдаёт» национальность или происхождение своего носителя.

Имена людей таят в себе многое: на основе имен можно узнать целый ряд интересной информации об истории, культуре, мировозрении, быте, традициях каждого народа.

Часто имя указывает на социальный статус человека в обществе. В свое время существовали типично аристократические и крестьянские имена. Например, Ольга, Екатерина, Евгений входят в первую групу имён, а Мавра, Фекла, Федот - во вторую. Интересный пример можно найти в шуточном письме Василия Андреевича Жуковского («Историческое обозрение благодетельных поступков Юлии Федоровны и разных других обстоятельств, курьезных происшествий и особенных всяких штучек. Сочинение Матвея») к Юлии Фёдоровне Барановой. Речь идёт об известном выкупе

Тараса Григорьевича Шевченко из рабства. Письмо Жуковский проиллюстрировал простыми рисунками. Вот один из них:

«Это Брюллов, пишет портрет Жуковского. На обоих лавровые венцы. Вдали Шевченко метет горницу. В облаках Юлия Федоровна. Она думает про себя: «Какой этот Матвей красавец». А Василий Андреич, слыша это, благодарит внутренно Юлию Федоровну и говорит про себя: «Я, пожалуй, готов быть и Максимом, и Демьяном, и Трифоном, только бы нам выкупить Шевченко». – «Не беспокойся, Матюша, - говорит из облаков Юлия Федоровна, - мы выкупим Шевченко». А Шевченко знай себе метет горницу. Но это в последний раз»[1].

Юлия Фёдорона была воспитательницей царских детей, возможно она считала себя более аристократичной, чем придворный поэт, поэтому и называет Василия Андревича Матвеем. А Жуковский в свою очередь готов реагировать на любое крестьянское имя, лишь бы только достичь цели. Не исключено также, что Юлия Фёдоровна была неравнодушна к Жуковскому, однако этот вопрос требует дальнейших исследований и в нашу задачу не входит.

Отношение народа к тому или иному имени отражается и в фольклоре, например, в пословицах и поговорках. Отношение к имени «Иван» в народной мудрости выражается ярко, остроумно и с юмором: «Чему Ваня не научился, того *Иван* не выучит», «С именем — *Иван*, а без имени — болван», «Каждая дрянь из себя *Ивана Иван*овича корчит». Глупого человека и сегодня называем «Иванушкой-дурачком», по ассоциации с героем народных сказок. Имя стало нарицательним.

С именами-символами можно встретиться не только в народном творчестве, но и в художественной литературе, как в классической, так и в современной. В украинской думе про казака Голоту («Дума про козака Голоту») читатель знакомится с идеальным украинским казаком: он смел и силён, никого и ничего не боится, готов в любой момент отдать жизнь за родину. Важным аспектом является также бедность казака,

[1] Жуковский. 1960, с. 636.

ведь у него нет «ни кола ни двора». «Голота» – это собирательное существительное, обозначающее нищих – в конкретном и переносном смысле «голых» людей. Имя Голота образовано от украинского слова «голий» (голый). У казака даже приличной одежды нет:

«Правда, на козакові шапка-бирка —
Зверху дірка,
Травою пошита,
Вітром підбита,
Куди віє, туди й провівав,
Козака молодого прохолоджає.»[2]

При переводе художественных произведений, имена, содержащие культурные конотации или имеющие символическое значение, представляют собой особую сложность. Эти имена часто относятся к категории говорящих имен. С целью актуализации символических значений и коннотаций на целевом языке целесообразно задуматься, например, о возможных переводах имени, дать какое-либо объяснение или сноску. В случае думы про казака Голоту переводчик встречается с проблемой уже в названии. Перевод на другой славянский язык круг проблем из-за общих корней сужает.

Образ отважного, но бедного казака встречается также в поэме Тараса Григорьевича Шевченко «Гайдамаки» (1841), которая была написана на историческую тему о востании под названием «Коліївщина» на Правобережной Украине. Главный герой произведения - Ярема Галайда. Ярема рос без отца и матери, он даже фамилии своей не знал. Поэтому когда его записывали в реестр казаков, атаман придумал ему прозвище. Показательно какие варианты прозвища предлагает казацкая старшина.

«"Може, й найдеш. А як тебе
Зовуть? я не знаю".
"Яремою".
"А прізвище?"
"Прізвища немає!"
"Хіба байстрюк?[3] Без прізвища
Запиши, Миколо,

[2] *Українські народні думи та історичні пісні*. 1990, с. 35.
[3] Незаконнорожденный.

У реєстер. Нехай буде…"
Нехай буде Голий,
Так і пиши!"
"Ні, погано!"
"Ну, хіба Бідою?"
"І це не так".
"Стривай лишень,
Пиши Галайдою".
Записали»[4].

Значение фамилии Галайда – «бродяга», оно указывало на бродячий образ жизни. Слово «галайда» очевидно образавано от наречия «гала» (до конца, далеко) и восточнословянской формы причастия «ида» (идущий)[5].

Виноградов в своей работе «Введение в переводоведение» рассуждает о переводимости так называемых смысловых имён. Ученый подчеркивает, что «возникает переводческая проблема, связанная с анализом сущности и функции значимых имён в тексте и способом их передачи при переводе»[6]. Виноградов считает, что говорящие и смысловые имена необходимо по возможности переводить, выбирая подходящий элемент в целевом языке из синонимического ряда лексического значения даного имени. Для этого переводчику необходимо осмыслить значение имени, определить, насколько оно важно для сюжета, какую роль играет в создании образа литературного героя, какие прочие конотации имени актуализируются в тексте. Учёный не советует в таких случаях переводить имена методом транслитерации. Однако подчёркивает, что имя героя на языке перевода должно сохранять национальную идентичность литературного персонажа[7]. «Если смысловое имя нужно автору лишь для характеристики социальной среды, если им высмеиваются какие-то идивидуальные черты второстепенного героя или назван герой юмористического или сатирического рассказа, то обычно оно переводится. Когда речь идёт об одном из основных персонажей романа, переводчику приходится серьёзно раздумывать над дилеммой: переводить или транскрибировать?»[8]. Виноградов, а также Леся Мушкетик (2006) подчёркивают, что нет «золотого» правила перевода смысловых имён, это настолько комплексное явление, что нельзя руководствоваться одним правилом.

[4] См. Шевченко. 2009, с. 135.
[5] См. *Етимологічний слоник української мови в семи томах*. 1982, с. 457.
[6] Виноградов. 2001, с.160.
[7] См. Виноградов. 2001.
[8] Виноградов, 2001, с. 176.

Татьяна Волкодав в своей статье «Вымышленные имена собственные в контексте фэнтезийного произведения» передлагает несколько опорных языковых преобразований смысловых имён:

«• конкретизация и, как правило, сужение семантики исходного имени собственного;

• компенсация (замена элемента исходной культуры элементом принимаемого языка) с сохранением общей положительной (отрицательной) оценки персонажа;

• компенсация с расширением значения исходного имени;

• формальная передача имени существительного (транскрипция, транслитерация) с дополнительной информацией об ониме в сноске;

• замена имени существительного апеллятивом с объяснением последнего в сноске»[9].

В современных переводах эта проблема также актуальна. Роман современного украинского писателя Юрия Андруховича (1960-) «Московиада» (1992) был переведён на многие иностранные языки, в том числе и на венгерский язык. Роман перевёл Габор Кернер в 2007 году. Роман «Московиада» написан на рассвете независимости Украины, в нём описывается одинь день украинского поэта Отто фон Ф. в столице разваливающейся «матушки империи». Роман можно считать своеобразной пародией позднетоталитарной империи и её символов. Стиль Юрия Андруховича весьма игрив и пропитан иронией, гротеском, сарказмом, бурлеском и карнавальными элементами. В романе сплетаются советские, русские и украинские культурные елементы. Все это усложняет работу переводчика.

Многие имена персонажей в романе «Московиада» имеют символическое значение. Одним из таких персонажей является юный, талантливый, но неудачливый юноша-поэт Слава. Он приезжает из маленького городка в Москву с великими надеждами, но очень быстро деградирует и ведёт ничтожный образ жизни. В образе Славы таится множество похожих судеб, в даном случае имя, как и имена многих других жильцов литературного общежития, исполняет функцию «безымянности»[10]. Оно довольно типично и обыденно, поэтому его можно воспринимать как обобщенную характеристику. Взлет и падение Славы можно разделить на 5 стадий:

[9] Волкодав. 2006.
[10] См. Faryno. 1991, с. 142.

- «Сімнадцятилітній **ліричний юнак**, назвімо його **Слава**, **вкладає римовані строфи** (…)»[11] – То есть Слава мечтает об учёбе в Москве.
- Потім «(…) довідується, що **успішно пройшов творчий конкурс**»[12]. Потом с большими надеждами едет в столицу Советского Союза.
- «Але на цьому й **закінчується вся поезія. Далі - навіть не проза. Вірші пішли геть (…)**»[13].
- Через некоторое время «**Слава** вже нагадує **розтоптаного долею педераста** з **болючим** тілом і **вичерпаною душею**. Іноді він **викрадає шмат м'яса** з чужого баняка на спільній кухні. Від нього струмує **стійкий запах сечі і найдешевшого тютюну**»[14].
- И в конце концов «Настає день, коли він **готовий різати собі вени**»[15].

Славе остаётся одно – самоубийство.

Слава – это краткая форма имён Вячеслав, Святослав, Славомир, Мирослав, Ярослав и т.д. Однако в славянских языках основное значение лексемы «слава» - это «почётная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта»[16].

В даном случае имя «Слава» имеет сюжетообразующую и образотворческую функции. Его можно отнести к категории «авторского вмешательства», поскольку этот микросюжет романа построен на контрасте лексического значения имени «Слава», нарицательного имени и бесславной судьбы молодого поэта[17].

Имя «Слава» можно рассматривать как важный атрибут советской действительности. Довольно вспомнить столь часто используемые лозунги, как: «Слава СССР!», «Вечная слава героям!», «Слава коммунистической партии», «Слава народу!» и т.д.

В гимне СССР также воспевается слава Родины:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

[11] Андрухович. 2006, с. 18.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же, с. 19.
[15] Там же.
[16] Доступно в Интернете: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-32251.htm.
[17] См. Faryno. 1991, с. 129.

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина - сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет.

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И красному знамени **славой** отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!»

Приняв во внимание все эти факторы, нетрудно заметить, что имя «Слава» в романе «Московиада» имеет символичное значение с множеством конотаций и культурных аллюзий. При переводе этого имени переводчик столкнётся с множеством трудностей. В переводе на венгерский язык Габор Кернер использовал метод транслитерации «Сімнадцятилітній ліричний юнак, назвімо його Слава, вкладає римовані строфи (…)»[18] – «A tizenhét éves ifjú lírikus, nevezzük Szlavának, rímes verseket farag (…)»[19]. К сожалению, множество конотаций и культурное обыгрывание этого имени в переводе утрачивается. Контраст, закодированный в имени героя, между светлым, многообещающим стартом юноши, его тёмным настоящим и неизвесным, но ничего хорошего не обещающим будущим в венгерском переводе проявляется только на уровне сюжета. Закодированную в ониме бесславную судьбу Славы, понятную украинскому читателю уже при первом упоминании имени героя венгерский читатель сможет расшифровать только с потерей скрытых в имени коннотаций и аллюзий.

Подводя итог, можно сделать вывод, что перевод имён художественного произведения это кропотливая и тонкая работа. Соответствующий выбор имени на целевом языке сделает перевод более полным. Абсолютная цель переводчика – это достижение того, чтобы имена на языке перевода «рассказывали» о том же самом, о чем и на языке оригинала.

[18] Андрухович. 2006, с. 18.
[19] Andruhovics. 2007, c. 31.

Использованная литература:

ВИНОГРАДОВ В. 2001. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)* Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. Доступно в Интернете: http://www.helpforlinguist.narod.ru/VinogradovVS/VinogradovVS.pdf

ВОЛКОДАВ Т. 2006. *Вымышленные имена собственные в контексте фэнтезийного произведения* // Relga. № 6 (128).

ЖУКОВСКИЙ, В. 1960. *Письмо В. А. Жуковского Ю. Ф. Барановой.* In: *Жуковский, В. А. Собрание сочинений в четырех томах. Том четвертый. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма.* Москва, 1960.

FARYNO J. 1991. *Введение в литературоведение.* Варшава, 1991.

АНДРУХОВИЧ Ю. 2006. *Московіада*. Івано-Франківськ, 2006.

Етимологічний слоник української мови в семи томах. 1982. Том перший. Київ, 1982.

МУШКЕТИК Л. 2006. *Переклад з угорської на українську мову: теоретичні узагальнення і практичний досвід.* Київ-Ніжин, 2006.

ШЕВЧЕНКО Т. 2009. *Кобзар*. Харків, 2009.

Українські народні думи та історичні пісні. 1990. Київ, 1990.

http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-32251.htm

ANDRUHOVICS J. 2007. *Moszkoviáda*. Budapest, 2007.

LITERÁRNOVEDNÁ SEKCIA

PODOBY JARI V POÉZII A. A. FETA[1]

Mgr. Andrea Haburová

Univerzita Komenského v Bratislave

haburova2@st.fphil.uniba.sk

РЕЗЮМЕ:

Целью статьи является на основе анализа нескольких фетовских стихотворений показать разнообразие изображения весны как неотъемлемой части образной системы в поэзии А. А. Фета, представителя т. наз. чистой поэзии, акцентировавшего эстетические ценности как красота, любовь, добро итд. Кроме того мы попробуем доказать, что Фет в стихах, посвященных весне, обращает внимание прежде всего на вечные темы (например вопрос жизни и смерти всегда решается в пользу жизни), а также подчеркнуть элемент, присущий творчеству Фета – музыкальность его стихов.

„Toľko pčela uznajet v cvetke zatajennuju sladosť, // Toľko chudožnik na vsiom čujet prekrasnogo sled“ (z básne *Skučno mne večno boltať o tom, čto vysoko, prekrasno*...; 1842) – toto dvojveršie vystihuje dominantnú črtu poézie ruského postromantického básnika A. A. Feta. Ako jeden z popredných predstaviteľov tzv. čistej poézie vyzdvihuje estetické hodnoty ako krása, láska a dobro. Krása vo fetovských veršoch je však vždy prekonaným utrpením, je radosťou, vyťaženou z bolesti, „...vsegda pitajetsia živoj krovju žizni.“[2] Toto tvrdenie je reflektované aj vo veršoch s jarnou tematikou. Cieľom príspevku je prostredníctvom interpretácie niektorých básní o jari poukázať na rôznorodosť obrazov tohto ročného obdobia ako ťažiskového piliera systému obraznosti Fetovej lyriky.

V prvej polovici štyridsiatych rokov vychádza Fetova báseň o jari ***Ja prišol k tebe s privetom...*** (1843), na margo ktorej A. J. Tarchov vyslovuje: „V etich šestnadcati strokach studenta Feta možno bylo ravno videť i *liričeskij avtoportret,* i poetičeskuju deklaraciju novogo poeta“.[3] S týmto tvrdením nemožno nesúhlasiť, pretože tieto verše možno ponímať ako ukážku, reprezentujúcu celú fetovskú tvorbu, vrátane básní s jarnou tematikou.

[1] Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA č. V-11-090-00.

[2] VINOKUROV, J. 1965. *Lirika Afanasija Feta*. In: A. A. Fet. Lirika. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1965. S. 7.

[3] TARCHOV, A. J. 1989. *Poet „Afanasij Pľuščichinskij“*. In: Byl čudnyj majskij deň v Moskve... Stichi. Poemy. Stranicy prozy i vospominanij. Pisma. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 6.

Už úvodný verš naznačuje, že sa lyrický subjekt niekomu prihovára, aby mu prezradil, že sa celá príroda zobúdza zo zimného spánku:

„Ja prišol k tebe s privetom,
Rasskazať, čto solnce vstalo,
Čto ono goriačim svetom
Po listam zatrepetalo...“[4]

Kombináciou výrazových prostriedkov (personifikácie, metafor, epitet) sa vytvára zrakovo-sluchový dojem básne. Použitím lexikálnych jednotiek „solnce“, „svet“ sa navodzuje atmosféra slnečného, svetlého, v abstraktnom zmysle oslobodzujúceho, čo korešponduje s nastupujúcou jarou; sloveso „rasskazať“ a metafora, evokujúca šepot lístia „(solnce) po listam zatrepetalo“, pôsobia na sluchové vnímanie čitateľa.

V ďalšej strofe sa akoby stupňuje atmosféra jarného ožívania prírody, čím sa vytvára akési napätie v básni. „Napriaženie“ – vot slovo, kotorym opredeľajetsia glavnoje svojstvo fetovskich stichov“[5], konštatuje J. Vinokurov. Situácia v básni sa zdôrazňuje zovšeobecňujúcimi zámenami „ves“ a (epanastrofou) „každoj – každoj“:

„Rasskazať, čto les prosnulsia,
Ves prosnulsia, vetkoj každoj,
Každoj pticej vstrepenulsia
I vesennej polon žaždoj...“[6]

Les v básni so všetkými jeho zložkami, ktorý prežíva s príchodom jari akési znovuzrodenie, možno analogicky chápať ako dušu básnika, prežívajúcu zaľúbenie, túžiacu po láske. „Goriačij svet“ ľúbostného citu v prvej strofe básne je umocnený vášňou, náruživosťou vo veršoch:

„Rasskazať, čto s toj že strastiu,
Kak včera, prišol ja snova,
Čto duša vsio tak že sčastiu
I tebe služiť gotova...“[7]

[4] FET, A. A. 1959. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. staťja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. Leningrad: Sovetskij pisateľ, 1959. S. 254.
[5] VINOKUROV, J. *Lirika Afanasija Feta.* S. 8.
[6] FET, A. A. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. staťja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. S. 254.

Skutočnosť, že hľadanie krásy a lásky je Fetovým krédom, možno demonštrovať aj na želaní básnika stať sa „otrokom“ lásky a s ňou spojeného šťastia. Výpoveď „Rasskazať, čto otovsiudu, // Na meňa veseliem vejet...“[8], v ktorej sa objavuje (ďalšie) zovšeobecňujúce zámeno „otovsiudu“, možno ozrejmiť ako túžbu podeliť sa o svoje šťastie s celým svetom, snahu vo viere lásky splynúť s nekonečným vesmírom. V tejto súvislosti možno hovoriť aj o paralele lásky a radosti z prichádzajúcej jari, ktorá svojou plastickosťou a konkrétnosťou obrazov (celý les sa zobudil, každá halúzka sa hýbe, každý vták poletuje atď.) symbolizuje pohyb, aktivitu, činorodosť, príznačnú pre mladosť. Z tohto aspektu možno vnímať jar ako synonymum mladosti.

V záverečnom dvojverší básne rezonujú slová „pesňa“ a „peť“, čo korešponduje s melodickosťou[9] básne, ako aj s charakterom Fetovej poézie vôbec: „...čto не знаю сам, что буду, // Петь, — но только песня зреет.“[10] Básnik konštatuje, že pieseň ešte len dozrieva, čo možno paralelne vnímať ako dozrievanie lásky v jeho srdci. Toto dvojveršie možno interpretovať aj tak, že sa básnik štylizuje do roly speváka, ponúkajúceho svetu prostredníctvom svojho hudobného materiálu (melodických veršov) ľúbostné vyznanie, v ktorom sa snúbi krása prírody prichádzajúcej jari s krásou pocitu zaľúbenia.

Z hľadiska využitia slovies vo fetovských veršoch možno konštatovať, že básnik sa vyhýba dynamickým slovesám, najčastejšie používa statické slovesá alebo žiadne. Vo viacerých básňach s jarnou tematikou je badateľná absencia slovies, čo sa kompenzuje pestrou škálou menných výrazov. Potvrdzuje to napríklad neslovesná báseň ***Eto utro, radosť eta...*** (1881?). Na prvý pohľad by sa mohlo zdať, že ide o akési vymenúvanie prevažne substantív, adjektív v kombinácii s ukazovacími zámenami „etot, eta, eto, eti“. Podľa V. S. Bajevského však Fet využíval metódu, ktorú možno porovnať s pointilizmom francúzskeho maliara Paula Signaca. Ten akoby „hádzal“ na plátno množstvo pestrofarebných bodiek, ktoré zblízka vyvolávajú dojem chaosu, no z väčšej vzdialenosti sa vytvára usporiadaný obraz.[11]

V úvodnej strofe básne sa opisuje jarné ráno, keď sa príroda zobúdza po dlhom spánku, preberá moc nad krajinou:

---

[7] Tamže, s. 254.
[8] Tamže, s. 254.
[9] Báseň bola zhudobnená takými skladateľmi, ako A. S. Arenskij, M. A. Balakirev, N .A. Rimskij-Korsakov.
[10] Tamže, s. 254.
[11] BAJEVSKIJ, V. S. 1994. *Istorija russkoj poeziji 1730-1980*. Smolensk: Rusič, 1994. S. 168. ISBN 5-88590-031-0

„Eto utro, radosť eta,
Eta mošč i dňa i sveta,
Etot sinij svod,
Etot krik i verenicy,
Eti staji, eti pticy,
Etot govor vod...“[12]

V prírode vládne radosť, všetko je v pohybe, všade počuť hluk, šum (autor zdôrazňuje zvukovú stránku veršov) signalizujúci život. Zrakový dojem básne tvorí obraz dňa, prinášajúci farebnosť – modrú oblohu a svetlo, ktoré osvecuje každý prvok opisovaného momentu a dodáva mu náležitú farbu. Okrem zmyslovej (najčastejšie sluchovo-zrakovej) nasýtenosti detailov je pre verše Feta typická konkrétnosť. Tú možno pozorovať v druhej strofe, kde sú uvedené konkrétne názvy hmyzu – mušky a včely, či konkrétne názvy stromov – vŕby a brezy:

„Eti ivy i beriozy,
Eti kapli — eti sľozy,
Etot puch — ne list,
Eti gory, eti doly,
Eti moški, eti pčoly,
Etot zyk i svist...“[13]

V ďalších veršoch sú využité kvapky ako analógia prírodného sveta a slzy ako paralela ľudského sveta, pričom svet prírody a človek ako jeho súčasť tvoria vo Fetových veršoch harmóniu.

Fet kladie dôraz na emocionálny dojem z básne, ktorý umocňuje aj častým využívaním kontrastu (napríklad verš „Eti gory, eti doly“ možno ponímať ako kontrast vysokého a nízkeho). Ten v tejto básni zároveň – na prvý pohľad možno paradoxne – nesie aj zovšeobecňujúci význam. Kontrast s takouto funkciou je prítomný aj v nasledujúcich veršoch:

[12] FET, A. A. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. stať ja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. S. 493.
[13] Tamže, s. 493.

„Eti zory bez zatmenia,
Etot vzdoch nočnoj selenia,
Eta noč bez sna,
Eta mgla i žar posteli,
Eta drob i eti treli,
Eto vsio — vesna.“[14]

Prítomnosť jarných denných i nočných zvukov, farebnosť, zmyslová sýtosť detailov, konkrétnosť zachycovania podôb jarnej prírody, voľná asociatívnosť a rozplývavosť veršov svedčia o tom, že Fet inklinuje k impresionistickému prístupu ku skutočnosti.[15] V. I. Korovin odhaľuje kľúčový prvok fetovskej poézie. Tvrdí, že Fet pri zobrazovaní skutočnosti postupuje tak, akoby zachytával na svojom plátne veršov obraz jari v jednom okamihu, ktorý akoby prebiehal práve v tejto chvíli pred našimi očami a prostredníctvom tohto obrazu sa snažil zreprodukovať a zvečniť celý materiálny aj emocionálny svet.[16]

Ďalší obraz jari podáva Fet prostredníctvom básne ***Ja ždal. Nevestoju-caricej...*** (1860), v ktorej (ako už z názvu vyplýva) sa autor prihovára zosobnenej jari a nazýva ju cárovnou:

„...Opiať na zemľu ty sošla.
I utro bleščet bagrianicej,
I vsio ty vozdaješ storicej,
Čto oseň skudnaja vziala.“[17]

Príslovkou „opiať“ básnik poukazuje na večný kolobeh (ročných) období v živote prírody a, analogicky, aj zmien v živote človeka. Verš „Na zemľu ty sošla“ možno interpretovať ako vertikálny pohyb zhora smerom dolu, t. j. ako „zostúpenie“ jari na „nižší“ svet, zem. Tento dojem ešte umocňuje spojenie s ranným nachovým úsvitom, ktorý zaháňa noc a tmu.

Fet stavia do kontrastu jar a jeseň, pričom je zástancom jari. Ak jar prináša prírode pučanie kvetov, zvuky, vône, radosť, tak v jeseni, naopak, kvety vädnú, vône sa strácajú. V súvislosti s tým možno analogicky hovoriť o jari v živote človeka, ktorá mu prináša mladý,

[14] Tamže, s. 493.
[15] PAROLEK, R. – HONZÍK, J. 1977. *Hlavní proudy a boje v ruské poezii (A. Tolstoj, Fet, Ťutčev aj.).* In: Ruská klasická literatura: 1789-1917. Praha: Svoboda, 1977. S. 256.
[16] KOROVIN, V. I. 1983. *Russkaja poezija XIX v.* Moskva: Znanije, 1983. S. 89.
[17] FET, A. A. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. staťja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. S. 143.

aktívny vek, možnosť snívať a uskutočniť si svoje sny, a o jeseni ako o čase vädnutia, retrospektívneho pohľadu do sveta spomienok. U Feta však víťazí jar ako symbol životodarnej sily:

„Ty proneslas, ty pobedila,
O tajnach šepčet božestvo,
Cveťot nedavňaja mogila,
I bessoznateľnaja sila
Svojo likujet toržestvo.“[18]

Aj napriek tomu, že sa v básni spomína „mogila“ ako symbol smrti, básnik ju prekonáva kvitnúcou jarou ako symbolom vládnuceho života nad smrťou.

Jar ako premožiteľka smrti figuruje vo viacerých básňach s jarnou tematikou, ako napríklad v básni ***V alʼbom. V pervyj deň Paschi*** (1857):

„Pobeda! Bezoružna zloba
Vesna! Christos vstajot iz groba,
Čelo ogňom ozareno.
Vsio, čto manilo, obmanulo
I v serdce stichnuvšem usnulo,
Lobzaniem vnov probuždeno.“[19]

Na rozdiel od predchádzajúcej básne, v tejto sa vyskytujú náboženské termíny, symboly a odkazy. Jar pre kresťanov (vrátane ruských pravoslávnych veriacich) predstavuje spojitosť s najväčším cirkevným sviatkom – Veľkou nocou, kedy podľa pravoslávnej cirkvi zo soboty (tzv. Velikoj subboty) na nedeľu (tzv. Svetloje Voskresenie) dochádza k vzkrieseniu Ježiša Krista (v básni „Christos vstajot iz groba“). S náboženskými obradmi Veľkej soboty je spojený aj tzv. blagodatnyj ogoň („Čelo ogňom ozareno“), po zjavení ktorého zavládne v celom chráme radosť a nadšenie[20]. Vzkriesenie ako náboženský symbol

[18] Tamže, s. 144.
[19] FET, A. A. 1989. *„Byl čudnyj majskij deň v Moskve...“ Stichi. Poemy. Stranicy prozy i vospominanij. Pisma.* Vstup. staťja A. J. Tarchova. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 282.
[20] Prvá zmienka o prijatí tzv. blagodatnogo ogňa sa zachovala vo 4. storočí, kedy bol založený chrám Vzkriesenia. Je veľa svedectiev, ako sa objavuje tzv. blagodatnyj ogoň. Jeden z výkladov hovorí, že oheň vychádza priamo z hrobu Pána, posväteného najčistejším telom Spasiteľa. Oheň, ktorý sa zjaví na Veľkú sobotu na Pánovom Hrobe, je v chráme prítomný po celý rok a hasí sa až podvečer nasledujúcej Veľkej soboty. Spája sa výlučne s pravoslávnou cirkvou.
IONINA, N. A. 2005. *Blagodatnyj ogoň na Paschu.* In: Pravoslavnyje sviatyni. Moskva: OLMA-PRESS Obrazovanije, 2005. S. 219-222. ISBN 5-94849-742-9.

viery možno ponímať aj ako znovuzrodenie lásky („I v serdce stichnuvšem usnulo, //Lobzaniem vnov probuždeno.“), prinášajúcej radosť a šťastie. Na tomto mieste je potrebné podčiarknuť Fetovo majstrovstvo prostredníctvom náboženských obradov a symbolov najvýznamnejších sviatkov pravoslávnych veriacich vyzdvihnúť na piedestál cit lásky ako niečo sväté, vysoké, večné.

V súvislosti s pravoslávím, ktoré je neoddeliteľnou súčasťou myslenia a kultúry ruského národa, sa opäť potvrdzuje Fetova „bytostná zakotvenosť v *domove*“, v rodnom Rusku[21].

„Zabyv zimy duševnyj cholod,
Choťa na mig goriač i molod,
Navstreču serdcem k vam leču.
Počuja negi dunovenie,
Ni v smerť, ni v grustnoje zabvenie
Segodňa veriť ne choču.“[22]

Básnik túži aspoň na okamih zastaviť čas a ocitnúť sa znovu „v koži“ človeka, ktorému v žilách koluje „horúca“, mladá krv. „Dnes“ nechce myslieť na smútok, spomienky, smrť, ale verí v život naplnený láskou.

Otázka života a smrti rezonuje aj v básni ***Byl čudnyj majskij deň v Moskve...*** (1857), ktorej úvodné verše znejú:

„Byl čudnyj majskij deň v Moskve;
Kresty cerkvej sverkali...

...Ja pod oknom sidel, vľubľon,
Dušoj i jun i bolen.
Kak pčely, zvuki vdaleke
Žužžali s kolokolen.“[23]

Básnik sprítomňuje atmosféru nádherného májového dňa, do ktorej vnáša náboženské prvky ako jagot krížov na kupolách kostolov, zvonica, navodzujúce slávnostnú atmosféru ako

[21] KOVAČIČOVÁ, O. et al. 2007. *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia.* Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007. S. 153. ISBN 978-80-224-0967-4.
[22] FET, A. A. *„Byl čudnyj majskij deň v Moskve...“ Stichi. Poemy. Stranicy prozy i vospominanij. Pisma.* Vstup. staťja A. J. Tarchova. S. 282.
[23] FET, A. A. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. staťja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. S. 277.

predzvesť niečoho vysokého. Poznamenáva, ako ho v jednom okamihu mladého a pravdepodobne nešťastne zaľúbeného „vyrušilo“ slávnostné vyzváňanie zvonov, ktoré mu pripomínalo bzučanie včiel. A. J. Tarchov v súvislosti s touto básňou predpokladá, že bola napísaná v máji 1839, kedy prebiehal najdôležitejší sviatok obdobia po Veľkej noci, a to tzv. Trojickije dni. Tie sa spájali so starým slovanským kultom spomínania a uctievania si pamiatky zosnulých, ale aj s oslavami kvitnúcej jarnej prírody.[24] Práve tento pôvodom pohanský sviatok sa stal východiskom pre kontrastné spojenie „sakrálnej hudby“ (vyzváňania) so „sekulárnym“ bzučaním včiel v kontexte básne. Ak vychádzame zo starej mytológie, kde bola včela považovaná nielen za hlásateľa jari pozemského sveta, ale aj za posla z druhého sveta, dušu zosnulého človeka (disponujúcu nesmrteľnosťou)[25], potom sa opäť potvrdzuje vyššie spomenuté, že vo Fetových veršoch je explicitne vyjadrená láska a túžba po živote.

Sakrálnu atmosféru okamihu básnik umocňuje prirovnaním zvukov k organu – liturgickému nástroju:

„Vdrug zvuki strojno, kak organ,
Zapeli v otdaleňji;
Nevoľno drognula duša
Pri etom strojnom peňji.“[26]

Básnikova duša sa zachvela, keď začul harmonický „spev“ zvonov znejúci majestátne ako chrámová organová hudba. Symbolizoval predzvesť smútku.

„I šol i ros pojuščij chor,
I nepoňatnoj siloj
V duše slivalsia lik nebes
S bezmolvnoju mogiloj.

I šol i ros pojuščij chor, –
I čornoju griadoju
Ťanulsia nabožno narod
S otkrytoj golovoju.“[27]

[24] KARATOV, S. F. 2006. *Gadanija. Zagovory. Primety*. Moskva: OLMA-PRESS Obrazovanije, 2006. S. 179. ISBN 5-94849-867-0.
[25] TARCHOV, A. J. *Poet „Afanasij Pľuščichinskij“*. S. 6.
[26] FET, A. A. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. staťja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. S. 277.

Objavenie sa spievajúceho pohrebného sprievodu, mĺkveho hrobu a čiernej farby tvoria symboliku smrti. Slávnostný tón úvodných veršov, kontrast medzi nádherným májovým dňom, prežiareným jasom, ligotom a zvukmi života na jednej strane a smútkom, nemou rakvou a „čiernym“ pohrebným sprievodom na strane druhej môže byť interpretovaný ako večný kolobeh zrodu a zániku, začiatku a konca v bytí človeka, prírody i kozmu. Pri zmienke o rakve Fet používa deminutívum a ružovú farbu, nazýva ju „grobik rozovyj“, čím ešte zintenzívňuje kontrast medzi nádherou prebúdzajúceho sa jarného, „mladého“ života a predčasnou smrťou pochovávaného dieťaťa. Zároveň však beznádej prekonáva opäť akoby kresťansko-pohanským motívom nesmrteľnosti a splynutia mladej, detskej duše s krásou jarného sveta:

„Struilsia ťoplyj veterok,
Pokrovy kolychaja,
I mne kazalos, čto duša
Carila molodaja.“[28]

Kontrast života a smrti sa rieši na materiáli poslednej strofy: „...vesennij šum, // Molitvy strojnoj zvuki...“[29] verzus „Vsio tichim vejalo krylom, // Nad grustiju razluki...“[30] (hluk, šum kontra ticho). Žiaľ matky, jej vzlykanie nad hrobom dieťaťa kontrastuje s výpoveďou básnika „No mne kazalos, čto legko // I samoje stradanije.“[31] Aj napriek smútočnej atmosfére poslednej rozlúčky, záver básne vyznieva „odľahčene“, čo možno zdôvodniť básnikovým sympatizovaním so životom, možno radosťou z prichádzajúcej jari ako symbolu večnej mladosti a živosti.

Záver:

R. F. Gustafson nazýva poéziu Feta poéziou sadu, záhrady (The Poetry of Garden)[32], k čomu sa možno priklониť aj v súvislosti s veršami o jari. Za cieľ nášho príspevku sme si stanovili na základe interpretovaných básní s jarnou tematikou vymedziť rôznorodosť podôb jari v systéme obraznosti poézie A. A. Feta. Na základe analyzovaných básní možno

[27] Tamže, s. 277.
[28] Tamže, s. 277.
[29] Tamže, s. 277.
[30] Tamže, s. 277.
[31] Tamže, s. 278.
[32] GUSTAFSON, R. F. 1966. *Three. The Nightingale and the Rose: Poetry of the Garden*. In: The Imagination of Spring. The Poetry of Afanasy Fet. New Haven: Yale University Press, 1966. S. 84.

konštatovať, že pri opise zobúdzajúcej sa jarnej prírody básnik kladie dôraz na konkrétnosť a plastickosť obrazov, zmyslovú nasýtenosť detailov, farebnosť opisovaného sveta, melodickosť veršov, čo Feta zaraďuje k predstaviteľom impresionizmu v poézii. Ako prívrženec tzv. čistej poézie sa sústreďuje na tematizáciu krásy a lásky aj vo veršoch o jari, ktorú stvárňuje v často personifikovanej podobe mladej dievčiny, symbolizujúcej večnú mladosť. Pre väčšinu fetovských básní s jarnou tematikou je okrem inverzného slovosledu (napríklad v prípadoch „vetkoj každoj", „vesennej polon žaždoj", „I tebe služiť gotova") charakteristický aj prívlastok „neslovesné", pretože básnik inklinuje k metóde pripomínajúcej francúzsky pointilizmus. Navonok rozptýlené farby, zvuky, obrazy zachytávajú okamih zvečňujúci detailne to, čo sa odohráva práve teraz. Fet tak aspoň na okamih túži splynúť s nekonečným vesmírom, podeliť sa s ním o chvíle radosti aj utrpenia. Usiluje sa dosiahnuť súlad procesov v prírode a pocitov človeka a v súvislosti s tým aj súzvučnosť svojich veršov, pretože, ako tvrdil, „poezija i muzyka ne toľko rodstvenny, no nerazdeľny."

„Jarné" Fetove verše disponujú duchovnosťou, čo sa odrazilo aj na lexike náboženského charakteru. Zaujímavým zistením je fakt, že sa sakrálnosť cirkevných sviatkov prelína so symbolikou starej mytológie. Práve prostredníctvom týchto motívov sa autor snaží riešiť tzv. večné otázky. Azda najfrekventovanejšou z nich je otázka života a smrti, vzniku a zániku, ktorá vyznieva vždy v prospech života, vzniku. Ako analógiu večných zmien, procesov obnovovania života v prírode spätých s prichádzajúcou jarou možno chápať večné zmeny, vnútorné napätie lyrického subjektu spojené so zrodom lásky. Stotožňujeme sa s názorom V. I. Korovina, že fetovská lyrika inklinujúc k celistvej reprodukcii bytia „so vsem jego raznocvetiem i mnogozvučiem pobuždajet poeta slivať živopisnyje, plastičeskije i muzykaľnyje obrazy".[33] Korovin však pritom opodstatnene zdôrazňuje, že Fet nenapodobňuje zvuky či melódie, ale hudobnú „podstatu" sveta, jeho hudobné „bytie".[34] Fet sa s neobyčajným majstrovstvom zhosťuje nielen roly speváka, ale aj maliara, ktorý na plátne svojich veršov zachytáva nezachytiteľné, pričom nevyčerpateľný zdroj krásy nachádza práve v prírode chápanej v tom najširšom význame slova.

[33] KOROVIN, Viktor I. *Russkaja poezija XIX v.* S. 89.
[34] Tamže, s. 89.

Použitá literatúra:

BAJEVSKIJ, V. S. 1994. *Istorija russkoj poeziji 1730-1980*. Smolensk: Rusič, 1994. S. 164-171. ISBN 5-88590-031-0

FET, A. A. 1959. *Polnoje sobranije stichotvorenij*. Vstup. stať ja, podgotovka teksta i primečanija B. J. Buchštaba. Leningrad: Sovetskij pisateľ, 1959. 897 s.

FET, A. A. 1989. *„Byl čudnyj majskij deň v Moskve...“ Stichi. Poemy. Stranicy prozy i vospominanij. Pisma.* Vstup. stať ja A. J. Tarchova. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. 399 s.

IONINA, N. A. 2005. *Blagodatnyj ogoň na Paschu.* In: Pravoslavnyje sviatyni. Moskva: OLMA-PRESS Obrazovanije, 2005. S. 219-224. ISBN 5-94849-742-9.

KARATOV, S. F. 2006. *Gadanija. Zagovory. Primety*. Moskva: OLMA-PRESS Obrazovanije, 2006. 472 s. ISBN 5-94849-867-0.

KOROVIN, V. I. 1983. *Russkaja poezija XIX v.* Moskva: Znanije, 1983. 128 s.

TARCHOV, A. J. 1989. *Poet „Afanasij Pľuščichinskij“*. In: Byl čudnyj majskij deň v Moskve... Stichi. Poemy. Stranicy prozy i vospominanij. Pisma. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 3-14.

VINOKUROV, J. 1965. *Lirika Afanasija Feta*. In: A. A. Fet. Lirika. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1965. S. 5-15.

GUSTAFSON, R. F. 1966. *Three. The Nightingale and the Rose: Poetry of the Garden*. In: The Imagination of Spring. The Poetry of Afanasy Fet. New Haven: Yale University Press, 1966. 264 s.

PAROLEK, R. – HONZÍK, J. 1977. *Hlavní proudy a boje v ruské poezii (A. Tolstoj, Fet, Ťutčev aj.)*. In: Ruská klasická literatura: 1789-1917. Praha: Svoboda, 1977. S. 246-258.

KOVAČIČOVÁ, O. et al. 2007. *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia.* Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007. 581 s. ISBN 978-80-224-0967-4.

ВЛАДИМИР НАБОКОВ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ

Olga Yermakova, MA

Tallinnská univerzita

olga.ermakova86@gmail.com

ABSTRACT:

Present contribution is focused on the Vladimir Nabokov's attitude to the epistolary genre. The first part of the article discusses the writer's statements about the epistolary genre on the material of his fictional and non-fictional works. The second part of the article focuses on those Nabokov's texts that are written in the epistolary genre. The purpose of this article is to study the function of the epistolary genre in the works of Nabokov and to draw conclusions about the peculiarities of his rhetoric.

Помимо литературной деятельности Владимир Набоков известен как автор «Лекций по русской литературе» и «Лекций по зарубежной литературе», комментатор романа «Евгений Онегин» и автор множества эссе, посвящённых различным авторам и отдельным художественным произведениям. Особую же славу Набокову принесли его экспрессивные высказывания в адрес общепризнанных писателей и яростная критика романов, возведённых в статус литературных шедевров. Нередко Набоков рассуждал и об общепринятых формах повествования, в том числе – об эпистолярном жанре.

В одной из **лекций по зарубежной литературе**, разбирая роман Джейн Остен «Мэнсфилд-парк», Набоков сообщает: «Переезд Фанни в Портсмут нарушает единство действия в романе, который до сих пор, за исключением неизбежного и вполне естественного обмена письмами между Фанни и Мэри не был *омрачен* этим *пороком* английских и французских романов XVIII века — передачей сведений посредством переписки» <здесь и далее курсив мой. – *О.Е.*>[1]. Далее, пересказав ту часть романа, в которой «действие движется с помощью писем», Набоков заключает: «<р>оман начал расползаться по швам, все более *скатываясь* в свободный эпистолярный жанр. Это свидетельствует о некоторой усталости автора, таким образом обходящего композиционные трудности»[2]. И, наконец, писатель отмечает, что «<э>пистолярная

[1] НАБОКОВ, В. 2010. *Лекции по зарубежной литературе*. СПб: Азбука-классика. 2010. С. 92-93. ISBN 978-5-9985-0463-1

[2] Там же, с. 94.

форма, которую <Джейн Остен> использовала в портсмутской интерлюдии, сыграла свою композиционную роль, но при этом было ясно, что слишком много событий произошло за сценой и что переписка, спрямляя действие, особой художественной ценностью не обладает»[3]. Так, в лекциях по зарубежной литературе Набоков позиционирует эпистолярный жанр как примитивный композиционный приём и, в случае с Остен, стилистически бедный.

В **«Предисловии к „Герою нашего времени“»** Набоков замечает: «<эпистолярный> роман восемнадцатого века (в котором героиня писала своей наперснице, а герой – старому школьному приятелю плюс всевозможные вариации) уже набил такую оскомину во времена Лермонтова, что едва ли он мог избрать этот жанр»[4]. Итак, очевидно, что эпистолярный жанр олицетворяет для Набокова нечто надоевшее.

В **«Комментарии к „Евгению Онегину“»** Набоков предполагает по поводу романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»: «<э>пистолярный роман, столь модный в восемнадцатом столетии, получил для себя такой стимул к развитию, поскольку, видимо, увлекала довольно странная идея, сводящаяся (как сказано поэтом Колардо в «Любовном письме Элоизы Абеляру», ок. 1760) к тому, что «искусство писать, без сомнения, изобретено / Томившимся в плену иль сожигаемым страстью любовником»; у Поупа в «Послании Элоизы Абеляру» (1717, строки 51- 52) по этому же поводу сказано, что …смысл письма – иного не найду - / Унять тоску попавшего в беду / Любимого и разрешить от боли / Любимую, скорбящую в неволе <…> Вот отчего автору непременно надо было окружать главных героев конфидентами (правда, Лакло и Гёте сумели обойтись без писем, сочиняемых этими манекенами)»[5]. Таким образом, в «Комментарии к „Евгению Онегину“» – очередная равнодушно-негативная характеристика эпистолярного жанра.

В художественных произведениях писателя тоже встречается характеристика жанра переписки. Излюбленный Набоковым приём романа-матрёшки реализуется в **«Отчаянии»** в виде автобиографического романа, который пишет Герман. В романе он нередко обращается к аудитории, местами переводит повествование в форму дневника. Так, рассуждая о переписке с Феликсом, Герман сообщает, что если бы он не

[3] Там же, с. 99.
[4] НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Под знаком незаконнорожденных. Николай Гоголь*. СПб: Симпозиум. Т. 1. 2004. С. 529. ISBN 5- 89091-016-7
[5] НАБОКОВ, В. 1999. *Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина.* М.: Интелвак,1999. С. 336- 337. ISBN 5-93264-001-4

уничтожил письма Феликса, то «можно было бы перейти на эпистолярную форму повествования» – форму «почтенн<ую>, с традициями, с крупными достижениями в прошлом»[6]. Далее рассказчик излагает принципы построения эпистолярного романа: чередование писем, наличие даты и адресата, ввод третьего лица для разъяснения событий, а также фразы типа «Помнишь, как тогда-то и там-то... » – не для предполагаемого адресата, а «чтобы дать читателю нужную справку»[7]. Завершает эту формулу вывод о том, что «самое обыкновенное письмо от налогового инспектора» читать интереснее, чем подобный роман[8].

Такое отступление от стройного повествования Германа представляет собой, скорее, изложение авторских принципов. Обнажение приёма – авторские рассуждения о двойном адресате писем в эпистолярном романе – представляет особый интерес, поскольку названные приёмы сам Набоков использует в эпистолярных рассказах (о которых речь ниже). Поэтому итоговое признание Германа в том, что атака на эпистолярный роман была шуткой: «Вообще говоря, я всегда был наделен недюжинным юмором, – дар воображения связан с ним; горе тому воображению, которому юмор не сопутствует» – стоит расценивать как именно набоковское[9]. Объяснение с помощью шутки ещё не означает, что на самом деле Набоков считал иначе. Такая шутка сама по себе, в контексте авторской риторики, является очередным проявлением набоковской иронии по отношению к излюбленным, классическим, привычным приёмам повествования.

Схожее значение имеет и метафора из романа **«Дар»**: улица «шла с едва заметным наклоном, начинаясь почтамтом и кончаясь церковью, как эпистолярный роман»[10]. Этот пассаж является своего рода характеристикой, представляя эпистолярный роман как примитивный переход от письма к свадьбе или же смерти (как это часто происходит в классических произведениях, подвергаемых насмешкам Набокова).

Таким образом, для Набокова эпистолярный жанр – это всегда скучно, примитивно, банально и безынтересно. Тем не менее в собственном творчестве писатель неоднократно обращался к эпистолярному жанру.

---

[6] НАБОКОВ, В. 2006. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы*. СПб: Симпозиум. Т. 3. 2006. С. 431. ISBN 5-89091-051-5
[7] Там же, с. 432.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] НАБОКОВ, В. 2009. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы.* СПб: Симпозиум. Т. 4. 2009. С. 192. ISBN 978-5-89091-381-4

Как отметил Pekka Tammi[11], «<…> novelists have traditionally made use of diverse non-literary guises in which to couch the narrations of their fictive spokesmen: a personal letter <etc>. The device has been regularly applied in VN's fiction…»[12]. Нельзя сказать, что эпистолярная форма повествования широко распространена у Набокова, однако среди его рассказов есть четыре, написанных в форме письма.

Первый – **«Письмо в Россию».** Герой рассказа, русский эмигрант, переписывается с женщиной, которую покинул вместе с Россией. Весь рассказ представляет собой его очередное ответное письмо. В предыдущем письме герой обещал «не говорить о прошлом» и потому теперь пишет о настоящем[13]. В сущности, он описывает впечатления от эмигрантской жизни, в деталях воссоздает окружающую обстановку, улицу, дома, танцы в кабачках. В герое сильно творческое начало, и в каждом обыденном движении ему видится чудесное проявление жизни. Главная мотивировка письма – поделиться своим мироощущением: герой утверждает, что беззаботен и совершенно счастлив, его счастье – «вызов». Композиция и форма рассказа в данном случае не отвечают классическим канонам эпистолярного произведения: повествование обрывочно и не содержит характерного для письма мотива прощания с адресатом. Письмо в данном случае – лишь форма, адресат условен, что действительно волнует автора (и Набокова – тоже), – это впечатления от эмигрантской жизни. Обещание автора не писать о прошлом созвучно с обещанием лирического героя повести Шкловского «Zoo, или письма не о любви» не писать о любви[14]. Герой Шкловского, сдерживая обещание, тоже начинает описывать эмигрантский быт, и Набоков позднее снова обращается к этой теме, когда герой его рассказа «Путеводитель по Берлину» рассказывает о том, что видит из окна берлинского трамвая, о зоосаде, о том, что окружает его в пивной, и прочих деталях эмигрантской повседневности.

Рассказ **«Адмиралтейская игла»** по форме представляет собой письмо живущего в Берлине русского эмигранта к автору одноимённого романа, недавно им прочтённого. Роман опубликован под именем Сергея Солнцева, однако лирический

---

[11] Писатели-романисты традиционно принимают различные нелитературные облики для передачи повествования фиктивного нарратора: личное письмо и пр. Этот метод Владимир Набоков постоянно применяет в своих произведениях.

[12] TAMMI, P. 1985. *Problems of Nabokov's poetics. A narratological analysis.* Helsinki: «Suomalainentiedeakatemia». 1985. P. 49. ISBN 9514104986

[13] НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт*. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. С. 159.

[14] Впервые о связи этих текстов упоминает О. Ронен в статье «Пути Шкловского в „Путеводителе по Берлину“».

герой, он же автор письма, убеждён, что «имя автора – псевдоним, что автор – не мужчина»[15]. Начинается письмо с обращения «милостивая государыня» – нарочито вежливого, но вместе с тем задающего неприязненный тон. Примечательно, что приветствие отставлено автором на конец первого абзаца. Недовольство героя вызвано тем, что роман в точности воспроизводит историю его первой любви, приправленную, однако некоторыми дешёвыми подробностями, свойственными женскому роману. Большая часть письма посвящена якобы недочётам автора: неточностям в описании внешности героев, их досуга, окружения. Поначалу герой обращается к автору романа как к писательнице, откуда-то узнавшей их с Катей историю, однако в конце письма отбрасывает все условности и обращается к Кате напрямую: «не стоило так радоваться и мучиться, как мы с тобой радовались и мучились, чтобы своё оплёванное прошлое найти в дамском романе. Послушайся меня, – не пиши ты больше!»[16]. Однако, оставляя слабую надежду на то, что всё это – совпадение, автор не подписывает письма.

Характеризуя особенности «набоковской модели нарратива» в «Адмиралтейской игле», М. Дымарский замечает, что в рассказе «субъект и объект меняются местами: „читатель“ выступает в функции автора, а „автор“ – в роли адресата, читателя <…> Эта мена, составляющая важнейший элемент внешнего сюжета рассказа, превосходным образом коррелирует с внутренним сюжетом отношений героев»[17]. Если обратиться к модели коммуникации, предложенной Р. Якобсоном, становится ясно, что система адресантов и адресатов в рассказе довольно сложна. Так, в «Адмиралтейской игле» имеется три вида нарратива. Первый из них представлен в письме, образующем структуру рассказа (см. схему 1), второй вид нарратива – имплицитный (см. схему 2), третий представлен общей фабулой рассказа и интенцией Набокова как истинного автора всех форм повествования в рассказе (см. схему 3).

Подобная структура делает рассказ многомерным, ведь, в сущности, рассказ «Адмиралтейская игла» – это пародия на дамские романы, о чём свидетельствует и утверждение Б. Бойда, что «<в> процессе работы над „Адмиралтейской иглой“ Набоков прочёл „всё, что написали“ Вирджиния Вульф и Кэтрин Мэнсфилд, и почувствовал критический зуд»[18]. Данную точку зрения разделяет и М. Шраер,

---

[15] НАБОКОВ, В. 2006. Собрание *сочинений русского периода: в 5-ти тт. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы*. С. 620.
[16] Там же, с. 629.
[17] ДЫМАРСКИЙ, М. 2001. *Deus ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива*. In: Владимир Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: в 2-х тт. СПб: РХГИ. Т. 2. 2001. С. 247.
[18] БОЙД, Б. 2001. *Владимир Набоков. Русские годы*. М.: Симпозиум. 2001. С. 468. ISBN 5-89091-177-5

писавший, что «<п>омимо литературной мести, помимо целого ряда параллелей с теми главами из набоковских мемуаров, где речь идет о Тамаре, в рассказе также налицо череда авторских наблюдений, которые, при всей своей злоязычности, есть не что иное, как попытка разобраться в поэтике женской литературы[19].

Собственные сентенции Набоков вкладывает в уста героя, и они легко вычленяются в рассказе, к примеру, такое характерное для Набокова изречение: «достаточно одного прилагательного, поставленного, ради красоты, позади существительного, чтобы извести лучшее воспоминание»[20]. Кроме того, письмо позволяет Набокову использовать классический приём эпистолярного повествования (вариацию которого он сам деконструирует в романе «Отчаяние»): автор письма использует неточности в романе Солнцева, чтобы сообщить читателю подробности описываемой любовной истории. Так история обретает полифоничность.

Схема 1:

История любви автора письма и Кати
(контекст)
В описанной истории я узнал себя и догадался,
что автор романа – ты, Катя
(сообщение)

Автор письма _____ Госпожа Сергей Солнцев
(адресант) *(адресат)*

Письмо *(контакт)*
Обращение «милостивая государыня», затем –
«Катя», и в конце – «коллега Солнцев» *(код)*

Схема 2:

контекст неизвестен
Любовная история
(сообщение)

Госпожа Сергей Солнцев _____ Читатель романа
(адресант) «Адмиралтейская игла»,
в том числе – лирический
герой набоковского рассказа
(адресат)

Роман «Адмиралтейская игла»
(контакт)
Язык, присущий женским любовным романам
(код)

[19] ШРАЕР, М. 2000. *Почему Набоков не любил писательниц?* [цит. 15. 06. 2012] Доступно в Интернете: < http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/11/shraer.html>.
[20] НАБОКОВ, В. 2006. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы.* С. 623.

Схема 3:

Ознакомление с творчеством Вирджинии Вульф и Кэтрин Мэнсфилд *(контекст)*

Женские любовные романы наивны и фальшивы, их фабулы примитивны, а язык беден *(сообщение 1)*

История о том, как, прочтя один из новейших романов, мужчина узнаёт в сюжете собственную любовную историю и пишет автору романа изобличающее письмо, указывая на фактические неточности, и стилистические огрехи *(сообщение 2)*

Владимир Набоков *(адресант)* — Читатели рассказа *(адресат)*

Рассказ *(контакт)*

Риторические обороты, свойственные Набокову *(код)*

Ещё один эпистолярный рассказ Набокова – **«Как-то раз в Алеппо»**. Герой отправляет письмо приятелю с просьбой написать рассказ на предложенный им сюжет. Сюжет этот – реальная история его женитьбы и загадочного исчезновения супруги, поэтому он пишет: «Я обращаюсь к Вам, как та плаксивая дама у Чехова, снедаемая желанием быть описанной»[21]. Далее он рассказывает непростую историю своей семейной жизни и заканчивает эмоциональным возгласом: «Чёрт бы побрал ваше искусство, я отвратительно несчастен»[22]. Так основная фабула рассказа разворачивается во вставной истории, рассказанной в письме, которое служит лишь обрамлением.

Рассказ **«Ultima Thule»** написан в форме письма художника Синеусова к умершей жене. В письме Синеусов излагает эмоции по поводу кончины супруги, предаётся воспоминаниям, а также рассказывает жене о встрече с Фальтером – своим прежним учителем, который «случайно разгада<л> «загадку мира»»[23]. Письмо изобилует обращениями к адресату: «моя милая», «ангел мой» и риторическими фигурами типа «Помнишь, как <…>», «Как теперь ты вспомнила, <…>». Так, подобно другим эпистолярным рассказам, в «Ultima Thule» письмо является формой нарратива.

[21] НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт. Пнин. Рассказы. Бледное пламя*. СПб: Симпозиум. Т. 3. 2004. С. 206. ISBN 5-89091-023-X.
[22] Там же, с. 217.
[23] НАБОКОВ, В. 2008. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Волшебник. Solus Rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. Драматические произведения.* СПб: Симпозиум. Т. 5. 2008. С. 124. ISBN 978-5-89091-328-1

Pekka Tammi в своей работе «Problems of Nabokov's poetics» сообщает, что, в рассказе[24] «<…> an overtly parodic stance is adopted towards the whole epistolary tradition. Addressing his deceased spouse, Sineusov finds himself compelled to invent „some totally new handbook of epistolary samples […] To a deceased: Respecterfully yours“»[25]. Мне же этот пассаж не кажется пародийным. Скорее, через абсурдную идею подобного письмовника Синеусов подчёркивает необычность данного письма, его метафизику. Синеусов неоднократно упоминает о своей надежде на то, что супруга тем или иным способом выйдет с ним на контакт, он верит в потусторонность и потому так настаивает на том, чтобы Фальтер открыл ему свою тайну. Тема письма к покойной супруге повторяется Набоковым в романе **«Под знаком незаконнорожденных»**, где Круг сообщает: «мы хотим писать тебе письма, пусть даже ты и не можешь ответить. Попустим ли мы, чтобы медленные валкие каракули <…> торили свой совестливый и бессмысленный путь по просторам почтовой открытки, которой не суждено увидеть почты?»[26] и где девятая глава представляет собой «<ф>рагменты письма, отправленного мертвой женщине в царство небесное ее нетрезвым мужем»[27].

Письмо в загробный мир, попытка Синеусова с его помощью преодолеть границу земной жизни, роднит «Ultima Thule» с рассказом **«Сёстры Вейн»**, где взаимодействие между миром живых и миром мёртвых поддерживается с помощью спиритических сеансов, снов, а также различных знаков, оставляемых покойными Сивиллой и Цинтией. Если в случае с Синеусовым письмо предназначено мёртвой жене, то Цинтия Вейн, напротив, имитирует своего рода письмо из загробного мира, отправляя «по адресу конторы Д. через умышленно нерегулярные интервалы всякую дребедень, как-то: фотографические снимки могилы сестры при слабом освещении; обрезки собственных ее волос, неотличимых от Сивиллиных; подробную карту Новой Англии, на которой крестиком было помечено место между двумя непорочными городишками, где двадцать третьего октября, средь бела дня, Д. и Сивилла остановились в придорожной гостинице нестрогих правил, в розово-

[24] Проявилась откровенно пародийная позиция по отношению ко всей эпистолярной традиции. Обращаясь к своей покойной супруге Синеусов вынужден сочинить «новейший письмовник. К умершему: почтительно Ваш») [ср. в русском варианте рассказа: «К безрукому: крепко жму вашу (многоточие). К покойнику: призрачно ваш» (Набоков 2008, 5: 113).

[25] TAMMI, P. 1985. *Problems of Nabokov's poetics. A narratological analysis*. Helsinki: «Suomalainentiedeakatemia». 1985. P. 267. ISBN 9514104986

[26] НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Под знаком незаконнорожденных. Николай Гоголь*. С. 284.

[27] Там же, с. 314.

коричневом лесу; и чучело скунса (дважды)»[28]. Тему взаимодействия мира живых и мира мёртвых продолжает сюжетная линия библиотекаря Порлока, «который в последние годы своей покрытой пылью жизни просматривал старинные книги на предмет отыскания в них таких магических опечаток, как "l" вместо второго "h" в слове "hither"», а затем Цинтия находит роман, «в последнем абзаце которого первые буквы слов неведомо для автора складывались <…> в послание от его покойной матери»[29]. Эти послания духов, которые Порлок отыскивает, тоже являются своего рода метафорическими письмами.

Итак, яростно отрицая влияние на его творчество каких-либо других авторов, Набоков не менее экспрессивно отвергает и общепринятые формы повествования, в частности, форму письма. Тем не менее, как и во многих других оценочных высказываниях писателя, здесь наблюдаются некоторые противоречия. Так, критикуя эпистолярный жанр как примитивный, безынтересный, «наби<вший оскомину>» приём, Набоков всё же использует письма как способ организации текста и превращает их в очередное звено своей риторики.

Использованная литература:

БОЙД, Б. 2001. *Владимир Набоков. Русские годы*. М.: Симпозиум. 2001. 695 с. ISBN 5-89091-177-5

ДЫМАРСКИЙ, М. 2001. *Deus ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива.* In: Владимир Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: в 2-х тт. СПб: РХГИ. Т. 2. 2001. С. 236-260.

НАБОКОВ, В. 1999. *Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина*. М.: Интелвак. 1999. 1005 с. ISBN 5-93264-001-4

НАБОКОВ, В. 2001. *Быль и убыль*. СПб: Амфора. 2001. 304 с. ISBN 5-94278-004-8

[28]НАБОКОВ, В. 2001. *Быль и убыль*. СПб: Амфора. 2001. С. 287. ISBN 5-94278-004-8
[29] Там же, с. 291- 292.

НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Под знаком незаконнорожденных. Николай Гоголь*. СПб: Симпозиум. Т. 1. 2004. 605 с. ISBN 5- 89091-016-7

НАБОКОВ, В. 2004. *Собрание сочинений американского периода: в 5-ти тт. Пнин. Рассказы. Бледное пламя*. СПб: Симпозиум. Т. 3. 2004. 700 с. ISBN 5-89091-023-X

НАБОКОВ, В. 2006. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы*. СПб: Симпозиум. Т. 3. 2006. 838 с. ISBN 5-89091-051-5

НАБОКОВ, В. 2008. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Волшебник. Solus Rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. Драматические произведения*. СПб: Симпозиум. Т. 5. 2008. 829 с. ISBN 978-5-89091-328-1

НАБОКОВ, В. 2009. *Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы.* СПб: Симпозиум. Т. 4. 2009. 780 с. ISBN 978-5-89091-381-4

НАБОКОВ, В. 2010. *Лекции по зарубежной литературе*. СПб: Азбука-классика. 2010. 507 с. ISBN 978-5-9985-0463-1

ШРАЕР, М. 2000. *Почему Набоков не любил писательниц?* [цит. 15. 06. 2012] Доступно в Интернете: < http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/11/shraer.html>.

TAMMI, P. 1985. *Problems of Nabokov's poetics. A narratological analysis.* Helsinki: «Suomalainentiedeakatemia». 1985. 390 p. ISBN 9514104986

АЛЛЮЗИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Mgr. Julia Caltová

Karlova univerzita v Prahe

j-gap@seznam.cz

ABSTRACT:

Having arisen in 1980s, postmodernism is a dominant literary movement nowadays and allusion is one of the essential stylistic figures, which distinguishes a postmodern text from those of other literary genres. The author of this article will focus on the process of addresser's coding information under the influence of the so-called pancultural component and on the process of decoding allusions by a reader with the help of a scale of representative elements/markers. The author will also get a closer look at the classification of allusive constructions from functional and informative points of view.

Как известно, каждое течение как в литературе, так и во всех областях культуры имеет отличающие черты. Одной из черт постмодернизма, кроме прочего, является наличие определённых экспрессем, к числу которых принадлежат аллюзивные конструкции. Для более глубокого понимания проблематики употребления аллюзий необходимо сперва обратиться к самому понятию постмодернизма.

Постмодернизм основывается на концепции, что кроме разума, правды и объективности, существуют и другие способы восприятия действительности, такие как эмоции и интуиция. Постмодернисты утверждают, что не существует единой вселенской истины - истин бесконечно много, ибо у каждого истина своя. Поэтому они видят мир разнообразным, непостоянным, непрестанно меняющимся. Такое воспевание пестроты несёт в себе и другой смысл, а именно ироничное отношение постмодернистов ко всему упорядоченному и логичному. Постмодернисты играют со стилями и мотивами, черпая своё вдохновение в стилях ушедших лет, с целью «отвергнуть или осмеять определённые страницы эпохи модерна»[1].

Поэтому одним из важнейших приёмов, который постмодернисты используют и по сей день, является обращение к более ранним стилям, культурам и авторам, заключающееся в использовании некоторых типов контекстуальных средств

[1] GRENZ, S. J. 1997. *Úvod do postmodernismu*. Praha: Návrat domů, 1997.

выразительности. Прочитав некоторые произведения постмодернистов, мы сможем найти огромное множество цитат, перифраз, намёков на различные литературные, исторические или социальные факты, которые стилисты объединяют под понятие «интертекстуальность», особым случаем которой является аллюзия.

В Советском энциклопедическом словаре дается такое определение аллюзии как «стилистическая фигура, намек посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения»[2].

Текст, содержащий аллюзию, называется текст-реципиент, а в основе аллюзии лежит некий текст-первоисточник, называемый денотатом аллюзии[3]. Сам процесс успешного декодирования (восприятия и оценивания) аллюзии был бы невозможен без отчётливой или скрытой подсказки для читателя. Такую подсказку, указывающую на текст-первоисточник, языковеды называют маркер, или репрезентант. Функция этого элемента «состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам»[4].

Занимающаяся исследованием аллюзивных конструкций в публицистике Новохачёва выделяет следующие типы маркеров[5]:

1) **графические** – сходство в графическом оформлении аллюзии и первоисточника (слова, словосочетания, предикативные основы, предложения);
2) **фонетические** – рифмование некоторых элементов аллюзии с соответствующими элементами денотата;
3) **корневые** – сходные корневые морфемы;
4) **грамматические** – определённые морфологические формы (рода, вида, времени) первоисточника, которые не соблюдаются в аллюзии;
5) **структурно-синтаксические** – параллельные синтаксические конструкции.

---

[2] *Советский энциклопедический словарь*. 1984. Москва: Советская энциклопедия, 1984.
[3] НОВОХАЧЁВА, Н. 2005. *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. Диссертация. Ставрополь: Ставропольский Государственный Университет, 2005.
[4] НОВОХАЧЁВА, Н. 2005. *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. Диссертация. Ставрополь: Ставропольский Государственный Университет, 2005.
[5] Там же.

Приняв во внимание наличие определённых функций, возложенных на экспрессему автором, Новохачёва также составила функциональную классификацию литературных аллюзий[6]:

1) **констатирующие** (конкретно-детализирующие, антонимичные, соотносительные, номинативные), вызывающие нейтральную оценку у читателя;
2) **эмоционально-оценочные** (метафорические, иронические, буквально-метафорические, аллюзии инновационного содержания), порождающие как позитивную, так и негативную ответную реакцию, создающие больше условий для успешного угадывания авторского замысла реципиентом (в случае художественной литературы - читателем).

Филолог А. А. Потебня пришёл к выводу, что важнейшей частью понятия аллюзии является некая связь между аллюзией и реципиентом. Аллюзия непременно должна быть направлена на читателя. Потебня заметил, что условие уместности аллюзии «заключается в том, чтобы она и для говорящего и для слушающего была понятна»[7]. Для того, чтобы читатель имел определённое понятие о предмете аллюзии, он должен обладать багажом знаний для её декодирования, особенно учитывая тот факт, что аллюзии в современной литературе обычно не дополняются сносками и разъяснениями, никак не выделяются в тексте.

Если в произведениях, предшествующих постмодернизму, будь то античная поэма или творчество соцреалиста, авторы не могли и представить себе присвоение чужих высказываний, мыслей, духовных открытий без упоминания источника, то творения постмодернистов пестрят цитатами и ссылками на тексты других авторов, не называя их. Поэтому для раскрытия аллюзий необходимо знать весь круг соответствующей культуры, которой принадлежат автор и читатель[8]. Это высказывание в свою очередь тесно связано с понятием из области семантики, а именно с пресуппозицией, т.е. необходимым семантическим компонентом, обеспечивающим наличие смысла в утверждении. Другими словами, пресуппозицию мы можем понимать

---

[6] Там же.
[7] ПОТЕБНЯ, А. 1947. *Из записок по теории словесности*. Харьков, 1947. С. 226.
[8] ВИНОГРАДОВ, В. 1947. Русский язык. Грамматическое учение о слове. In: ДРОНОВА, Елена. 2006. Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии. In: *Язык, коммуникация и социальная среда.* [online]. 2006, č. 4, [cit. 13-11-2008]. Доступно в Интернете: <http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/emdronova_kriterii_identifikatsii_stilisticheskogo_priyoma_allyuzii/>.

именно как некий багаж знаний, который был накоплен до момента образования определённого высказывания. Таким образом, мы можем сделать вывод, что декодирование межтекстового намёка напрямую связано с той культурно-социальной средой, в которой находятся автор и читатель. Имеет смысл говорить об общекультурном компоненте аллюзивных конструкций.

Общекультурный компонент, по мнению Новохачёвой[9], включает в себя три составляющие: 1) индивидуально-личностную культуру автора; 2) его профессиональное мастерство; 3) культурный облик массового читателя.

Каждый автор, кодирующий литературные аллюзии должен обладать двумя группами личностных качеств, подразумевающих *индивидуально-личностную культуру* и включающих в себя:

1. **Социокультурную компетенцию**, состоящую из социально-гражданских (социальной ответственности, принципиальности), и морально-этических качеств (отзывчивости, честности, компетентности), позволяющих автору учитывать читательские уровень знания языка и степень владения принципами декодирования и восприятия текстов.

2. **Идеологическую компетенцию** или ценностную ориентацию автора.

Социокультурная и идеологическая компетенции, выделенные в индивидуально-личностной культуре автора аллюзии, можно считать фундаментом его профессионального мастерства.

Вторая составляющая общекультурного компонента литературной аллюзии - *профессиональное мастерство автора*, заключается в его языковой компетенции (литературных способностях, знании лексики, словообразования, синтаксиса и т.д.).

Последняя категория в таксономии составляющих общекультурного компонента литературной аллюзии (*культурный облик массового читателя*) выступает основополагающей, поскольку подчиняет себе индивидуально-личностную культуру и профессиональное мастерство автора. Постмодернистские произведения активно отражают жизнь массового читателя в свете глобализации и перемен в общественно-политической и экономической сфере нашей страны за последние два десятилетия. Они также стали отражением трансформации роли читателя - от советского гражданина к активному современному пользователю средств мультимедиа. В век информационных

[9] НОВОХАЧЁВА, Н. 2005. *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. Диссертация. Ставрополь: Ставропольский Государственный Университет, 2005.

технологий писатели-постмодернисты стирают границы между массовым и элитарным искусством и всё больше используют аллюзии низшего характера[10], ориентируясь на массового читателя. К подобным аллюзиям низшего уровня принадлежат популярные песни, кинофильмы, компьютерные игры, рекламные слоганы, факты из жизни кумиров публики, а также достаточно индивидуальные знания, к примеру, об арготе, видах наркотиков, которые сегодня являются весьма популярной темой у постмодернистов и т.д.

Одним из наиболее обсуждаемых в России авторов-постмодернистов, обращающихся именно к массовому читателю, является уже ставший классиком Виктор Пелевин. Пелевин сыграл особо значимую роль в литературной жизни России 90х лет прошлого века. Этот период ознаменовался политическим переломом, отменой цензуры и, как следствие, переходом русской литературы на новый уникальный уровень. После бума заинтересованности читателя массовой литературой (в основном, женскими детективами А. Марининой, Д. Данцовой, Т. Устиновой и других, как пишет Леонид Болшухин[11]) пришёл черёд авторов-постмодернистов (В. Пелевина, Д. Липскерова, Вик. Ерофеева, Л. Петрушевской, С. Соколова и т.д.), чьи произведения представляют собой сложную границу между эстетически ценной, «высокой» литературой и литературой тривиальной, «массовой». Аллюзивные конструкции различных типов являются неотъемлемой языковой составляющей данных произведений.

Для конкретных примеров обратимся к роману Виктора Пелевина «Священная книга оборотня», задуманный как магическо-реалистическая смесь событий в духе постмодернизма. Главная героиня романа – А Хули, лиса-оборотень китайского происхождения, которая последние несколько столетий живёт в России и зарабатывает на жизнь древнейшей профессией, но не реально, а лишь мистически. Лиса, в силу богатого жизненного опыта и внушительного возраста, 2000 лет, принадлежит к кругам интеллектуалов. Пелевин, афишируя свою и лисью эрудицию, аллюзирует в романе на достаточно широкий круг личностей и их произведений, знакомых лишь интеллигентной и образованной публике. При этом он не обделяет вниманием и массового читателя и использует аллюзии на элементы поп-культуры, на молодёжный

[10] ДРОНОВА, Е. 2006. Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии. In: *Язык, коммуникация и социальная среда.* [online]. 2006, č. 4, [cit. 13-06-2012]. Dostupné na internete: <http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/emdronova_kriterii_identifikatsii_stilisticheskogo_priyoma_allyuzii/>.

[11] BOLŠUCHIN, L. – ŘEHOŘÍKOVÁ, L. 2007. *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007. S. 5.

сленг, аргот и, конечно, на определённые виды наркотиков и сопряжённые с ними темы, играющие важную роль в каждом из романов Пелевина.

Прежде чем привести конкретные примеры аллюзивных конструкций, используемых Пелевиным в романе «Священная книга оборотня», обратимся к общей условной классификации аллюзий, разработанной Новохачёвой. Выделяются следующих 10 категорий[12]:

1) литературно-художественная аллюзия;
2) фольклорная;
3) кинематографическая;
4) песенная;
5) газетно-публицистическая;
6) крылатая;
7) официально-деловая;
8) интермедиальная;
9) библеизм/религиозная;
10) научная.

В романе превалируют аллюзии **литературно-художественного**, **кинематографического**, **песенного** и **крылатого** типов, к примеру:

- *Страны счастья, чужого доселе, мне раскрыли объятия те, и, спадая, запястья звенели громче, чем в его нищей мечте…* → **литературная** аллюзия на поэму А. Блока «Соловьиный сад»,

  Чуждый край незнакомого счастья
  Мне открыли объятия те,
  И звенели, спадая, запястья
  Громче, чем в моей нищей мечте.

- *«80 тысяч лье под водой»* → **литературная** аллюзия на произведение Ж. Верна «20 тысяч лье под водой».
- *Увидеть Париж и жить* → **литературная/крылатая** аллюзия на «увидеть Париж и умереть» Ильи Эренбурга, автора этой знаменитой фразы, впервые использованной им в книге «Мой Париж» (1931).

[12] НОВОХАЧЁВА, Н. 2005. *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. Диссертация. Ставрополь: Ставропольский Государственный Университет, 2005.

- Статья под названием *«Явление парикмахера официантам: феномен Набокова в американской культуре»* → **художественная** аллюзия на картину русского художника А. А. Иванова «Явление Христа народу» («Явление Мессии»).
- *«Общество выдающихся джентльменов»* → **кинематографическая** аллюзия на приключенческий фильм 2003 года «Лига выдающихся джентльменов», действие которого происходит в конце XIX века, фильм включает литературных персонажей, подходящих этому периоду (напр. Том Сойер, Капитан Немо, Доктор Джекил и мистер Хайд, Дориан Грей и др.).
- *Нормальные женщины обыкновенно считают нас лесбиянками. Что думают про нас лесбиянки, тоже понятно: «я сошла с ума, я сошла с ума…»* → **песенная** аллюзия на «Я сошла с ума» группы Т.а.Т.у.
- *В аду родилась ёлочка, в аду она росла* → **песенная** аллюзия на детскую песню «В лесу родилась ёлочка».
- *Духи-охранители* → **крылатая** аллюзия на выражение «ангел-хранители».
- *Перестановка слагаемых, от которых суммарная А Хули не меняется* → **крылатая** аллюзия на выражение «от перестановки мест слагаемых сумма не меняется».
- *Соскакивает с хвоста* → **крылатая** аллюзия на выражение «соскочить с иглы».
- *Но я работаю только по методу «невеста возвращает серьгу» – как его поэтично назвали в Серединном Государстве лет шестьсот тому назад. Если вы крадёте чужую жизненную силу, важно не разгневать небо и духов своей жадностью* → **фольклорная** аллюзия на поверье «невеста возвращает серьгу» — надо вернуть малое, чтобы не потерять большее.

Виктор Пелевин использует и аллюзивные конструкции других типов, но как и у большинства авторов-постмодернистов они не являются доминирующими. В целом автор данной статьи выделила более ста аллюзий, закодированных Пелевиным в тексте романа, но внимательный и эрудированный читатель безусловно найдёт следующие.

Использованная литература:

ВИНОГРАДОВ, В. 1947. Русский язык. Грамматическое учение о слове. In: ДРОНОВА, Е. 2006. Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий

идентификации стилистического приема аллюзии. In: *Язык, коммуникация и социальная среда.* [online]. 2006, č. 4, [cit. 13-11-2008]. Доступно в Интернете: <http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/emdronova_kriterii_identifikatsii_stilisticheskogo_priyoma_allyuzii/>.

ДРОНОВА, Е. 2006. Известность аллюзивного факта как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии. In: *Язык, коммуникация и социальная среда.* [online]. 2006, č. 4, [cit. 13-06-2012]. Доступно в Интернете: < http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_4/emdronova_kriterii_identifikatsii_stilisticheskogo_priyoma_allyuzii/>.

НОВОХАЧЁВА, Н. 2005. *Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX- начала XXI веков*. Диссертация. Ставрополь: Ставропольский Государственный Университет, 2005.

ПОТЕБНЯ, А. 1947. *Из записок по теории словесности*. Харьков, 1947.

Советский энциклопедический словарь. 1984. Москва: Советская энциклопедия, 1984.

BOLŠUCHIN, L. – ŘEHOŘÍKOVÁ, L. 2007. *Antologie ruských povídek*. Brno: Větrné mlýny, 2007.

GRENZ, S. J. 1997. *Úvod do postmodernismu*. Praha: Návrat domů, 1997.

«ДЕТИ – СПАСИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ».

Дети и взрослые в прозе Андрея Платонова

Ferenc Varga

Segedínska univerzita

varga.ferenc13@gmail.com

ABSTRACT:

Present contribution is focused on different parts of Andrei Platonov's life-work. In the centre of present article there are typical motives and symbols of Platonov's prose, including specific and unique role of children and their exciting relations with adults. This study is trying to explore the development and changes in relations of children and adults presenting some well-known and lesser-known novels and short stories from Platonov's oeuvre.

«Хорошо и красиво писать – это ещё не всё, нужно ещё писать истинно, то есть открывать для людей реальную возможность более достойной жизни».[1]

(Андрей Платонов)

Андрей Платонов был обреченным на забвение до 60-70-х годов XX-го века, когда его «повторное» разыскивание и публикация его неизданных произведений подвлияли с определительным силом на литературное общество и способствовали дифференциацией часто упращённого и часто крайнего образа литературы советской эпохи. На взгляд Михаила Геллера, Платонов пишет ту самую книгу о соблазне, влечении и одновременно отталкивании утопии. Произведения писателя «гласят» об иллюзии счастья, показывающейся в один особенный момент на жизненном пути каждого человека. Однако захват возможности счастья зависит «лишь» от индивидуума.

Постоянное трансформирование творческого мировоззрения и философских идей писателя указывают на характеристику различных форм проявления утопического

[1] Цит. СЕРАФИМОВА, В. Д. 2006. *Андрей Платонов и философско-эстетические искания русской литературы второй половины XX века*. Москва: Прометей, 2006. С. 115.

мышления Платонова. С этой точки зрения в творчестве писателя можно выделить три периода.

Утопический период характерен для работ Платонова первой половины 20-х годов. К этому периоду относятся ранние рассказы параболически-дидактического характера *(«Песчаная учительница», «Лунная бомба», «Маркун», «Потомки солнца»* и т.д.). В прозе писателя наблюдается влияния пролеткульта, религиозно окрашенного материализма богостроителей А. Богданова и А. Луначарского и философии Н. Фёдорова. Реализация утопии и создания нового мира становятся конкретной программой произведений этой эпохи. Умозрительные опыты и фантастические технические изобретения героев всегда вызывают катастрофу, потому что учёные, стараясь отрегулировать законы природы, активизируют её слепые, необузданные, разрушителные и хаотические силы, и закономерно терпят крах. Их опыты и ошибки не остаются событием личной жизни, а приобретают космические масштабы, апокалиптическую окраску и подвергают опасности и непосредственное окружение, всё человечество и всю Вселенную.

Анти- и метаутопический период является поиском авторского и человеческого голоса и мышления творчества писателя. К этому периоду относятся роман *«Чевенгур»* и повесть *«Котлован»,* в которых писатель показывает типологически разные попытки релизации утопии. В романе *«Чевенгур»* сам мир утопии строится на глазах читателя. Неосуществлённость утопии проявляется только в ходе действия романа. В *«Котловане»* герои попробуют реализировать утопию, но им скоро становится ясным то, что реализация утопии невозможо между «земними» пределами.

Пост-утопический период в творчестве Платонова начинается с середины 30-х годов с такими произведенями как повесть *«Джан»* и рассказы *«Фро», «Река Потудань», «В прекрасном и яростном мире»* и др. В результате признания, что реализация утопии возможна только с разрушением человеческой личности, платоновский герой уже не хочет стать бессмертным, и не боится смотреть в лицо трагичности своего бытия, он желает любви и заботы в физическом и душевном смыслах.

В утопическом космосе Платонова дети, взрослые с детской душой, бродяги и наивные-правдоискатели являются одними из самых важных «планетов», которых беззащитно выдают доминантность экзистенциальной сферы и отсутствие личных и общечеловеческих ценностей. По определению Н. Корниенко «детство в прозе

Платонова – спрессованная метафора жизни»[2]. В прозе писателя ребёнок – сам будущее и залог счастья мира. Забвение детства – бездна, в которую может упасть человек, перечеркнув саму жизнь. Последствием беспорядка общества взрослых является трагическая судьба ребёнка.

Мотив ребёнка и детства, взаимоотношения взрослых и детей имеют важное значение во всех периодах творчества Платонова. С 20-х до 50-х годов в прозе писателя тема ребёнка и детства прошла через значительные изменения. В рассказе *«Лунная бомба»* маленький мальчик имеет «лишь» «катализаторскую роль», – с этой позиции платоновский ребёнок становится смерти побеждающим героем.

«Лунная бомба»

Маленький Гога представляет собой ребёнка в системе мотивов рассказа *«Лунная бомба»*[3]. Одним из самых важных вопросов рассказа является взаимоотношение понятий *жизни – существования – бытия*, объяснение которых прекрасно осуществляет через жизни главного героя, Крейцкопфа. Действие рассказа показывает на два направления, которые соединяют жизнь Крейцкопфа. Эти понятия символизируют разные сферы Голгофы Крейцкопфа: «*жизнь»* символизирует собой судьбу героя; «*существование»* связано с построением лунной бомбы и сопутствующими этому трагедиями; и *«бытие»*, как категория высшего уровня, символизирует поиск «спасения» и душевные превращении героя. *«Бытие»* скрывает в себе *«жизнь»* и *«существование»*, однако оно не может существовать без других двух категорий.

Маленький мальчик четырёх с половиной лет станет первой жертвой «безграничного быстрого хода» Крейцкопфа:

«Крейцкопф выключил конус и в метре от машины заметил курчавую головку ребёнка...(...) Машина затряслась, запылила вывернутая мостовая, но ребёнка ударило правым фонарем, и голова его рассеклась по черепным швам. Густая кровь залила его рубашечку, неповрежденные глаза полуприкрылись длинными ресницами, и пухлые алые губы сложились бантиком, который теперь никогда не развяжется.»

---

[2] Там же, с. 101.
[3] ПЛАТОНОВ, А. 1981. *Лунная бомба*. In: Платонов, Андрей. Сокровенный человек – Рассказы, повести. Кишинев: «Литературный артистик», 1981.

Тайное захоронение Гоги и тот факт, что он делает мёртвого ребёнка предметом своей нежной и вечной «любви» показываются анормальными, страшными и гротескными.

«Он слез с трупиком и положил его в готовую могилу. (...) Крейцкопф набрал воды из радиатора и обмыл его начисто, потом тихо поцеловал в чистые губы, и горячие слезы снова омыли его лицо. (...) Он отрезал пучок светлых волос (...). Засыпав яму, он затосковал по мальчику так, что захотел его откопать.»

Цепь трагедий в личной жизни Крейцкопфа начинается со смертью мальчика. Можно утверждать, что со смертью ребёнка герой рассказа лишается возможности «спасения» самого себя. Однако смерть мальчика и амбивалентное «отношение» героя к Гоге оказали неопределённое влияние на жизнь инженера.

Крейцкопф сам летит с лунной бомбой, отрываясь от мира существования и оставляя жизнь на Земле, чтобы искать новые цели и новый смысл к своему человеческому бытию. С вылетом герой физически отрывается от мировой реальности. Он послал сообщение на Землю, которое он сформулировал из опытов всей своей жизни и всего своего существования: *«22. Скажите же, скажите всем, что люди очень ошибаются. Мир не совпадает с их знанием.»* Когда Крейцкопф выидет из Лунной бомбы, ему ясно, что он умрёт, но то, что следует после смерти, для него тоже загадка. Герой прощается с земной жизнью, и только может надеяться на то, что он *«найдёт исход себе»*.

«Котлован»

В конце 20-ых годов художественное и философское мышление Платонова изменилось. В этом периоде творчества писателя противопоставляются понятия *«бытия»* и *«существования»*, так же как личная и коллективная утопия. В полностью перевернутом историческом и общественном окружении герои Платонова встречаются с новыми проблемами и вызовами, и становится ясным, что время «апостолов» и скитальцев кончилось. Герои нового типа, ищущие корни своего бытия, не могут превышать пределы личного существования, поэтому они являются людьми, в которых *«запечатлена навеки тягость согбенной жизни».* Новое художественное видение Платонова манифестируется в таких значительных произведениях, как *«Чевенгур»* и *«Котлован»*[4].

[4] ПЛАТОНОВ, А. 1989. *Котлован.* In: Платонов, Андрей. Избранное. Минск, 1989.

«*Котлован»* – художествленное видение, в котором смешивается реальность и фантастика, но однозначно отделяются друг от друга категории *«существования», «жизни» и «бытия»*. Прошлое, настоящее, будущее и всё существующее подчиняются одной конечной цели, т.е. реализацией утопической идеи общечеловеческого счастья в форме строительства общего дома пролетариата. В центре произведения стоит «превозношение» идеологии коммунизма и уничтожение самого Человека. В ходе «строения» котлована ликвидируются человеческие отношения и эмоции, и распадается естественный союз человека со Вселенной. Герои отрываются от физических и душевных корней жизни и вместе с тем лишаются памяти своего бытия. Сам человек деформируется или уничтожается, он не имеет шанс даже на рождение.

Для героев произведения ребёнок воплощает в себе перспективы идеального состояния, достижение которого возможно только построением общепролетарского дома, ликвидацией вредных элементов и собственным перерождением. Они считают, что рождением ребёнка мир становится совершенным; ребёнок сам *«время, созревающее в свежем теле»,* единственная надежда окончательной победы революции, источник и средство грядущего счастья. Детский персонаж повести, осиротевшая девочка Настя является символом ребёнка, который, во имя «святой» идеологии был лишен от своей памяти и своих чувствах. Однако создание коллективной формы бытия возможно только с помощью манипуляции личной жизни девочки:

«Перед нами лежит без сознанья фактический житель социализма. (...) А тут покоится вещество создания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом!»

В мире повести смерть является безличным, обычным и желаемым событием. По этой причине гибель человека больше не трагична. Из «слияния» категорий бытия и существования, материализации сознания и эмоции, опустошения духа человек приходит к такому состоянию, в котором смерть потеряет свой «личный», всё изменяющий характер. Для людей только одно даёт утешение и безопасность:

«У нас каждый и живёт оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство! Мы те гробы облеживали, как в пещеру зарыть.»

Мотив гроба играет важную роль в прозе Платонова. Пустой гроб и пустата могильного пространства в прозе писателя связаны с движением не из гробов, а в гробы. Кроме этого в повести символ могилы и крах концепции дома связаны с

невозможностью реализации коллективной утопии. На трагическое последствие Вощев обращает внимание:

« – Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? – не решался верить Вощев. Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?»

Вопрос Вощева остаётся неотвеченным. На глазах и под руками героев уничтожается будущее, и смерть девочки является последней остановкой гибели счастливого будущего. Умирающая девочка плачет по своей маме и жаждет её прикосновений и близости. Однако чувство отсутствия мамы причиняется не личностным отношением между ребёнком и матерью, а прекращением материальной связи:

« – Я опять к маме хочу! – произнесла она, не открывая глаз. / – Нету твоей матери, – не радуясь, сказал Жачев. От жизни все умирают – остаются одни кости. / – Хочу ее кости! – попросила Настя.»

Со смертью Насти взрослые достигнут пределы своего существования и котлован становится символом неосуществимости утопии и самоуничтожения человечества. Однако тоска по лучщей жизни нерушимая, поэтому можно сказать, что в мире *«Котлована»* все еще живет надежда в миссии детей:

«Вощев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал.»

«Джан»

Под влиянием такого признания, что реализация утопии возможна только через пожертвование и уничтожение человеческой личности, Платонов возвращается к главным сюжетным схемам и проблемам своих прежних произведений. Изменение авторского мышления отражается в произведениях 30-х и 40-х годов, среди которых играет значительную роль повесть *«Джан»*[5].

Назар Чагатаев, главный герой повести мог сохранить свою «детскость» в чистой нетронутой форме. Назару привелось много выстрадать в своём детстве, в котором отсутствовала необходимая материнская любовь. В платоновской концепции материнское начало и материнское чувство должно стать социальным, всечеловеческим чувством, т.е. чувством каждого человека. Материнская любовь имеет

[5] ПЛАТОНОВ, А. 1977. *Джан*. In: Платонов, Андрей. Избранное. Москва, 1977.

безапелляционное значение в формировании личности ребёнка и открытии «пространства будущего»:

«Маленький Назар не хотел уходить от матери. Он ей говорил, что привык умирать (...). Но мать прогоняла его. – Нет, – говорила она. – Я уже так слаба, что любить тебя не могу, живи теперь один».

Имя и фамилия главного героя несут в себе особенные библейские и христовские параллели. В имени «Назар» можно заметить связь с именем Иисуса из Назарета, а фамилия героя тоже имеет восточное происхождение. Назару надо найти свой народ и надо устроить социализм на своей родине, в дальних, бескрайних азиатских пустынях. Однако он скоро признает, что этому народу нужен не социалистическая утопия, а «спаситель», который может «возвести» их к реальной, «живой» жизни. Трагичность судьбы народа *джан* и их безвыходное положение коренится в отношении к людьми, особенно к детям. Жизнь ребёнка ничего не стоит этим людям. Они не чувствуют соболезнование и жалость, когда умирает ребёнок, и не понимают то, что со смертью каждого ребёнка меркнут возможности «спасения» самих себя:

«Назар (...) увидел, что не хватает одного ребенка – трехлетней девочки. Никто не мог ему сказать – ни отец ее, ни мать, ни прочие, где исчезла, как умерла эта маленькая девочка, небольшой человек.» « – Хорошо тем, кто умер внутри своей матери...»

Айдым и Ксеня, детские герои повести выполняют огромную роль в осуществлении «миссии» Назара. Айдым не по своей вине, но перед своим рождением потеряла надежду на лучшное, счастливое бытие и ей каждый день надо бороться за выживание. Во время отсутствия Назара она становится организатором обыденной жизни народа и сознательно берёт на себя роль «мыслящей матери». Такая деятельность девочки помогает народу «возвратиться» к «живой» жизни:

«Кто забывал свою обязанность жить и кормиться, тем Айдым говорила при всех, что завтра она выроет с Назаром большую яму – пусть тогда ложаться все, кому не нравится на свете.– Нам несчастных не нужно, – говорил а Айдым».

«Миссия» Чагатаева увенчивается успехом, и он реализует своё призвание, «спасение» своего народа. После этого Чагатаев возвращается в Москву, к Ксене. В годы отсутствия Чагатаева в Москве завершается его «спасительная» роль, в которой заключаются самые важные моменты его жизни. Москва не точки равновесия, она символизирует первый этап новой жизни, основной принцип которой коренится в

таком признании, что *«помощь к человеку может прийти лишь от другого человека»*. То, что помощь к Чагатаеву и к народу *джан* придёт от детей не может быть случайностью.

«Железная старуха»

Каждым платоновским детским героем надо смело смотреть смерти в глаза. Смерть, которая во многих формах показывается в прозе писателя, определяет формирование судьбы ребёнка и его действия. В рассказе *«Железная старуха»*[6] смерть принимает новый, цивилизованный облик и является во своей физической форме, т.е. в образе Железной старухи.

Маленький Егор, главный герой рассказа осуществит такое «призвание», которое каждый платоновский ребёнок несёт в себе, но мало кто может реализовать. Егор заостряет особенное внимание на всем существующем и всем живым своего окружения. Он вступает в диалог с природой, чтобы открыть своё окружение, свой микромир, всю Вселенную и понять самому себе и свою, в мире занятую роль. Он задает вопросы «Ты кто?», «Зачем Вы живёте?» «Отчего вы живёте?» «Кто я?». В этих вопросах раскрывается основная мысль рассказа: человек хочет понять, кто он есть в мире. Мальчик «добирается» до самых важных вопросов своей жизни: «Ты кто – Ты старуха?», «Мама, ты кто?» и «Я кто?».

Во многих случаях герои Платонова – особенно дети – чувствуют себя частью огромного целого и считают равным себе по «телу» и «духу» все. Именно таким видит мир Егор – родным и живым. Мальчик не хочет спать, он хочет без перерыва прожить свою жизнь, чтобы познать мир:

«Егор же спать не любил, он любил жить без перерыва, чтобы видеть все, что живет без него, и жалел, что ночью надо закрывать глаза, и звезды тогда горят на небе одни, без его участия».

С появлением Железной старухи кокретизируется тот элемент рассказа, присутствие которого проникнуло всю историю с первого строка. Образ старухи представляется связующим звеном между жизнью и смертью, бытием и небытием. Смерть, которая появляется в образе старухи незримо идёт следом за каждым

[6] ПЛАТОНОВ, А. 1981. *Железная старуха*. In: Платонов, Андрей. Сокровенный человек – Рассказы, повести. Кишинев: «Литературный артистик», 1981.

человеком. Смерть – проклятая дочь Адама, к которой надо жить на Земле пока она сама всех не переморит.[7]

Всё затихает, но Егор не может заснуть. Он слушает таинственные звуки и шумы ночи. Он знает, что ему нужно вынести важное решение в интересах того, что он может получить ответы на свои вопросы:

«*Пойду, до всего дознаюсь. (...) Что там ночью, кто старуха?*

После того, как он надел штаны и ушел босой наружу, Егор скоро очутился в темном овраге, куда свет звезд не может дойти. Так кажется, как будто мальчик, расширяя пределы традиционного человеческого бытия, вступает в другой, неизвестный мир.

« – Ты кто? – спросил Егор. – Ты старуха?(...) Я хочу тебя увидеть (...). Старуха склонилась к Егору и стала к нему приближаться. (...) Егор закричал: – Я знаю, я знаю тебя. Мне тебя не надо, я тебя убью! – Он бросил в ее лицо горсть глины и сам обмер и приникнул к земле.

– Ты меня не знаешь, ты меня не разглядел. Но всю твою жизнь я буду ждать твоей смерти и губить тебя, потому что ты меня не боишься».

Когда мальчик признает, кому он противостоит, тогда раскрывается самая бережно охраняемая тайна смерти. Непобедимость мальчика скрывается в том, что он при любых обстоятельсвах может сохранить свою детскую сущность и «детскость». Он «ходячий своими ногами борей», который понимает, что только неживое может сражаться с неживым, поэтому ему нужно стать железным стариком:

« – Вырасту еще чуть-чуть и поймаю железную старуху. И до старухи дознаюсь – сам стану железным стариком! (...) Я нарочно буду железным, чтоб старуху напугать, пускай она околеет».

Егор поставил цель всем платоновским героям: смело смотреть смерти в глаза, потом брать верх над ней и наконец побеждать её. Потому что уважать жизнь возможно только со знанием существовании смерти. Он сам говорит: *«А потом*[8] *я железным не буду – нехочу, я опять буду мальчиком с матерью»,* одним счастливым мальчиком, который уже знает «Кто он», потому что так не бывает, чтобы он был никто, – он герой в самом благородном смысле слова.

---

[7] Цит. ВЛАСОВА, М. 2001. *Русские суеверия*. СПБ., 2001. С. 477.
[8] Т.е. после будущей смерти Железной старухи.

Путь, который «проходят» детские герои Платонова обладает символическим, «разветвлённым» значением. В течение десятилетий платоновские мысли о детстве и детском призвании проходили через значительные трансформации, однако в ребёнке скрытые ценности и идеи не изменялись. У Андрея Платонова ребёнок является «всемирным элементом»[9], который связывает человечество в единое родство и заставляет жизнь людей кипеть. В платоновской концепции ребёнок символизирует «центр, вокруг которого строится Вселенная».[10] В ранней публицистической статье Платонов так пишет о детях, о роли взрослых и детей и об отношениях ребёнка-матери:

«Женщина и мужчина – два лица одного существа – человека; ребенок же является их общей вечной надеждой. Некому, кроме ребенка, передать человеку свои мечты и стремления (...). Некому – кроме ребенка. (...) И потому в женщине живет высшая форма человеческого сознания (...), влюбленность в далекий образ совершенного существа – сына, (...) которого она носит в себе, зачатою совестью погибающего мира, виноватого и кающегося».[11]

Использованная литература:

БАГИ, И. 1988. Место повести «Котлован» в идейных исканиях А. Платонова. In: *Acta Universitas De Attila József Nominate. Dissertationes Slavicae. Материалы и сообщения по славяноведению.* 1988. XIX. Szeged. C. 31-56.

ВЛАСОВА, М. 2001. *Русские суеверия*. СПБ., 2001.

ГАРАМ, Аг. 1999. *Формы воплощения утопического мышления в творчестве Андрея Платонова.* In: *Русская литература между Востоком и Западом – Книги по русистике IV.* 1999. Будапешт: Венгерский Институт Русистике. С. 129-137.

ГЕЛЛЕР, М. 1982. *Андрей Платонов в поисках счастья.* Paris: YMCA-PRESS, 1982.

[9] Серафимова, В. Д. *Андрей Платонов и философско-эстетические искания русской литературы второй половины XX века.* С. 237.
[10] Цит. там же, с. 237.
[11] ПЛАТОНОВ, А. *Душа мира*. In: Платонов, Андрей. 1989. Возвращение. Москва, 1989. С. 15.

СЕРАФИМОВА, В. Д. 2006. *Андрей Платонов и философско-эстетические искания русской литературы второй половины XX века*. Москва: Прометей, 2006.

BAGI, I. *„Egy kívül-belül szomorú világ”*. In: *Helikon*, 1993/2–3., s. 163–180.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И БЫТИЕ ПИСАТЕЛЯ В ЭМИГРАЦИИ[1]

Mgr. Ivan Posokhin

Univerzita Komenského v Bratislave

ivan.posokhin@gmail.com

ABSTRACT:

The following paper mainly focuses on the problem of writer's existence in emigration. The problem is studied through perspective of Sergei Dovlatov's experience in emigration. We tried to determine several main factors that are relevant in the process of transformations occurring in both personal and creative aspects of writer's life after emigration. These factors are naturally determined by changing of public reception of writer's work, by new rules of book market, by alterations within writer's self-perception and his general as well as creative mind-set.

«Я уехал, чтобы стать писателем…»

С. Довлатов

Сергей Довлатов (1941-1990) – один из ярчайших русскоязычных писателей второй половины XX века. В России популярность пришла к нему в конце 80-х гг., на закате перестроечной эпохи. В 90-е годы он стал одним из самых читаемых и печатаемых писателей. Однако всего этого Довлатов увидеть не успел. До своей смерти в 1990 году он уже 12 лет как жил в эмиграции в американском Нью-Йорке. Из СССР Довлатов был вынужден уехать в 1978 году после многих безуспешных попыток напечататься на родине, после ряда конфликтов с советской контрольно-репрессивной системой. На родине Довлатов испробовал все возможности войти в официальную литературу «через парадную дверь», но руководство главных советских журналов и издательств чувствовало в его рассказах нечто чуждое как в художественном, так и в идеологическом отношении. Уехав в США, Довлатов стал частью того, что впоследствии стали именовать третьей волной русской эмиграции.

[1] Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA č. V-11-090-00 a Grantu mladých vedeckých pracovníkov č. UK/289/2012.

«Я уехал, чтобы стать писателем, и стал им, осуществив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком. Единственной целью моей эмиграции была творческая свобода. Никаких других идей у меня не было, у меня даже не было особых претензий к властям. <…> Если бы меня печатали в России, я бы не уехал», – признавался писатель.[2] После эмиграции Довлатов, как и любой другой писатель-эмигрант, оказался в совершенно иной культурной, социальной, политической, бытовой среде. Каждый из этих аспектов в той или иной степени оказывал влияние на жизнь и творчество писателя. Проанализировав спектр этих влияний, мы считаем возможным выделить несколько основных детерминирующих факторов, обусловливающих характер существования – «бытия» – писателя в эмиграции. Понятие «бытие» мы используем в широком смысле и включаем в него как моменты творческой жизни писателя, его участие в литературном и окололитературном процессе, так и моменты психологического или даже «онтологического» плана.

Первым таким фактором является **языковой фактор**. Перемещение из одной культурно-языковой среды в другую, если таковое происходит по собственной воле приехавшего, практически всегда сопровождается процессами адаптации, ассимиляции, языковой интерференции. Ситуация естественно меняется, если эмигрант становится таковым вопреки своему желанию, как это и было с Довлатовым. Эмигранты третьей волны эмиграции, в отличие от своих предшественников, в большинстве своем не владели иностранными языками настолько хорошо, чтобы органично влиться в новую языковую среду. Это способствовало возникновению особых русскоязычных анклавов, русских районов и т.п. Большинство литераторов, за редким исключением, продолжали писать свои произведения исключительно по-русски, существуя в «пузыре» русскоговорящих писателей. Довлатов в вопросах незнания иностранных языков не был исключением. Английским он так и не овладел, следовательно, и круг общения у него чаще всего ограничивался эмигрантами. Но Довлатову, тем не менее, удалось стать удачливым, по меркам русских писателей-эмигрантов, литератором. В этом ему помог Иосиф Бродский, нашедший для Довлатова американскую переводчицу Энн Фридман, чьи переводы позволили довлатовским книгами выйти на англоязычную аудиторию. Фридман, имевшая славянско-еврейские корни, смогла, видимо, вжиться в своеобразный способ мышления и особый юмор писателя и передать их суть на английском языке. Довлатов даже записал её в соавторы и обязался делить с ней

[2] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Писатель в эмиграции. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 460.

гонорары поровну.[3] Впоследствии он писал: *«Что бы я ни сочинял, вечно думаю о переводе».*[4] Такая нацеленность на возможный перевод сказывалась на языке и стиле писателя, стремившегося сделать текст «переводимым с минимальными потерями». На творчестве Довлатова отразилось также и особое, еще доэмигрантское влияние иноязычной литературной традиции: одними из главных его литературных идолов были именно американские писатели, в особенности Хемингуэй и Сэлинджер. Влияние это, конечно, было опосредовано переводами, но лаконичный стиль американской беллетристики нашел отражение в прозе Довлатова, в строгости и емкости его фраз, кратких, рваных предложениях.

С предыдущим детерминирующим фактором в определенной степени связаны и два других: **рефлексивный** и **рецептивный**. Под **рефлексией** в данном контексте мы понимаем внутренние переживания писателя-эмигранта, его представления о творческой жизни вне «родной» культурно-языковой среды, восприятие его собственного творчества в контексте «принимающей» литературы. Этот фактор носит более индивидуальный характер, и обобщений здесь можно делать намного меньше, чем в предыдущем. Сергей Довлатов очень много и подробно высказывался о том, как он воспринимает свой писательский труд в контексте эмиграции. Его характеризовало представление о непрерывности и единстве мировой литературы: *«Бессмысленно делить литературу на официальную и подпольную, на русскую и советскую, на литературу метрополии и диаспоры. Существует одна литература – мировая»*[5]; *«Литературный процесс разнороден, литература же едина».*[6] При этом Довлатов совершенно очевидно отдавал себе отчет в своем литературном «происхождении», в своей писательской национальности, которую он определял исключительно языком произведения: *«Я, например, хочу быть русским писателем. Я, собственно, только этого и добиваюсь. <…> Национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет. Иначе все страшно запутывается».*[7] Из подобных высказываний можно сделать вывод, что при всей космополитичности своих взглядов, Довлатов оставался неизменно привязан к традициям русской словесности. Это подтверждается и тематикой произведений, подавляющее большинство которых было написано на

---

[3] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Переводные картинки. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 417.
[4] Там же, с. 424.
[5] ДОВЛАТОВ, С. 1984. *From USA with love*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/withlove.html
[6] ДОВЛАТОВ, С. 1984. *Будущее русской литературы в эмиграции*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/budusch.html
[7] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Литература продолжается. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 343.

материале доэмигрантского периода. Довлатов утверждал, что он *«никогда не будет писать об Америке, никогда не перейдет на английский язык».*[8] Естественно, данная точка зрения менялась с течением времени, и незадолго до смерти из уст Довлатова звучали несколько иные фразы: *«…я, кажется, начинаю превращаться в среднего американского литератора. В одного из нескольких американских беллетристов российского происхождения».*[9] Возможно, это результат адаптации, осознания относительного успеха своих книг на американском рынке и признание заслуг переводчика. Тем не менее, процесс «слияния» с американским книжным рынком не сопровождался полным переходом на американские темы. Даже в тех произведениях, которые Довлатов написал на американском материале, главными героями все равно являются эмигранты, с их эмигрантскими проблемами и тем особым складом ума и характера, который был им присущ.

Рецептивный фактор включает в себя проблематику «принимающей стороны», адресата писателя, его аудиторию. Несмотря на то что творчество большинства писателей, покинувших СССР, на родине было (или впоследствии стало) запрещенным, практически у всех из них успела сформироваться своя отечественная аудитория, читавшая их произведения в самиздате или слушавшая их в авторском исполнении на полулегальных творческих вечерах. Часть этой аудитории составляли также и официальные советские критики, издатели и деятели разных союзов и объединений, потенциальное мнение которых также учитывалось авторами произведений (естественно, лишь теми из них, кто *хотел быть* напечатанным на родине). После эмиграции связь с родным окружением неминуемо надрывалась. Следовательно, и ощущение собственной читательской аудитории становилось крайне размытым: с одной стороны, оставалась надежда, что произведения могут попасть в Союз контрабандными путями и найдут там своего читателя; с другой стороны, была аудитория, состоящая из таких же эмигрантов. Ну и наконец, появлялась аудитория той страны, в которую писатель эмигрировал. Довлатов видел в этом большое преимущество для своего творчества: *«В отличие от моих друзей — американских писателей у меня не одна, а целых три аудитории. Я как бы в выигрышном положении. Если я не поладил со своим русским издателем в США, я говорю себе: ничего, все нормально, вот выйдет книга по-английски, мне повезет больше. Если и этого не происходит, у меня есть в запасе советская аудитория. В общем-то, все*

[8] ДОВЛАТОВ, С. *Писатель в эмиграции. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 463.
[9] ДОВЛАТОВ, С. *Переводные картинки. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 423.

эмигрантские писатели надеются на то, что советский читатель их поймет и оценит. Это серьезное испытание».[10] Хотя в другом интервью он признавался, что со временем ощущение аудитории снова начинает размываться: *«Для кого и о чем вы пишете? Для американцев о России? Об Америке для русских? О себе для всех, кто удосужится раскрыть вашу книгу? В результате оказывается, что вы пишете для себя. <…> Короче, ваше дело раскинуть сети, а кто в них попадется: французский студент, американский дантист, русский делец эмигрант с Брайтон Бич, советский диссидент или майор КГБ - уже не имеет для вас никакого значения. Главное сделано - сети раскинуты...».*[11] Здесь мы снова становимся свидетелями выхода на космополитический, универсальный уровень литературного творчества, ощущение которого было свойственно Довлатову-писателю.

Говоря об успехе Довлатова в США, не стоит, конечно, представлять себе многотысячные тиражи. Однако определенного признания он все же добился. Как благодаря своему языку, который хорошо поддавался переводу, так и благодаря общему настроению прозы, о котором Иосиф Бродский говорил: *«Решающую роль сыграла узнаваемая любым членом демократического общества тональность – отдельного человека, не позволяющего навязать себе статус жертвы, свободного от комплекса исключительности. <…> Сережа принадлежал к поколению, которое восприняло идею индивидуализма и принцип автономности человеческого существования более всерьез, чем это было сделано кем-либо и где-либо».*[12] Эта «тональность» вкупе с особым довлатовским юмором оказалась довольно близка американской публике, привлекла внимание критики. На первую американскую книгу Довлатова вышло 32 рецензии, а переводы Энн Фридман были оценены отдельно – ее назвали «Лучшим переводчиком года».[13] Большим достижением стало также и то, что на протяжении 80-х годов 10 рассказов Довлатова опубликовали в престижном журнале „The New Yorker“., который славился своим особым юмором и не до этого не печатал никого из русских эмигрантов, кроме Бродского.[14] Но подобный отклик со стороны критиков и читательской аудитории в условиях американского книжного

---

[10] МОРИЯ, А. *Россия встречается с Америкой*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/moria.html

[11] ДОВЛАТОВ, С. 1984. *From USA with love*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/withlove.html

[12] БРОДСКИЙ, И. 1992. *О Сереже Довлатове*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html

[13] ДОВЛАТОВ, С. *Переводные картинки. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 415.

[14] ПАХОМОВА, Н. *Наш человек в «Ньюйоркере»*. Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/pahomova.html

рынка вовсе не означал для писателя безбедное существование. Довлатов был довольно скептически настроен к своему успеху за океаном, он вполне осознавал, что далеко не всем на Западе уготована слава Солженицына и Бродского: *«В Америке меня знают пять тысяч читателей, критиков и журналистов. Книги некоммерческие, «серьезные», расходятся микроскопическими тиражами. Переводные – тем более. Тут уж не до славы. Спасибо, что вообще печатают»*.[15]

В этой связи следует упомянуть следующий детерминирующий фактор бытия писателя-эмигранта – **рыночный**. Под этим фактором мы понимаем весь комплекс влияний и измененных обстоятельств экономического плана, под действием которых оказывается покинувший родину писатель. Наиболее ярко этот фактор проявляется именно в сравнении русско-советской и американской литератур. Одним из главных отличий здесь было положение писателя на социальной лестнице, престижность писательского труда как такового. Российское общество многие века было, по выражению Довлатова, *«литературоцентристским»*, осталось оно таковым и в СССР. На писателей всегда возлагалась особая ответственность, от них всегда ждали ответов на самые животрепещущие вопросы, причем писатели с этой своей ролью смирились также довольно давно. *«В России писатель — это общественная фигура, это целое учреждение, на которое люди смотрят с благоговением и надеждой»*.[16] Советские авторы, писавшие правильные книги, всячески субсидировались государством, обладали многими привилегиями и льготами. Американские литераторы такого положения в обществе естественно не занимали.

Советский литературный «рынок» работал по совершенно иным схемам, нежели его западный аналог. Официальная советская литература была во многом принадлежностью государства. Судьбу того или иного автора решал не читательский спрос, а работники государственных издательств, официальные критики, союзы и объединения писателей. Этот комплекс контрольно-оценочных органов формировал содержание полок книжных магазинов и библиотек СССР. Существование подобной системы определяло самооценку как официальных, так и неофициальных писателей. Если первые были уверены в правильности своего творчества потому, что их печатали, то вторые – потому, что их **не** печатали. Следовательно, «естественный отбор» был вряд ли возможен. В американском литературном рынке главным критерием становится понятие «рентабельности» той или иной книги, которую также во многом

[15] ДОВЛАТОВ, С. *Переводные картинки. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 410.
[16] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Писатель в эмиграции. Собрание сочинение в 4-х томах.* Т. 4. С. 448.

определяли издательства, которых в Америке было в те годы в разы больше. Бóльшее количество издательств давало писателям бóльшие шансы на то, что их произведение увидит свет, но и предопределяло их подход к написанию произведений, который мог меняться в зависимости от «ситуации на рынке».

Интересно сравнить также и мотивацию в отношении писательского труда среди писателей в СССР и США. Не секрет, что в большинстве случаев, помимо стремления высказаться, многие писатели преследовали и материальную выгоду. Разница состояла лишь в том, что в США шанс на определенную прибыль могло получить практически любое более или менее талантливое произведение, то в СССР «материально обеспеченным» мог стать лишь автор идейно и эстетически верный. В одном из своих интервью Сергей Довлатов на вопрос, есть ли разница в писательских стимулах на Западе и в тоталитарном обществе, ответил так: *«В стимулах нет, в противопоказаниях — есть. На родине еще сравнительно недавно вас могли покарать за ваше творчество, да и сейчас еще писать все, что думаешь, там далеко не каждый решится. Но вообще-то и там есть свои преимущества».*[17]

Сергей Довлатов довольно быстро усвоил правила литературного рынка и позаботился о судьбе своего творчества на годы вперед. Подтверждением этому может послужить его литературное завещание, запрещающее переиздавать его ранние произведения, или лично им подготовленный список авторских версий рассказов, или же специальный конверт с фотографиями, которые писатель разрешал использовать в оформлении своих книг.

Последний фактор мы назвали **бытовым**. В него входят такие явления, как условия жизни писателя, место его работы, достаток и т.п. В Нью-Йорке Довлатов поселился в эмигрантской части района Квинс, на 108-й улице, среди своих бывших соотечественников. Американский стиль жизни Довлатов вряд ли перенял, но о Нью-Йорке он отзывался положительно, искренне полюбил этот город и «до смерти» не собирался из него уезжать, считая сложившуюся за океаном социально-экономическую систему наиболее приемлемой и «пригодной для жизни». Жить лишь на доходы от своих произведений он не мог: *«в Америке успех и слава — не одно и то же. Успех и деньги — не синонимы».*[18] Все годы, прожитые в эмиграции, ему приходилось заниматься журналистикой. Довлатов стал одним из инициаторов создания газеты

[17] ДОВЛАТОВ, С. *Писатель в эмиграции. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 459.
[18] ДОВЛАТОВ, С. *Переводные картинки. Собрание сочинение в 4-х томах*. Т. 4. С. 405.

«Новый Американец», ставшей на некоторое время рупором третьей волны эмиграции, сотрудничал также с радио «Свобода».

Все пять упомянутых нами факторов – это, естественно, не автономные конструкты, каждый из них так или иначе находится в связи в другим. На наш взгляд, подобная систематизация разного рода влияний, окружающих писателя-эмигранта, позволит глубже осознать специфику литературного творчества «в изгнании». Причем эта концепция нам видится универсальной, применимой к самым разным авторам. В дальнейшем мы планируем продолжить изучение данной проблематики за счет привлечения нового материала.

Использованная литература:

БРОДСКИЙ, И. 1992. *О Сереже Довлатове*. [online] [цит. 03.06.2012] Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html

ДОВЛАТОВ, С. 1984. *From USA with love*. [online] [цит. 02.06.2012] Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/withlove.html

ДОВЛАТОВ, С. 1984. *Будущее русской литературы в эмиграции*. [online] [цит. 07.06.2012] Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/budusch.html

ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Собрание сочинений в 4-х томах.* Т. 4. Санкт-Петербург: «Азбука-классика», 2011. 481 с. ISBN 978-5-389-02259-1.

МОРИЯ, А. *Россия встречается с Америкой*. [online] [цит. 02.06.2012] Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/moria.html

ПАХОМОВА, Н. *Наш человек в «Ньюйоркере»*. [online] [цит. 07.06.2012] Доступно в Интернете: http://www.sergeidovlatov.com/books/pahomova.html

(NE)KOREKTNOSŤ TVORBY VLADIMÍRA SOROKINA[1]

Mgr. Zuzana Lorková

Univerzita Komenského v Bratislave

zlorkova@gmail.com

РЕЗЮМЕ:

Темой данного доклада является вопрос (не)корректности творчества современного русского писателя Владимира Сорокина. Автор статьи занимается этой проблемой с теоретической точки зрения и приводит основные определения ключевых терминов относящихся к теме (не)корректности исходя из работ известных словацких и русских лингистов и литературоведов. Теоретические знания дополняет конкретными примерами (не)корректностей из творчества В. Сорокина, в которых можно наблюдать за «фирменными» методами и принципами.

Tvorba súčasného ruského spisovateľa Vladimíra Sorokina (1955) bola a dodnes je jeho odporcami zatracovaná a označovaná za nekorektnú a vulgárnu. Odpor voči jeho tvorbe a osobe dokonca vyústil do smutne známeho pálenia jeho kníh na námestí v Moskve či do metaforického splachovania kníh v gigantickej toalete, nehovoriac o súdnom konaní v súvislosti s obvinením zo šírenia pornografie.

Na druhej strane faktom ostáva, že spolu s Viktorom Pelevinom (1962) či Viktorom Jerofejevom (1947) patrí medzi najpredávanejších súčasných ruských spisovateľov a jeho popularita v posledných rokoch stále stúpa. Okrem iného Sorokinove diela neustále inšpirujú ruských umelcov, ktorí spracovávajú námety a témy z jeho tvorby vo filmoch či divadelných hrách. Dôkazom záujmu o jeho diela môžu poslúžiť aj viaceré literárne ocenenia v Rusku aj v zahraničí.

Vladimír Sorokin debutoval ako spisovateľ v roku 1985 v Paríži s novelou *Rad* («Очередь» – 1983[2]), po ktorej nasledovali mnohé významné diela, ako napríklad, *Norma* («Норма» – 1979-1983), *Tridsiata Marinina láska* («Тридцатая любовь Марины» – 1982-1984), *Román* («Роман» – 1985-1989), *Srdcia štyroch* («Сердца черырех» – 1991,

[1] Príspevok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA č. V-11-090-00.

[2] Dátumy, ktoré sú uvedené rovnako aj pri ďalších dielach sú roky vzniku daného diela, ktoré nie vždy a najmä do roku 1991 nezodpovedajú rokom publikácie daných diel.

slovenský preklad – 2009), *Nebeskymodrá slanina* («Голубое сало» – 1999), *Opričníkov deň* («День опричника» – 2006, slovenský preklad 2008) či *Metelica* («Метель» – 2010).

V priebehu takmer tridsiatich rokov Sorokinovej spisovateľskej kariéry prešla jeho tvorba niekoľkými vývinovými etapami, napriek tomu „ostal verný“ viacerým pre neho charakteristickým postupom, ktoré sú v každom diele do väčšej či menšej miery zastúpené. A práve v týchto postupoch, podľa nášho názoru spočíva otázka (ne)korektnosti jeho tvorby, čo je ústrednou témou tohto príspevku.

Čo je to korektnosť?

Nakoľko je pojem korektnosť kľúčovým termínom danej práce je nevyhnutné ho definovať, opierajúc sa o niektoré základné slovníky či príručky, existujúce nielen v slovenskom, ale aj v ruskom kultúrnom priestore, keďže analyzujeme tvorbu ruského spisovateľa.

Korektnosť[3]	- vlastnosť toho, kto je korektný, čo je korektné; čo zodpovedá platným ustáleným **normám**, zásadám, slušnému správaniu; - zhoda so skutočnosťou, pravdou, správnosť.
Корректность[4]	- тактичность в обращении с людьми; вежливость, учтивость. - Точность, правильность, четкость. Например, корректность доказательства, корректность перевода.

Vychádzajúc z dvoch uvedených definícii budeme vnímať korektnosť ako všeobecne aplikovateľnú vlastnosť spoločnosti/jazyka/literatúry, teda všetkého, čo podlieha určitým zásadám a normám určeným spoločnosťou, v ktorej daný objekt funguje. Druhý význam daného pojmu, synonymom ktorého je presnosť, zhoda nebude tak podstatný, najmä ak pohybujeme na úrovni umeleckej literatúry, kde je táto stránka veľmi diskutabilná.

V slovenskej definícii korektnosti v prvom význame sa uvádza pojem norma (zodpovedajúci platným normám...), ktorý je tiež pomerne široký a aplikovateľný na rôznych úrovniach. Bude však kľúčovým pre analýzu, preto považujeme za nevyhnutné zadefinovať si ho na všeobecnej úrovni:

Norma[5]	- záväzné pravidlo (vynucované predpismi, zvykom a pod.); ich súbor;

[3] JAROŠOVÁ, A. – BUZÁSSYOVÁ, K. 2011. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. H-L. (2.zv.). Bratislava: Veda, 2011. S. 738. ISBN 978-80-224-1172-1
[4] Dostupné na internete: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/24278, [05.08.2012]
[5] Dostupné na internete: http://slovniky.korpus.sk/?w=norma&c=r185, [25.07.2012]

	- súbor jazykových zákonitostí kolektívne pociťovaných ako záväzné.
Норма[6]	- узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-н.; - установленная мера, средняя величина чего-н.

Normu vo všeobecnosti môžeme teda vnímať ako súbor určitých záväzných pravidiel, fungujúcich v konkrétnej kultúre, spoločnosti či subkultúre.

Jazyková korektnosť

Prejdime však zo všeobecnej úrovne na konkrétnu – teda na úroveň literatúry, kde sa na korektnosť a normy treba pozrieť zrejme trocha z iného uhľa pohľadu (čo bez pochýb u Sorokina platí a vysvetlíme si to nižšie).

Keďže základným nástrojom umeleckého diela je slovo a jazyk, zadefinujeme si normu v oblasti jazyka. Na úrovni umeleckej literatúry môžeme hovoriť o jazykovej korektnosti/norme, chápanie ktorej sme opäť podložili definíciami zo slovenských a ruských slovníkov a príručiek:

Jazyková norma[7]	- súbor pravidiel o používaní jazyka vo verejnom styku, spravidla sa opiera o vývinovú logiku jazyka a obsahuje aplikačné pravidlá každodennej reči vo verejnom styku, a to gramatické (lexika, syntax) aj formálne (žánre, logika, sémantika); - v prenesenom význame – označenie záväznejšieho či nejakým spôsobom vynúteného používania estetického kánonu atď.
Языковая норма[8]	- совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации.

Jazykovú normu môžeme teda vnímať ako súbor pravidiel v používaní jazyka vo verejnej komunikácii, ktorá sa riadi istou logikou reči s ohľadom na gramatické pravidlá, dodržiavanie formálnych atribútov atď. Opodstatnenosť jazykovej normy v umeleckej literatúre je však diskutabilná. Z histórie vieme, spisovatelia a umelci sa svojím spôsobom snažili vyhýbať akýmkoľvek pravidlám, vedome ich narúšali, neobmedzovali sa v rámci tvorivej činnosti. V rámci skúmania umeleckej literatúry je však dôležitý druhý význam

[6] ОЖЕГОВ, С. И. 2006. *Словарь русского языка.* Москва: «Русский язык», 1983. С. 369.
[7] VALČEK, P. 2006. *Slovník literárnej teórie*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2006. S. 246. ISBN 80-89222-09-9
[8] Доступно в Интернете: http://ped_recheved.academic.ru/290/Языковая_норма, [01.08.2012]

jazykovej normy v slovenskej definícii – záväzné a vynútené používanie estetického kánonu. Táto záväznosť estetického kánonu sa uplatňovala v umení relatívne nedávno a umelci si nemohli dovoliť slobodne tvoriť. V súvislosti s týmto neopomenieme obdobie „riadeného“ umenia, teda obdobie socialistického režimu, kedy sa umelci pridržiavali stanovených podmienok a mali vymedzené témy, formu, obsah a iné atribúty, ktoré muselo výsledne umelecké dielo spĺňať pravda, ak chceli byť na výslní[9]. Dnešní autori sa vo svojej tvorbe istým spôsobom snažia/snažili vyrovnať s týmto obdobím rôznym prístupmi a sloboda v umení po roku 1989 priniesla so sebou nové pohľady na literatúru a experimenty na všetkých úrovniach umeleckého diela.

„Literárna korektnosť“

Vráťme sa ale späť k skúmanému problému korektnosti a normy v literatúre. V predchádzajúcom výskume sme sa zaoberali viacerými otázkami normatívnosti/normovanosti a „korektnosti“[10] literatúry a dospeli sme k názoru (rovnako ako sme uviedli pri probléme jazykovej normy), že „literárnu korektnosť“, najmä z pohľadu súčasnej literárnej kritiky a vedy môžeme definovať nasledujúcim spôsobom:

Literárna „korektnosť“	- súbor pravidiel v umeleckej literatúre; súlad s funkciami umeleckého textu, literárnym štýlom, jazykom umeleckej literatúry, žánrovo-estetickým podvedomím kultúrneho areálu; - v umeleckej literatúre sú normy benevolentnejšie, nakoľko dôležitú úlohu zohráva estetická funkcia; cielené narušenie normy, je prípustné, pokiaľ má svoj význam a funkciu; - každé pravé literárne dielo je svojrázne a jedinečné a snaží sa svojím spôsobom vyhnúť norme alebo ju inovovať.[11]

Vychádzajúc z vyššieuvedeného môžeme skonštatovať, že v umeleckej literatúre je nosným pilierom práve súlad s funkciami umeleckého textu a estetickým povedomím daného kultúrneho priestoru – estetického kánonu.

Estetický kánon[12]	- „Slohotvorný štandard alebo norma literárnej komunikácie či kultúry, typ kódu, ktorý zabezpečuje účastníkom príslušného

[9] Umenie, ktoré nespĺňalo tieto podmienky, teda bolo nekonformným, prirodzene existovalo. V literatúre v súvislosti s tým hovoríme o samizdate (teda alternatívnej, undergroundovej, priečinkovej literatúre) či tamizdate (teda exilovej alebo emigrantskej literatúre).
[10] Pojem korektnosť zámerne uvádzame v úvodzovkách, nakoľko je v dnešnej dobe skutočne diskutabilné a pomerne subjektívne, čo je v literatúre korektné a čo už prechádza za jej hranice, najmä ak sa pozrieme na tvorbu postmodernistov.
[11] HARPÁŇ, M. 2004. *Teória literatúry*. Bratislava: Tigra, 2004. S. 15. ISBN 80-88869-36-6
[12] VALČEK, P. *Slovník literárnej teórie*. S. 92.

	kultúrneho areálu vzájomné porozumenie aj pri obsahovej interpretácii literárnej formy ako estetického objektu ...“
Эстетический канон[13]	- сложное явление, представляющее собою совокупность содержательных и формальных средств, закрепленных в целом ряде произведений художественной литературы, относящихся к одной и той же традиции и действующих в определенных хронологических рамках.

Estetický kánon má byť teda istou formou kódu, ktorá zabezpečí vzájomné porozumenie medzi autorom a prijímateľom/recipientom diela, teda čitateľom, pochopenie autorovho zámeru pri obsahovej interpretácii literárneho diela.

V tomto bode prichádzame k jadru skúmaného problému – porozumeniu či neporozumeniu zámerov V. Sorokina a ich možnej dezinterpretácii zo strany čitateľov. Aby sme sa presunuli z roviny všeobecnej a teoretickej, pozrime sa na vybrané ukážky zo Sorokinovej tvorby, ktoré môžu byť považované za „nekorektné“ či už jazykovo alebo literárne/esteticky a pokúsime sa zdôvodniť neprijatie či až nevraživosť voči autorovi zo strany istej časti milovníkov umeleckej literatúry.

Sorokinova nekorektnosť alebo šoková terapia

1. „Znesvätenie“ kultúrnych hodnôt:

> «Хрущев медленно раздевал Сталина, лежащего на огромной разобранной кровати. (...) – Этот запах твоего одекалона... – Сталин гладил смуглую скулу Хрущева. – Я еще не устал сходить от него с ума.
> - Я рад, мальчик мой, что хоть чем-то способен удивить тебя. – Хрущев полностью расстегнул сорочку Сталина...»[14]

Vybraný úryvok textu je z diela *Nebeskymodrá slanina* a opisuje intímnu chvíľu medzi dvomi významnými postavami politického života Ruska v 20. storočí, považovanými svojho času za „nedotknuteľných“ a slepo uznávanými zo strany širokých más. Domnievame sa a dokumentuje to aj literárny kritický ohlas textu, že mnohých čitateľov pohoršilo nielen zneuctenie politických velikánov, ale aj tematizácia homosexuálneho aktu, keďže už len pohlavný styk bol v oficiálnej ruskej literatúre a kultúre vôbec počas bývalého režimu

[13] ПОРХОМОВСКИЙ, В. Я. – СЕМЕНЮК, Н. Н. 2006. *Языковая норма и эстетический канон*. Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 12. ISBN 5-9551-0142-X
[14] СОРОКИН, В. 2002. *Голубое сало*. Москва: «Ад Маргинем», 2002. С. 256. ISBN 5-93321-004-8

absolútnym tabu a homosexualita trestným činom. Dodnes je táto otázka propagandy homosexuality horúcou témou, ktorá sa rieši aj na najvyššej úrovni – v ruskom parlamente a v niektorých regiónoch sa pracuje na schválení zákazu prejavu intímností medzi homosexuálnymi pármi na verejnosti a vôbec zákazu propagácie homosexuality.

Z nášho pohľadu však ide o zámernú autorovu hru a experiment, ktoré by mali u čitateľa vyvolať smiech. Do istej miery to môže byť odkaz na prehodnotenie morálnych noriem v spoločnosti, ktorá v mnohom funguje akoby v tradičnom mode.

2. Absencia logiky príbehu, rozhovorov, konania „hrdinov“:

> «Старухин резко встал со стула, оперся руками о стол со всего маха ударился лицом о стол.
> - Прорубоно... про... прорубоно... – произнес он, ворочаясь на столе.
> Урган покачал головой и забормотал быстро-быстро, едва успевая проговаривать слова:
> - Ну, если говорить там о технологии прорубон, о последовательности сборочных операций, о взаимозаменяемости деталей и почему же как прорубоно ...»[15]

Nelogickosť/nepochopiteľnosť činov a dialógov či monológov jednotlivých hrdinov nie je v danom prípade spôsobená, vytrhnutím úryvku z kontextu. „Hrdinovia“ V. Sorokina v mnohých dielach postupujú tak často a v mnohých prípadoch sa čitateľ ani na konci príbehu nedozvie dôvod ich konania a podstatu vzájomnej komunikácie medzi hlavnými postavami. Uvedený úryvok je z textu *Zasadanie závodného výboru*.

Túto nelogickosť by sme si mohli opäť vysvetliť ako kritiku spoločnosti (zrejme najmä tej ruskej počas bývalého režimu a nielen), v ktorej častokrát ľudia konali a konajú neuvážene a nelogicky. Toto nelogické správanie v mnohých Sorokinových dielach prerastá do absurdných násilností a zvrhlostí, čo môžeme vnímať ako metaforu nezmyselného násilia páchaného na obyvateľoch v spomínanom období.

3. Tematizácia zvrátenosti, deviácií, ... :

Postup tematizácie rôznych typov zvrhlostí je typický pre viacerých postmoderných autorov. V. Jerofejev v súvislosti s tým hovorí o mŕtvom slove: „Možno ho veľmi pozorne upraviť, ale len veľmi ťažko oživiť. Ruské slovo sovietskeho obdobia, ktoré sa mnohokrát

[15] СОРОКИН, В. 2001. *Первый субботник*. Москва: «Ад Маргинем», 2001. С. 53. ISBN 5-93321-024-2

ukázalo ako korisť lživých ideálov, falošného nadšenia, sľubov a hesiel, sa do 70. rokov prepracovalo už ako zdiskreditované slovo-múmia, slovo-prízrak.“[16]

« - Мам, а зачем ты какашки ешь?

- Это не какашка. Не говори глупости. Сколько раз я тебе говорила?

(...)

- Ну это, чтоб тоже лечится от чего-нибудь?

- Не совсем. Это сложнее гораздо. Вот когда во второй класс пойдешь, тогда расскажу.

- Аааа, я знаю! Это как профилактика? Уколы там, пирке разные? Эт тоже больно, но все делают.

- Да нет... хотя, может быть ... ты ешь лучше, не зевай ...

- А я, когда вырасту, тоже норму есть буду?

- Будешь, будешь. Доедай рис.»[17]

Azda najlepším príkladom tematizácie pojmu „normy“ je už spomenuté dielo *Norma* (1979-1983). Obyvatelia ZSSR, nezávisle od svojho spoločenského postavenia, vierovyznania, sexuálnej orientácie, vzdelania či životnej filozofie dostávajú pravidelne svoj prídel normy a poslušne ho konzumujú. Čitateľovi spočiatku nie je celkom jasné, čo konkrétne predstavuje daná „norma“ a z akého dôvodu ju konzumujú. Postupne však príde na to, že to nie je nič iné ako exkrementy detí z predškolského výchovného zariadenia. Domnievame sa, že túto normu možno interpretovať ako kritickú metaforu nezmyselností, ktoré bývalý režim vnucoval obyvateľom. Tí to pasívne, bez protestu prijímajú a nezamýšľajú sa nad dôvodmi a významom tejto „normy“.

Je teda Sorokinova tvorba „korektná“?

Už pri pohľade na uvedené ukážky textov V. Sorokina je možno skonštatovať, že jeho tvorba nie je „oddychové čítanie“ na pláž. Je to komplex nových, niekedy až provokačných pohľadov na funkcie a podobu literatúry v spojení s experimentom na všetkých úrovniach literárneho diela, čo je typické pre súčasných autorov nielen v Rusku.

Položme si teda otázku či je tvorba V. Sorokina „korektná“ v kontexte ruskej literatúry? Ak vychádzame z teoretických predpokladov (korektnosť, norma, jazyková norma, estetický kánon), ktoré sme si v úvode práce definovali, a z tvrdenia, že estetické emócie ako „súhrn zmyslových zážitkov a motivačných emócií, spojených s vyhraneným subjektívno-citovým prežívaním“[18] nemusia byť výlučne pozitívne, domnievame sa, že Sorokinova tvorba

[16] JEROFEJEV, V. 2005. *Ruské kvety zla*. Bratislava: Belimex, 2005. S. 19. ISBN 80-89083-78-1
[17] СОРОКИН, В. 2002. *Норма*. Москва: «Ад Маргинем», 2002. С. 52-53. ISBN 5-93321-032-3
[18] VALČEK, M. *Slovník literárnej teórie.* S. 93.

môže byť považovaná za korektnú. Nesie základné prvky umeleckej literatúry s odchýlkami od bežného jazykového úzu, narúša gramatické pravidlá v jazyku a logiku textu, tematizuje rôzne aspekty života v Rusku, nielen počas minulého režimu, spochybňuje zaužívané morálne hodnoty a tradície v spoločnosti, experimentuje s jazykom a témami atď., na čo všetko čitateľ či už pozitívne alebo negatívne reaguje. Preto je zrejmé, že vnímanie tvorby V. Sorokina môže byť veľmi subjektívne, v závislosti od toho, čo čitateľ v dnešnej dobe očakáva od literatúry, aké funkcie by podľa neho mala napĺňať (vzdelávať, zabávať, podnietiť k novým pohľadom a prehodnoteniu zaužívaných stereotypov atď.), čo je podstatou literatúry. Tá sa totiž tak ako ľudská spoločnosť alebo jazyk nemôže vyhnúť udalostiam, ktoré so sebou prinášajú zmeny súradníc spoločenského diania, globalizujúce a antiglobalizujúce tendencie.

Použitá literatúra:

ОЖЕГОВ, С. И. 1983. *Словарь русского языка*. Москва: «Русский язык», 1983. 816 с.

ПОРХОМОВСКИЙ, В. Я. – СЕМЕНЮК, Н. Н. 2006. *Языковая норма и эстетический канон*. Москва: Языки славянских культур, 2006. 336 с. ISBN 5-9551-0142-X

СОРОКИН, В. 2002. *Голубое сало*. Москва: «Ад Маргинем», 2002. 350 с. ISBN 5-93321-004-8

СОРОКИН, В. 2002. *Норма*. Москва: «Ад Маргинем», 2002. 393 с. ISBN 5-93321-032-3

СОРОКИН, В. 2001. *Первый субботник*. Москва: «Ад Маргинем», 2001. 308 с. ISBN 5-93321-024-2

HARPÁŇ, M. 2004. *Teória literatúry*. Bratislava: Tigra, 2004. 286 s. ISBN 80-88869-36-6

JAROŠOVÁ, A. – BUZÁSSYOVÁ, K. 2011. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. H-L. (2. zv.). Bratislava: Veda, 2011. 1134 s. ISBN 978-80-224-1172-1

JEROFEJEV, V. 2005. *Ruské kvety zla*. Bratislava: Belimex, 2005. 413 s. ISBN 80-89083-78-1

VALČEK, P. 2006. *Slovník literárnej teórie*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2006. 351 s. ISBN 80-89222-09-9

Internetové zdroje:

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/24278, Dostupné na internete: [05.08.2012]

http://slovniky.korpus.sk/?w=norma&c=r185, Dostupné na internete: [05.08.2012]

http://ped_recheved.academic.ru/290/Языковая_норма, Dostupné na internete: [05.08.2012]

http://srkn.ru, [05.08.2012]

TRANSLATOLOGICKÁ SEKCIA

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Mgr. Martina Kotásková

Univerzita Palackého v Olomouci

martina.kotaskova@gmail.com

ABSTRACT:

This contribution is devoted to the issue of translating idioms. After general introduction, the text will be focused on different ideas and approaches to translation of idioms, and it will try to answer the question, whether it is more suitable to translate idioms by the use of another idioms, or whether to use non-phraseological translation. After that this work will summarize four basic options of translating idioms, while using the classification of S. Vlachov and S. Florin, also the classification of M. Hrdlička will be mentioned. In the last part of this work the theoretical knowledge will be demostrated on practical examples from my own translation of novel ,,Double Surname“ written by Dina Rubina and novel ,,Marina“ written by Mikhail Veller.

Перевод фразеологических единиц традиционно считается большой проблемой при переводе художественной литературы, а также важным критерием, по которому можно судить о качестве перевода. Дело в том, что фразеологизмы, в некоторых случаях, носят национально-специфический характер, они могут вызывать коннотации, связанные с жизнью данного народа. Поэтому им уделяется большое внимание как в ходе самого перевода, так и в теории перевода.

В данной статье представлены разные подходы к переводу фразеологических единиц, приведены разные классификации и возможные приемы перевода фразеологизмов.

Вообще можно сказать, что «*в ходе перевода фразеологизмов часто надо не переводить, а подставлять, заменять тем, что говорят в данной ситуации в данном языке»*[1]. С тем, что фразеологизмы нельзя переводить по компонентам, а следует переводить их как единое целое, теоретики перевода согласны. Однако, о конкретном способе и методе перевода ученые до сих пор спорят.

С одной стороны, многие лингвисты считают, что наиболее подходящим

[1] KUFNEROVÁ, Z. et al. 2003. *Překládání a čeština.* Jinočany: H&H, 2003. S. 85. ISBN 80-85787-14-8. Перевод М. Котаскова.

переводом фразеологической единицы является перевод при помощи другой фразеологической единицы, поскольку при ином способе перевода происходят потери экспрессивности или другие сдвиги в переводе.

С другой стороны, существуют иные мнения, которые заключаются в том, что перевод фразеологизма фразеологизмом является не всегда уместным. Согласно некоторым лингвистам, перевод фразеологической единицы при помощи другого фразеологизма вызывает сдвиги или потери в переводе.

Т. Ядловский, например, считает, что большинство фразеологических единиц в своих коннотациях связано с данным народом, и, следовательно, употребление фразеологического эквивалента приводит к потере данной окраски. Поэтому Ядловский рекомендует использовать прием компенсации, позволяющей сохранить все важные переводческие аспекты: *«В определенных контекстах данный прием может быть даже более выгодный, чем использование такой аналогичной фраземы, значение которой по сути соответствует оригиналу, но имеет избыточный оттенок значения. Также вышеуказанный прием лучше, чем использование эквивалентов или аналогов, воспринимаемых как иначе стилистически окрашенных по сравнению с оригиналом (например, выражения устаревшие, диалектные или слэнговые)».*[2]

Следует заметить, что существуют и единицы, у которых в языке перевода эквивалента нет. Речь идет о т. н. безэквивалентных фразеологизмах. *«Они являются «собственно» национальными идиомами. Как правило, они не только своей образностью, но и обозначаемыми ими реалиями столь крепко привязаны к конкретному языку, что отрыв от национальной почвы приводит к их полному разрушению».*[3] У каждого из этих выражений имеется своеобразная история, которую очень трудно передать на языке перевода. Имеется несколько рекомендуемых приемов их перевода, например, при помощи калькирования, описания с компенсацией на другом месте в переводе или при помощи лексической единицы. Однако, во всех случаях происходят потери. Доля безэквивалентной фразеологии в Русско-чешском фразеологическом словаре[4] Л. Степановой приблизительно 10 %.

Вышеуказанные мнения отражаются также в переводческих классификациях

---

[2] JADLOVSKÝ, T. 2009: *K překladu frazémů bez slovníkových ekvivalentů (na příkladu češtiny a ruštiny).* Opera Slavica 4/2009. S. 11. ISSN 1211-7676. Перевод М. Котаскова.

[3] МОКИЕНКО, В. – СТЕПАНОВА, Л. 2008. Оломоуц: *Руска фразеологие про Чехи*, 2008. С. 38. ISBN 978-80-244-1916-9

[4] STĚPANOVA, L. 2007. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 978-80-244-1750-9

фразеологических единиц. Классификации использованных в ходе перевода эквивалентов фразеологизмов были разработаны многими теоретиками, их можно найти, например, у М. Грдлички или болгарских теоретиков С. Влахова и С. Флорина. Работа С. Влахова и С. Флорина различает четыре возможности перевода фразеологических единиц, а именно:

1) перевод при помощи **фразеологического эквивалента** в языке перевода:
   это фразеологизм на языке перевода, по всем показателям равноценный переводимой единице. Данные фразеологизмы имеют тождественную структуру, образную основу и переносное значение, одинаковое функционально-стилистическое экспрессивное воздействие. Они характеризуются также отсутствием национального колорита.
   (глухой как пень – hluchý jako pařez)
2) перевод при помощи **частичного эквивалента** в языке перевода:
   частичными эквивалентами являются единицы, которые при тождестве внутренней формы и семантики отличаются или по структуре, или по сочетаемости, по большому или меньшему количеству компонентов, или другим показателям, которые вытекают из грамматической системы языка перевода
   (владеть собой – mít nad sebou kontrolu)
3) перевод при помощи **относительного эквивалента**:
   относительными эквивалентами называются фразеологизмы с частичной заменой образности при тождестве семантики (смотреть как баран на новые ворота – hledět jako tele na nová vrata).
4) перевод при помощи **индивидуального фразеологизма**:
   данный прием переводчик использует, если не находит соответствующий фразеологический эквивалент в языке перевода. В данном случае переводчик должен прибегнуть к словотворчеству, образованию нового, «своего» фразеологизма. Такие фразеологизмы обладают показателями обычной фразеологической единицы, за исключением важнейшего показателя – они невоспроизводимы, так как маловероятно, что данный перевод закрепился бы за данной единицей настолько, что бы вошел в язык. Поэтому здесь теоретики говорят скорее о контекстуальном переводе.[5]

[5] ВЛАХОВ, С. – ФЛОРИН, С. 1986. *Непереводимое в переводе*. Москва: Высшая школа, 1986. С. 233-238.

Исходя из вышеуказанного, можно констатировать, что болгарские теоретики согласны с тем, что при переводе фразеологических единиц необходимо использовать – если имеется – эквивалент фразеологический. Однако, они не абсолютизируют это правило, а только считают, что к такому переводу нужно стремиться в первую очередь.

Среди классификаций фразеологических единиц с переводческой точки зрения стоит упомянуть классификацию М. Грдлички, разработанную на русско-чешском языковом материале. Автор различает типы эквивалентов, и, ссылаясь на вышеуказанных болгарских теоретиков, выделяет следующие типы эквивалентов при переводе фразеологизмов: фразеологические эквиваленты, неполные фразеологические эквиваленты, относительные фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги[6]. Следовательно, опять можно констатировать, что работа Грдлички считает перевод фразеологизма фразеологизмом наиболее подходящим.

Познакомившись с вышеуказанными теориями, я полностью согласна с тем, что переводчик должен стремиться в первую очередь к переводу фразеологизма в исходном языке соответствующей фразеологической единицей в языке перевода. Данный прием является более сложным, чем перевод нефразеологический, поскольку отыскать подходящую фразеологическую единицу, сохраняющую все аспекты исходной единицы (не только семантические, но и коннотативные, а также стилистическую окраску), бесспорно, требует от переводчика отличного знания обоих языков, и, кроме того, это вопрос таланта и мастерства. Если, однако, переводчику удастся справиться с этой задачей успешно, это способствует более высокому качеству перевода. Поэтому в ходе своей переводческой работы я сосредотачиваю внимание прежде всего на переводе фразеологическом, и лишь в тех случаях, когда невозможно найти подходящий фразеологический эквивалент (или из-за его отсутствия, или из-за сильной национально-стилистической окраски), я использую прием компенсации.

Проблематикой перевода фразеологизмов я занималась в ходе перевода рассказов Михаила Веллера «Марина» и Дины Рубиной «Двойная фамилия». Таким образом, нижеуказанные примеры взяты из произведения Рубиной «Двойная фамилия». В переводимом рассказе я использовала оба эти подхода – перевод фразеологический и перевод нефразеологический. В данном произведении находятся 32 узуальные

[6] HRDLIČKA, M. 2003. Frazeologie jako problém překladatelský. In*: Parémie národů slovanských: sborník příspěvků z mezinárodní konference.* Ostrava: Filozofická fakulta Ostravskej univerzity, 2003. S. 149-152. ISBN: 80-7042-622-5.

фразеологические единицы.

Из 32 фразеологизмов, в подавляющем большинстве (т.е. у 25 единиц) можно было использовать эквивалент фразеологический, ср.:

- не кот начихал — nejsi žádný béčko

  По химии тоже трояк, но более жизнеспособный... Знаешь, сказал я ему, сам удивляюсь, в кого я такой тупой? Все-таки мать - конструктор, баба толковая, ты у меня вообще: не кот начихал, изобретатель с медалями, три кило патентов. А я как увижу эти ряды формул, так мне тошно становится, вот здесь, под ложечкой.

  Z chemie mám taky trojku, ale s tou by se snad dalo něco dělat. Víš, řek jsem mu, sám se divím, po kom jsem tak tupej? Máti je konstruktérka, chytrá baba, a ty taky nejsi žádný béčko, vynálezce s vyznamenáníma, milion patentů.

- плевать в потолок — válet si šunky

  А никем не хочу... Нет, правда, никем не хочу быть. Ну, ты меня серьезно спрашиваешь, а я серьезно отвечаю. Нет, ты не так понял. Не в смысле - плевать в потолок.

  Ničím. Ne, fakt, nechci bejt ničím. Ptáš se mě vážně, a já ti vážně odpovídám. Ale ne, tys mě nepochopil. Ne že si budu válet šunky.

- ни к селу ни к городу — bylo to úplně mimo mísu
- совсем не из своей оперы — není to vůbec jeho parketa

  Только я пошутил про этот самый остеохондроз, Виктор вдруг ни с того ни с сего ка-ак шарахнет кулаком по столу и давай нести всякую ахинею: тра-та-та благодарность, тра-та-та уважение к матери, ну ни к селу, ни к городу, а главное, совсем не из своей оперы. Какой-то воспитательный момент из плохой телевизионной киношки.

  A jak jsem si dělal z tý osteochondrózy srandu, Viktor najednou z ničeho nic bouchl pěstí do stolu a začal: bla-bla-bla vděčnost, bla-bla-bla úcta k matce, no bylo to úplně mimo mísu a hlavně to není vůbec jeho parketa. Výchovnej moment jako z nějaký pitomý televizní estrády.

В остальных семи случаях я использовала другой, нефразеологический перевод:

- руки не доходят — není kdy
- беречь открытую рану — je to citlivý místo
- это его хлеб — dyť v tom dělá
- черт бы меня подрал — k sakru
- все они осточертели мне до чертиков — všichni se mi děsně zprotivili
- любовь любовью, а грызня грызней — sice se máme rádi, ale občas se pěkně žerem
- он не лез в душу — nevtíral se

Проблемным оказался перевод следующего фразеологизма:

- руки не доходят — není kdy

  - Да... - она усмехнулась. - Занавески бы повесить, да руки не доходят. Мы скоро съедем, - добавила она.

  „Ach tak," usmála se. „Měla bych si pověsit záclony, ale to víte, není kdy. Brzy odjedeme," dodala.

В данном случае, перевод осложнял тот факт, что речь идет о безэквивалентном фразеологизме. Согласно Русско-чешскому фразеологическому словарю, у данного фразеологизма эквивалента нет. Поэтому словарь предлагает только описательный, т.е. нефразеологический перевод, или же перевод более отдаленным фразеологическим эквивалентом: *„ + nemůže se k čemu dostat, ještě neměl čas na co; co není v čích silách"*[7]. Я решилась на синонимический, но более экономичный и разговорный вариант „není kdy", который, по моему мнению, более верно отображает усталость, безнадежность, смирение женщины в описываемой ситуации.

Как уже было сказано, по некоторым мнениям, данный перевод мог бы привести к определенным потерям, а именно к потерям экспрессивности. Таким образом, нефразеологический перевод должен быть как-то компенсирован, например, при помощи другого фразеологизма в другом месте в переводе. В переводимом рассказе я использовала другой прием компенсации – я добавила экспрессивно окрашенное слово или несколько слов с элементами обиходного чешского языка:

- это его хлеб — dyť v tom dělá
- все они осточертели мне до чертиков — všichni se mi děsně zprotivili
- любовь любовью, а грызня грызней — sice se máme rádi, ale občas se pěkně žerem

Данный перевод можно объяснить необычностью этих фразеологизмов и сложностью их перевода – ни один из данных фразеологизмов не находится ни в Русско-чешском фразеологическом словаре Л. Степановой, ни в других переводческих пособиях, между прочим, по той причине, что данные единицы использованы не в их исходной форме.

В шкале непереводимости, точнее труднопереводимости, фразеологизмы занимают одно из первых мест. С трудностью перевода фразеологических единиц

[7] STĚPANOVA, L. *Rusko-český frazeologický slovník*. S. 655.

сталкивается каждый переводчик художественной литературы.

Как отмечает В. Стракова: *«Фразеологизмы – пряность жизни, и в качестве таковых они не всегда однозначно или легко переносимы в язык перевода. Поэтому переводчик должен или выбирать (если есть из чего), или использовать прием описания, компенсации, образования неологизма и тому подобное».*[8]

Но даже при условии совершенного владения обоими языками – как языком перевода, так и родным языком, при переводе могут возникнуть трудности. Дело в том, что многие писатели употребляют фразеологизмы не в готовом, словарно-выхолощенном виде. Они их часто трансформируют, преобразуют, вкрапливают в контекст. Примером может служить фразеологизм, с которым я столкнулась в ходе перевода рассказа М. Веллера «Марина». Речь здесь идет о ситуации, где главная героина рассказа, Марина, забеременела и старается сделать себе аборт, чтобы избежать кошмарной операции: «*...и с дикой ненавистью, расчетливой злобой подумала о них, которым кататься, не саночки возить. Но и саночки, как известно, бывают разные».* Веллер здесь обыгривают русскую пословицу: «Любишь кататься, люби и саночки возить». В чешском языке, наиболее близкой кажется пословица: «každý špás něco stojí». Использовать ее в оригинальном виде, здесь, однако, нельзя, поэтому я решилась на перевод: «*s divokou nenávistí a chladnou zlobou chvíli myslela na ty, kteří se rádi pobaví, ale neradi platí útratu. Jenže každý špás je jinak drahý».*

Л. Степанова обращает внимание еще на один аспект перевода фразеологизмов. В связи с экспрессивностью данных единиц и расшатыванием нормы, с вульгаризацией языка, в ходе своей работы переводчики все чаще встречаются с бранными словами и выражениями. Как передать вульгаризм на другие языки, если в каждом из них существует своеобразное отношение к вульгаризмам? Важнейшей целью переводчика должно быть создание эквивалентного и адекватного перевода, репродукция идентичной ситуации. В таких случаях, на практике мы часто встречаемся с описательным переводом или использованием словесного эквивалента, при компенсации экспрессивности в другом месте текста. В этих случаях при переводе нельзя полагаться на данные из словарей или других переводческих пособий из-за их быстрого устаревания, необходимыми являются консультации с носителями языка. Вышесказанное можно снова продемонстрировать на примере из рассказа «Марина» М. Веллера:

---

[8] STRAKOVÁ, V. K překládání frazeologie. In: KUFNEROVÁ, Z. et al. 2003. *Překládání a čeština.* Jinočany: H&H, 2003. S. 89. ISBN 80-85787-14-8. Перевод М. Котаскова.

«Да что ты, нормально все, гляди: работа есть? Есть. Жилье есть? Есть. Получка есть? есть. Жена гуляет? так откоммунизди ее так, чтобы следов не оставалось - по животу, по почкам, понял? хочешь, мужика наймем за бутылку, он ее так уделает, что закается гулять, сука! Да заделай ей ребенка, пусть сидит нянчит. Да ничо, Болтяга, держи морду огурцом, не ссы - прорвемся!»
«Co blbneš, vole, v pohodě, hele – máš práci?Máš. Máš kde bydlet? Máš. Dostáváš výplatu? Dostaváš. Žena se ti kurví? Tak ji zmlať! Ale tak, ať není nic poznat – do břicha, do ledvin, chápeš, ne? Jestli chceš, najdem chlápka, který ji za flašku postaví do latě a ona ji přejde chuť, čubku! Nebo jí udělej děcko, ať chová. Klídek, Bolťo, nebuď předposranej. Nějak bude.»

«Перевод фразеологии – дело творческое, оно требует осознания целостности всей системы переводимого текста, всех его функционально-стилистических связей, «интертекстуальных» отношений».[9] Переводчик должен иметь в виду, что фразеологизм в качестве выразительного средства характерен только для некоторых говорящих в обиходных коммуникативных ситуациях, и только для некоторых авторов и персонажей их произведений.

Фразеологизмы оживляют текст, делают его более интересным, поэтому в ходе перевода им нужно уделять большое внимание. Переводчик должен стараться «прочувствовать» описываемую ситуацию, полностью ее себе представить, и на основании этого выбирать эквивалент в языке перевода. Необходимой является работа со словарями, однако, не надо категорически настаивать на употреблении словарных эквивалентов, ср.: *«Первыми сделали стойку на англичан официанты и проститутки»* **(М. Веллер, «Марина»).** Выражение «сделать стойку» на русском в прямом смысле обозначает *«стоять на задних лапках» (о собаке)*, в переносном смысле «подготовиться к работе и стараться максимально угодить кому-либо». Данное решение, однако, является слишком длинным, недостаточно экспрессивным и в таком случае отсутствует дополнительный оттенок значения «корыстолюбие». Поэтому после консультаций с носителями русского языка я перевела предложение следующим образом: *«Číšnice a prostitutky pochopily jako první, že se dá na Angličanech vyrýžovat.»*

Таким образом, переводчик художественной литературы, столкнувшийся с фразеологической единицей, должен все усилия направить на то, чтобы понять, уловить суть фразеологической единицы так, чтобы она как можно более соответствовала оригиналу, и одновременно способствовала читаемости текста на языке перевода,

[9] MOKIENKO, V. – STĚPANOVA, L. 2008. S. 39.

стараться перевести фразеологизм при помощи фразеологизма.

Использованная литература:

ATUP 2004: *Antologie teorie uměleckého překladu* (ed. Hrdlička, M.). Ostrava: Ostravská univerzita, 2004. ISBN 80-7042-667-5

HRDLIČKA, M. 2003. *Frazeologie jako problém překladatelský.* Parémie národů slovanských: sborník příspěvků z mezinárodní konference. Ostrava: Ostravská univerzita. Filozofická fakulta, 2003. ISBN 80-7042-622-5

HRDLIČKA, M. 2005. *Úskalí konotací při translaci frazeologizmů*. Parémie národů slovanských II. Ostrava: Ostravská univerzita. Filozofická fakulta, 2005. ISBN 80-7368-100-5

JADLOVSKÝ, T. 2009: *K překladu frazémů bez slovníkových ekvivalentů (na příkladu češtiny a ruštiny).* Opera Slavica 4/2009. ISSN 12117676

LEVÝ, J. 1998. *Umění překladu.* Praha: Ivo Železný. ISBN 80-237-3539-X

MOKIENKO, V. – STĚPANOVA, L. 2008. Olomouc: Ruská frazeologie pro Čechy, 2008. ISBN: 978-80-244-1916-9

MOUNIN, G. 1999. *Teoretické problémy překladu.* Praha: Univerzita Karlova, 1999. ISBN 80-7184-733-X

KUFNEROVÁ, Z. et al. 2003. *Překládání a čeština.* Jinočany: H&H, 2003. ISBN 80-85787-14-8

SÁDLÍKOVÁ, M. et. al. 2005. *Velký česko-ruský slovník. Большой чешско-русский словарь.* Voznice: Leda ve spolupráci se Slovanským ústavem Akademie věd ČR, 2005. ISBN: 80-7335-048-3

Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1983. Praha: Academia, 1983. ISBN 21-131-83

STĚPANOVA, L. 2007. *Rusko-český frazeologický slovník.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 9788024417509

STRAKOVÁ, V.: K překládání frazeologie. In: KUFNEROVÁ, Z. et al. 2003. *Překládání a čeština.* Jinočany: H&H, 2003, s. 85 - 89. ISBN 80-85787-14-8

VENCLOVSKÁ, M. et. al. 2002. *Rusko-český slovník. Русско-чешский словарь.* Voznice: Leda, 2002. ISBN 80-85927-99-3

ВЕЛЛЕР, М. 2000. *Легенды Невского проспекта.* СПб: ОЛМА-ПРЕСС. 2000. ISBN 5-7654-0729-3, 2000. ISBN 5-224-01126-4

ВЛАХОВ, С., ФЛОРИН, С. 1986. *Непереводимое в переводе*. Москва: Высшая школа. (ISBN не приводится)

РУБИНА, Д. 2009. *Двойная фамилия.* ЭКСМО, 2009. ISBN 978-5-699-39060-1

HISTORICKO-KULTÚRNA SEKCIA

ЖЁНЫ ДЕКАБРИСТОВ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ

Szilvia Nagy

Univerzita Lóránda Eötvösa v Budapešti

szlvnagy4@gmail.com

ABSTRACT:

Its worth mentioning that the research of the Decembrist wives' lives is fraught with moral problems which are difficult to solve from our perspective or even with the help of historiographic methods. A good example for this is the imperial power's conciously generated dilemma whether the Russian women's decision – giving up raising and educating their children for the sake of their husbands – could be considered morally acceptable. Clearly, resolving this dilemma is not easy – neither from the wives' nor from the power's perspective. It is not at all obvious which moral law is superior to the other: the norm of sacrificing oneself by holding on to one's spouse 'for better and for worse' even amongst the toughest living conditions; or the parent's duty to do anything for his or her child's well-being, harmonious development and proper education. However, it is also important to highlight that the Decembrist wives had to resolve a dilemma which was generated by the imperial power itself by forbidding the children's Siberian departure. The power's moral status is also unclear – it is undeniable that the primary motivations in this latter decision were political vengeance and the desire to make the Decembrists'and their families' lives more difficult since they revolted against the Tsarist autocracy. Nevertheless, the power's rigid attitude cannot be considered fully irrational because keeping the children at home – regardless of the motives behind the decision – was in their best interest. It is enough to think about the cruel conditions their parents had to face in exile.

However, it is probably not the duty of historiography to take sides in such moral dilemmas; therefore, in my thesis, I did not attempted to confront this moral aspect – my main purpose was to outline the Decembrist wives' controversial situation and to reconstruct the different paths they chose in their respective positions.

Судьба знаменитых жен декабристов, их решение последовать за своими мужьями в сибирскую ссылку и ради этого по собственной воле отказаться от своего социального положения и даже от детей, рожденных в европейской части России, издавна стало частью исторического сознания русского общества и неотделимо от истории декабристского движения. Однако, если количество работ о декабризме огромно, то специальных работ о женах декабристов очень мало[1], как правило исследователи

[1] Выделю работы: ПОКРОВСКИЙ, В. И. (составитель). 1906. *Жены декабристов*: *Сборник историко-бытовых статей*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 298 с.; ПАВЛЮЧЕНКО, Э. А.

касаются этой темы в работах, посвященных иной проблематике: декабризму вообще, гендерной тематике или изучению культурных процессов.[2] С течением времени сложилось твердое представление о поступке жен декабристов как нравственном подвиге. Частью этого стабильно сохраняющегося представления является и мысль, что поступок этих русских женщин отражал сочувствие значительных кругов русского общества к движению декабристов, означал протест против царского режима, таким образом они как бы тоже становились частью декабристского движения, подвига самоотвержения.[3] Занимаясь этой проблемой, я сопоставила данные прочитанных мной источников и специальных трудов с этой стереотипной картиной. Передо мной встал вопрос: можно ли и, если да, то в каком смысле можно говорить о подвиге? На основании каких данных можно судить о мотивах поведения жен декабристов, видимо не знавших об участии своих мужей в деятельности тайных обществ, какие факторы повлияли на принятое ими решение?

Необходимо отметить, что решение жен декабристов в принципе не является беспрецедентным в российской истории XVIII − первой четверти XIX в. Одной из предшественниц декабристов стала княгиня Наталья Долгорукова, последовавшая в 1730 г. за своим мужем в ссылку в Березов. Ее верность мужу нашла литературное отражение в думе К. Ф. Рылеева «Наталья Долгорукова», которая, по мнению Ю. М. Лотмана, создавала «стереотип поведения женщины-героини», который мог повлиять на решение М. Н. Волконской, принятое ей несмотря на то, что она мало знала своего мужа и вряд ли любила его.[4]

Другим примером могла послужить Е. И. Головкина, урожденная Ромодановская, вышедшая замуж за графа М. Г. Головкина, попавшего в опалу после вступления на престол Елизаветы Петровны, приговоренного к смерти с заменой казни ссылкой на Колыму. Опала Головкина не распространялась на его жену, которая сохранила все права и получила предложение по-прежнему бывать при дворе. Однако Е. И. Головкина решила сопровождать своего мужа в ссылку, отказавшись от своего положения и имений, конфискованных по приказу императрицы. После смерти мужа в ссылке она получила разрешение поселиться в Москве и прожила остаток жизни,

1980. *В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов*. Москва: «Наука», 1980. 158 с.; ЩЕГОЛЕВ, П. Е. 1987. О «Русских женщинах» Некрасова. В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов. In: *Первенцы русской свободы*. Москва: «Современник», 1987. С. 169−200.

[2] Перечень важнейших работ см. в списке использованной литературы.

[3] Насколько мне известно, первую такую интерпретацию предложила М. В. Нечкина. См.: НЕЧКИНА, М. В. 1955. *Движение декабристов*. Том II. Москва: Издательство АН СССР, 1955. С. 438.

[4] ЛОТМАН, Ю. М. 1994. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: «Искусство - СПБ», 1994. С. 353−355. ISBN 5-210-01468-1

окруженная уважением москвичей, высоко оценивших ее самоотверженную преданность мужу.[5]

Однако эти примеры, конечно, не объясняют феномена жен декабристов. Между ними имеются явные параллели, но и существенные различия. Разрозненным примерам XVIII века противостоит групповой подвиг женщин века XIX, причем если поступок Долгоруковой и Головкиной однозначно является выражением силы личных чувств и супружеской верности, то мотивы жен декабристов, насколько они известны, гораздо более разнообразны. Подвиг Долгоруковой и Головкиной остается в личной плоскости (общественное звучание поступку Долгоруковой, как уже говорилось, придал Рылеев), а подвиг декабристок явно выходит за пределы их личной жизни.

Как известно, до декабрьских событий 1825 г. 23 декабриста были женаты. В 1826 г. две женщины овдовели: 13 июля был повешен К. Рылеев, а 5 сентября умер И. Поливанов. В Сибирь отправились всего 19 женщин, в том числе 11 жен (остальные были матерьми или сестрами осужденных). Их часто называют героинями, «идеальными женщинами». К их числу относились: Полина Анненкова, Мария Волконская, Александра Давыдова, Александра Ентальцева, Камилла Ивашева, Александра Муравьева, Елизавета Нарышкина, Анна Розен, Екатерина Трубецкая, Наталья Фонвизина и Мария Юшневская. Как известно, эти женщины отличались друг от друга по своему социальному и материальному положению, образованию, характеру, возрасту и происхождению.

В своей работе я постаралась рассмотреть проблематику судьбы жен декабристов с нескольких точек зрения. Выяснилось, что этот кажущийся изолированным, по-человечески трогательный эпизод имеет гораздо более общее значение и затрагивает вопросы, позволяющие сделать существенные исторические и политические выводы. При анализе судьбы жен декабристов необходимо коснуться таких долгосрочных процессов и структур, как объем и пусть и нечеткие, но все же существующие границы самодержавной царской власти, медленная, но непрерывная перестройка роли женщин и социальной ментальности в послепетровской России, или, например, различия в образовании мужчин и женщин из дворянского общества и эволюция этого образования. Ниже я коротко обобщу важнейшие выводы, вытекающие из проделанной работы.

[5] О Е. И. Головкиной см.: ПЕТРОВ, В. В. 2010. *Три карты усатой княгини. Истории о знаменитых русских женщинах.* Москва: Издательство «Ломоносов», 2010. С. 50−63. ISBN 978-5-91678-033-8

Деятельность, поведение царя Николая I в деле о декабристах и их женах указывает на две, на первый взгляд противоречащие друг другу особенности российского самодержавия Нового времени. С одной стороны, на то, что царь и в это время оказывает личное влияние на функционирование практически всех сфер государственной власти от законодательства до исполнительной власти и правосудия. Этот очевидный факт хорошо иллюстрируется процессом осуществления репрессий против декабристов, формированием соответствующей правовой и институциональной среды, организацией судебной процедуры, а также мелочного надзора за исполнением приговора, в которых Николай с самого начала играл определяющую роль. С другой стороны, нельзя не заметить, что Николай, правивший страной в политической атмосфере, значительно изменившейся за несколько столетий даже в условиях России, − этот процесс изменения можно показать с помощью известных источников русского политического мышления – был вынужден в определенной степени приспосабливаться к таким новым, проникшим в Россию вместе с европейским Просвещением факторам, как хотя бы теоретическое требование законного правления или наличие – пусть даже ограниченное – политического общественного мнения. Хотя на практике царская власть по-прежнему по возможности произвольно проводила в жизнь свои намерения (как это видно в «концепционном процессе» над декабристами), из истории с женами декабристов выясняется, что власть все же должна была сохранять хотя бы «видимость» законности. Речь идет не только о том, что Николай был вынужден формально поручить совершение правосудия специально созданному судебному органу, но и о том, что, несмотря на очевидное желание, он не смог открыто наложить «вето» на решение жен декабристов, а был вынужден затруднять их положение методами неблагоприятного для них законодательства и прибегнуть к средствам неформального, косвенного давления. Факт наличия, хотя и умеренных, но все же преград царской власти лучше всего доказывается тем, что несмотря на все старания властей и желание царя, жены декабристов, пусть и ценой огромных жертв, но все же смогли отправиться в ссылку за своими мужьями.

Отмечу, что в последнее время наблюдаются попытки «реабилитировать» Николая I. Например, в биографии царя, выпущенной в 2003 г.,[6] Л. В. Выскочков считает, что под давлением обстоятельств Николай вынужден был проявить строгость, но при этом всегда оставался справедливым, а не мстительным и двуличным, каким он

[6] ВЫСКОЧКОВ, Л. В. 2003. *Николай I*. Москва: Молодая гвардия, 2003. С. 130−132. ISBN 5-235-02590-3

обычно представляется в исторической науке. Не имея возможности подробно рассмотреть здесь этот вопрос, я все же думаю, что источники не дают оснований для переоценки роли Николая I. При этом важно указать, что «двуличие» царя, кажущееся чисто моральной категорией, может рассматриваться и получить объяснение в аспекте политической рациональности. Видимо, император преследовал двойную цель: с одной стороны, стремился примерно наказать бунтовщиков, а с другой стороны, утвердить в обществе «имидж» правителя, способного сочувствовать «несчастным преступникам» и смягчать их участь.

Проблема жертвы подводит исследователя к вопросу глубоких структур, повлиявших на решение упомянутых женщин, к проблематике новой роли женщин в обществе, сложившейся в результате сочетания изменившейся социальной ментальности, появления нового женского идеала и продолжавших жить русских традиций допетровского времени. Из источников выясняется, что ко времени жен декабристов русские дворянки вступили в область знаний, культуры и светского общения, которые ранее считались привилегиями мужчин. Фоном этого нового явления стали изменения в воспитании, общественной роли и правовом положении женщин, ускорившиеся под влиянием реформ Петра I и растущего западного влияния («освобождение» женщин из стен терема, их знакомство с западной литературой и модой), а также все более активное участие женщин в культурной жизни в связи с развернувшимся на рубеже XVIII−XIX вв. движением карамзинистов за обновление русского литературного языка на основании разговорной речи образованных дворянских дам.[7] Следовательно, жены декабристов приняли свое решение, стоящее в центре моей работы, в такое время, когда уже чувствовалось определенное влияние постепенной эмансипации, а статус женщин – даже несмотря на также ощутимое социальное противодействие – более чем когда-либо раньше приблизился к своему западному образцу. К тому времени положение «слабого пола» в России в значительной степени отдалилось от того стереотипной картины состояния пассивной угнетенности, которая и сегодня в определенной степени продолжает жить в историческом сознании. Обзор всех этих процессов совершенно необходим для того, чтобы понять, какие мотивы побудили русских женщин принять решение о добровольной поездке в Сибирь, и почему пример жен декабристов смог стать

[7] Об этом см.: УСПЕНСКИЙ, Б. А. 1985. *Из истории русского литературного языка. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. Москва: Издательство Московского университета, 1985. С. 41−60.

образцом для женщин, участвовавших позже в российском эмансипационном и революционном движении.

Источники и не слишком многочисленные исследования, посвященные русским женщинам, дают много данных об условиях их жизни и влиянии на судьбу мужей и их единомышленников. Многие исследователи указывают на общественное значение их поступка, интерпретируют его как поступок женщин, символически вступивших в конфликт с властью. Можно высказать мнение, что жены декабристов оказались первым воплощением «нового типа» русской женщины, видными представительницами процесса эмансипации женщин в России. В последующее время слабый пол начинает все более активно добиваться равноправия женщин, возможности учиться и работать наравне с мужчинами. (Не случайно, что одной из основательниц первого российского женского движения стала внучка декабриста Ивашева).

В то же время то, что в позднейшей традиции жены декабристов выступают как образец политического протеста, видимо нужно считать результатом мифа, созданного последующими поколениями. На основании анализа источников я пришла к выводу, что в событиях, связанных с решением женщин, действительно можно усмотреть определенную оппозиционность к власти. Однако, учитывая обстоятельства, эта оппозиционность скорее вытекает не из сознательной политической позиции, а из искренней, глубокой – и в этом смысле, можно сказать, героической – привязанности женщин к своим мужьям, верность которым они сохранили на всю жизнь. Конечно, это не приуменьшает значения принесенной ими жертвы, ведь они могли принять и другое решение. Например, жена Поджио воспользовалась предоставленной властями возможностью получить развод с государственным преступником; иное решение приняла и жена А. Муравьева, не оставившая ради мужа своих сыновей.

В заключение, быть может, имеет смысл отметить, что в ходе изучения данной тематики приходится сталкиваться с множеством моральных проблем, которые очень трудно разрешить ретроспективно, методами исторического исследования. Для примера можно привести следующий неизбежный вопрос, сознательно поставленный властями: можно ли считать правильным с моральной точки зрения решение женщин отказаться ради мужей от заботы о детях (эта проблема ясно проявилась в судьбе Анастасии Якушкиной, которая, по желанию ее мужа, вынуждена была отказаться от своего плана поездки к мужу и так и не смогла разделить его судьбу). Ясно, что разобраться в этой дилемме отнюдь не просто ни в отношении женщин, ни в отношении власти. Ведь совершенно не очевидно, что нужно считать первичной

моральной нормой: самоотверженную преданность супругу «в богатстве и бедности, болезни и здравии, радости и горе» или обязанность матери пожертвовать все силы для обеспечения благополучия, нормального развития и соответствующего воспитания детей. При этом нельзя забывать и о том, что женам декабристов пришлось разрешать дилемму, которую поставила перед ними власть, запретившая поездку детей в Сибирь. И в этом случае интересно то, что моральная ситуация неоднозначна и при оценке действий власти. Нет сомнений в том, что первичной мотивацией этих действий была политическая месть, желание затруднить жизнь восставшим против власти декабристам и их семьям. Однако сто́ит принять во внимание и то, что своя правда содержится и в лишенной эмоций, рациональной аргументации властей: в конечном итоге запрещение на поездку детей, какие цели бы оно ни преследовало, все же служило именно их интересам. Достаточно вспомнить, в каких страшных условиях жили в ссылке их родители. Но в задачи исторического исследования, видимо, и не входит ретроспективное решение моральных дилемм, в своей работе я и не стремилась к этому, удовлетворившись описанием противоречивой ситуации, в которую попали жены декабристов и реконструкцией обстоятельств и мотивов выбора, сделанного ими в этой сложной жизненной ситуации.

Использованная литература:

АННЕНКОВА, П. 2003. *Воспоминания*. Москва: «Захаров», 2003. 384 с. ISBN 5-8159-0323-X

ВОЛКОНСКАЯ, М. Н. 1975. *Записки княгини М. Н. Волконской*. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1975. 156 с.

ВОЛКОНСКИЙ, С. Г. 1991. *Записки*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 512 с. ISBN 5-7424-0326-7

ВЫСКОЧКОВ, Л. В. 2003. *Николай I*. Москва: Молодая гвардия, 2003. 693 с. ISBN 5-235-02590-3

ЛОТМАН, Ю. М. 1994. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: «Искусство – СПБ», 1994. 399 с. ISBN 5-210-01468-1

МАРРЕЗЕ, М. Л. 2009. *Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700−1861)*. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2009. 368 с. ISBN 978-5-86793-675-4

НЕЧКИНА, М. В. 1955. *Движение декабристов*. Том II. Москва: Издательство АН СССР, 1955. 506 с.

ПАВЛЮЧЕНКО, Э. А. 1980. *В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов*. Москва: «Наука», 1980. 158 с.

ПЕТРОВ, В. В. 2010. *Три карты усатой княгини. Истории о знаменитых русских женщинах.* Москва: Издательство «Ломоносов», 2010. 208 с. ISBN 978-5-91678-033-8

ПОКРОВСКИЙ, В. И. (составитель). 1906. *Жены декабристов*: *Сборник историко-бытовых статей*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 298 с.

ПОНОМАРЕВА, В. В. − ХОРОШИЛОВА Л. Б. 2006. *Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII - начало XX века*. Москва: «Русское слово», 2006. 320 с. ISBN 5-94853-463-4

ПОНОМАРЕВА, В. В. – ХОРОШИЛОВА, Л. Б. 2009. *Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII – начало XX века*. Москва: «Новый хронограф», 2009. 349 с. ISBN 978-5-94881-079-9

УСПЕНСКИЙ, Б. А. 1985. *Из истории русского литературного языка. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. Москва: Издательство Московского университета, 1985. 216 с.

ШАШКОВ, С. С. 2011. *История русской женщины: от эпохи древних славян до второй половины XIX века.* Изд. 3-е. Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. 353 с. ISBN 978-5-397-01993-4

ЩЕГОЛЕВ, П. Е. 1987. О «Русских женщинах» Некрасова. В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов. In: *Первенцы русской свободы*. Москва: «Современник», 1987, с. 169−200.

ENGEL, B. A. 2000. *Mothers and Daughters – Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia*. Northwestern University Press, 2000. 240 p. ISBN 9780810117402

ROZPRAVY O CIVILIZÁCII. CIVILIZAČNÝ NARATÍV AKO VÝZNAMNÁ SÚRADNICA POSTSOVIETSKEHO DISKURZU[1]

Mgr. Nina Cingerová

Univerzita Komenského v Bratislave

cingerova3@st.fphil.uniba.sk

АБСТРАКТ:

В настоящей статье внимание сосредоточено на обнаружении моделей рассуждений об обществе в постсоветском научном дискурсе. На основе тематическо-содержательного анализа мы попытались рассмотреть те из них, у которых имелась возможность повлиять на интерпретации религии и религиозных объединений в постсоветской России. Материалом для анализа выступили статьи, опубликованные в журнале *Общественные науки и современность* в период с 1992 по 1997 год. Проанализировав тексты, мы пришли к выводу, что ключевым можно считать понятие „цивилизация“. Частым предметом обсуждений являлся т. н. цивилизационный подход и, в связи с ним, тема самостоятельной и самобытной русской цивилизации. Можно считать, что именно ивилизационно-культурные концепции, подчеркивающие духовные и религиозные ценности способствовали закреплению за православием и Русской православной церковью статуса важного компонента сложного конструкта коллективной идентичности.

V sovietskom diskurze predprestavbového obdobia sa náboženstvo a veriaci artikulovali ako fenomény, ktoré nie sú v súlade s hodnotovým a názorovým systémom nového typu človeka formovaného komunistickou výchovou a žijúceho v pokrokovej socialistickej spoločnosti. Náboženstvo bolo vnímané ako iluzórna a nevedecká predstava o svete[2]; osoby, ktoré ju zdieľali ako zaostalé a nevzdelané indivíduá.[3] Pri opisovaní náboženských organizácií, najmä

[1] The research to this article was partially sponsored by Közep-Európai Egyetem. The theses explained herein are representing the own ideas of the author, but not necessarily reflect the opinion of KEE.

[2] Por. napr. článok pracovníka Akadémie spoločenských vied pri ÚV KSSZ V. Garadžu: GARADŽA, V. 1972. Istina – odna.

[3] V odborných štúdiách sa poväčšine vykresľoval typický veriaci ako staršia, nevzdelaná žena. Na opačnom póle sa nachádzala študujúca mládež, v prípade ktorej sociológovia hovorili o minimálnej religiozite. Por. napr.: TROJANOVSKIJ, M. F. 1975. Tradicija idejnoj beskompromissnosti; JERMAKOV, I. M. 1973. Ob otdeľnych projavlenijach religioznosti nekotoroj časti moloďoži. Treba tiež podotknúť, že prístup k jednotlivým náboženským komunitám bol diferencovaný. Obzvlášť agresívna bola kampaň namierená proti judaizmu. Ich združenia, rovnako ako združenia katolíkov a komunity menších protestantských organizácií, boli vystavené väčšiemu administratívnemu nátlaku ako ostatné náboženské spoločnosti. Por.: POWELL, D. E. 1978. Antireligious Propaganda in the Soviet Union, s. 15-16.

najväčšej a najvplyvnejšej v sovietskom priestore – Ruskej pravoslávnej cirkvi, síce po 2. svetovej vojne ustúpil do úzadia obraz triedneho nepriateľa, dominujúci propagande v prvých desaťročiach existencie sovietskeho štátu, no jej reprezentanti stále fungovali v polohe vykonávateľov kultu, ktorý sa považoval za reakčný. Náboženská ideológia sa modelovala ako špecifická forma diverzie, možná zbraň v rukách imperialistov.[4] Napriek týmto kolísaniam medzi politickou a ideologickou rovinou, presunom akcentov, boli teda artikulácie náboženstva, patriaceho s veriacimi a náboženskými organizáciami do jednej paradigmy, do značnej miery ustálené a čo je dôležitejšie, neustále sa nimi zasycoval verejný priestor. Prispievala k tomu osobitá komunikačná situácia, ktorá v ňom vládla. Texty opisujúce udalosti vždy odkazovali na hierarchicky vyšší text (klasici marxizmu-leninizmu), stávali sa jeho ilustráciou. Syntagmatické vzťahy, do ktorých mohlo vstupovať „náboženstvo“ boli tak silne redukované.[5] Pomerne stabilný diskurz sa začal výraznejšie meniť v období prestavby. V atmosfére nanovo definovanej *glasnosti* sa výkladový rámec, na základe ktorého sa interpretovali udalosti, uvoľnil. Náboženstvo postupne prestávalo byť vnímané len ako „buržoázna ideológia“ a v nasledujúcom období sa o ňom čoraz častejšie písalo ako o „intelektuálnom“ fenoméne, ktorého doktríny sú presiaknuté sociálnou problematikou[6]. Významný posun nastal tiež v tom, že sa interpretovalo ako prvok národnej (национальной) kultúry[7], bez prívlastku „reakčná“. V období morálneho chaosu bola duchovnosť postavená na vysoký piedestál, ktorý sa týčil vysoko nad materiálnou základňou. Ako napísal v súvislosti s týmto obdobím A. Jurčak: „[...] formoval sa nový jazyk, témy, porovnania a idey, ktoré rýchlo podnietili nielen zmenu diskurzu, ale aj zmenu vedomia.“[8]

Otázku, ktorú som si v rámci čiastkového výskumu, zdokumentovaného v tomto článku, položila znela, či môžeme v prípade nasledovného obdobia, po rozpade Sovietskeho zväzu, obdobia, ktoré si vyžadovalo naplnenie „Ruska“ obsahom, hovoriť o existencii istého dominantného výkladového rámca pre dianie v spoločnosti. Zaujímali ma pritom tie modely vedeckého uvažovania o nej, ktoré mali potenciál vo výraznej miere ovplyvňovať interpretácie náboženstva a náboženských organizácií. S cieľom ich rekonštrukcie som sa sústredila na tematicko-obsahovú analýzu publikácií v časopise *Obščestvennyje nauki*

[4] Por. napr.: IVANČENKO, I. 1974. Klerikaľnyj antikommunizm i ideologičeskije diversii.
[5] V súvislosti so semiotikou komunikácie v sovietskej ére por.: POČEPCOV, G. 2002. Semiotika, s. 248-249.
[6] Por.: KONONENKO, V. 1988. Pamiať blokady. Por. tiež: GARADŽA, V. 1989. Pereosmyslenije.
[7] Por.: MITROCHIN, L. N. 1989. Religija i nacija. Autor v článku polemizoval so známou definíciou kultúry „социалистическая по содержанию, национальная по форме“, v súlade s ktorou sa dôraz kládol na triedne štruktúrovanie spoločnosti.
[8] JURČAK, A. 2007. Pozdnij socializm i posledneje sovetskoje pokolenije, s. 83.

i sovremennost[9] z obdobia od roku 1992 až po rok 1997. Motiváciou pre výber daného periodika bolo jeho širokospektrálne zameranie. Štúdie, ktoré sa v ňom uverejňujú sa dotýkajú otázok z oblasti politológie, histórie, ekonómie, kulturológie, filozofie i psychológie.

Dôležitou črtou spoločenského kontextu, v ktorom sa formoval diskurz o vývoji spoločnosti, bolo hľadanie stmeľujúcej myšlienky, ktoré napokon vyvrcholilo v kurióznej celonárodnej súťaži *Idea pre Rusko*.[10] V súvislosti s nedávnou totalitnou minulosťou sa väčšina predstaviteľov politickej scény slovu „ideológia" dôkladne vyhýbala[11], no napriek tomu sa dá hovoriť o existencii určitých koncepcií, ktoré by sme mohli hrubo roztriediť podľa tradičných prúdov ruského filozofického a politického myslenia. Paralelne s akcentovaním jedinečnosti, ktoré je typické pre slavianofilstvo a eurazianizmus, sa v ruskom priestore hľadala opora v západných vzoroch, čo by sme mohli vyhodnotiť ako západníctvo[12]. Prestavboví „demokrati" a „modernizátori", ktorí sa ocitli pri moci po rozpade ZSSR, stavali na západných princípoch spravovania spoločnosti a na trhovej ekonomike. Tieto východiská však boli atraktívne len veľmi krátke obdobie[13] a v situácii, keď sa vo vnímaní obyvateľstva zredukovali na absenciu podnikateľskej etiky, bolestné reformy a infláciu, ktorá šla ruka v ruke s pokusmi o ich etablovanie, začal vo verejnom diskurze do popredia stále viac vystupovať moment, ktorý staval na vymedzovaní sa voči Západu i Východu a postuloval existenciu osobitej cesty (особого пути). Myšlienky o unikátnych lokálnych útvaroch, pri ktorých vo funkcii dištinktívneho prvku často vystupovalo práve náboženstvo, sa ukázali ako neobyčajne atraktívne a práve ignorovaniu dopytu po „osobitej ceste" možno do určitej miery pripísať aj úspech národných patriotov vo voľbách v rokoch 1993 a 1995[14].

Paralelne s týmto vývojom, ktorý umiestňoval do centra záujmu osobitosť Ruska, v úzkej spätosti s ním, nastal závažný zlom v diskurze spoločenských vied, ktorý sme rekonštruovali vychádzajúc z článkov zvoleného korpusu. Koncom osemdesiatych rokov v nich badať odklon od tradičných výkladových schém, ktoré vysvetľovali dianie v spoločnosti v súlade s myšlienkami marxizmu-leninizmu a čoraz častejšie sa začal

---

[9] Vedecký medzidisciplinárny časopis Ruskej akadémie vied.

[10] Por.: Jeľcin o „nacionaľnoj ideje". In *Nezavisimaja gazeta,* 13.7.1996, s. 1. Por. tiež víťazný článok: SUDAKOV, G. 1996. Šesť principov russkosti.

[11] Dobrým príkladom je skupina reformátorov okolo J. Gajdara, ktorého D. Furman v eseji nazval symbolom radikálneho ruského západníctva deväťdesiatych rokov. Por.: FURMAN, D. 1997. Mesto Jegora Gajdara v istorii.

[12] K slavianofilstvu a západníctvu por.: GROYS, B. 1995. Die Erfindung Rußlands, s. 16-18. M. Fuchsová hovorí v tejto súvislosti o „reflexívnej" (východiskom sú národné špecifiká) a „dobiehajúcej" (zdôrazňovanie európskeho charakteru ruskej kultúry a mentality) paradigme. Por.: FUCHS, M. 1993. Die russische Nationalidee als Faktor im politischen Kampf für Reformen (I), s. 328.

[13] Por.: ZORKAJA, N. 2005. Privatizacija i častnaja sobstvennosť v obščestvennom mnenii v 1990-2000-je gody [online].

[14] Por.: PANTIN, V. I., SEMENENKO, S. S. 2004. Problemy identičnosti i rossijskaja modernizacija [online].

objavovať pojem „civilizácia“. Traktoval sa ako kľúčový pojem, ktorý by umožnil ruskej vede „уйти от одномерной картины мира, учесть неповторимость путей развития целых регионов, стран и народов“[15]. Tzv. civilizačný prístup (цивилизационный подход) sa vyzdvihoval ako protiklad členenia dejín na spoločensko-ekonomické formácie (формационный подход)[16]. Je to pochopiteľné. Po dlhých desaťročia ideologického diktátu sa veda mohla slobodne nadýchnuť a je prirodzené, že jej predstavitelia pociťovali potrebu obrátiť sa k alternatívnym teóriám. Otázne však je, do akej miery boli jeho stúpenci ochotní pristúpiť na princíp komplementarity a vzdať sa túžby po teórii, ktorá má potenciál vysvetliť všetko. „Rusko nutne potrebuje filozofiu, ktorá by sa usilovala o syntézu na všetkých úrovniach,“ žiadal napríklad bývalý ekonóm a filozof A. Achijezer, z ktorého sa v nových spoločenských podmienkach stal historik civilizácií[17]. Pri debatách za okrúhlym stolom, ktoré na pokračovanie publikoval časopis *Obščestvennyje nauki i sovremennosť* pri príležitosti vydania jeho knihy, sa veľmi pozitívne hodnotila práve jeho snaha o „всеохватность“[18].

Hmatateľným prejavom tohto nadšenia bol rozmach kulturologicky orientovaných katedier a vedeckých pracovísk, ktoré zasvätili svoje bádanie hľadaniu civilizačnej identity Ruska a ktoré zásobovali (a zásobujú) predstaviteľov širokého politického spektra „správnymi“ odpoveďami na otázku „aká je idea, úloha a miesto Ruska vo svete“[19].

V skúmaných textoch sa samozrejme ozývali aj kritické hlasy. Tak napríklad J. Šemiakin vo svojej reflexii diela A. Toynbeeho upozorňoval na to, že „v rámci jedného vedeckého prístupu nie je možné vyčerpávajúco postihnúť skutočnosť“[20] a S. Kara-Murza varoval pred „druhým extrémom“, ktorý charakterizoval ako civilizačné deskripcie, pri ktorých význam výskumu kultúr spočíva vo vyjavení ich „ни на что непохожести“[21]. Civilizačný prístup sa však stal natoľko preferovaným, že časopis *Obščestvennyje nauki i sovremennosť* v roku 1994 rubriku venovanú dejinám Ruska pomenoval *Ruská civilizácia.*

---

[15] AMELINA, J. 1992. Poňatije „civilizacija“ včera i segodňa, s. 94. Por. tiež: FLIJER, A. 1993. Civilizacija i subcivilizacii Rossii.

[16] Por.: PANFILOVA, T. 1993. Formacionnyj i „civilizacionnyj“ podchody: vozmožnosti i ograničonnosť. K reflexii členenia dejín na spoločensko-ekonomické formácie por. tiež: GUREVIČ, A. 1990. Teorija formacij i reaľnosť istorii.

[17] ACHIJEZER, A. 1997. Ob osobennosťach sovremennogo filosofstvovanija (Vzgľad iz Rossii). Odcitované podľa: SCHERRER, J. 2003. Kulturologie, s. 31.

[18] Por.: Rossija: kritika istoričeskogo opyta. In *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, s. 135. Por. tiež: ANNINSKIJ, L. 1992. Meždu sobakoj i volkom, s. 78.

[19] Otázka o prípustnosti injektovania hodnôt do normatívneho vákua spoločnosti, na ktorú dali napr. nemecké *Kulturwissenschaften* negatívnu odpoveď, bola v prípade ruského manifestu zodpovedaná kladne. Por. v tejto súvislosti „manifest“ ruskej kulturológie: FLIJER, A. 1993. Teorija kuľtury vmesto istoričeskogo materializma, s. 135. V tejto súvislosti por. tiež: ASSMANN, A. 2008. Einführung in die Kulturwissenschaften, s. 28-29.

[20] Por.: ŠEMIAKIN, Ja. 1993. Smena paradigm v sovremennom rossijskom kuľturno-istoričeskom kontekste (razmyšlenija o „Postiženii istorii“ A. Tojnbi), s. 54.

[21] Por. záznam diskusie: Filosofija „russkoj idei“ : Rossija i Jevropa. In *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, s. 143. Por. tiež: ARAB-OGLY, E. 1990. Jevropejskaja civilizacija i obščečelovečeskije cennosti, s. 10-13.

Odôvodnenie tohto kroku je zaujímavé: „раскрытие самобытности истории России и создание методологии для изучения этого явления“[22].

Celkový obraz dotvárala široká recepcia koncepcií N. J. Danilevského (*Rossija i Jevropa*), O. Spenglera (*Der Untergang des Abendlandes*), A. Toynbeeho (*A Study of History*) a S. Huntingtona (*The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order*), ktoré stavajú na typológii civilizácií, postulujú ich svojbytnosť a v neposlednom rade ich definujú cez náboženstvo. Myšlienka, že „každá kultúra je unikátna a dokonale pochopiť ju môžu len tí ľudia, ktorí v nej žijú“, padla v prípade ruských kulturológov na úrodnú pôdu[23], bola hojne inštrumentalizovaná v politickom diskurze obdobia deväťdesiatych rokov a tvorila dôležitú súčasť patriotického konsenzu[24]. Dovoľovala napokon zdôrazňovať „odlišnosť“ ruskej civilizácie od západnej civilizácie. Ako konkrétne príklady možno uviesť napr. koncepciu Ostrov Rusko V. Cymburského, koncepciu o suverénnej demokracii V. J. Surkova, koncepcie združené v Projekte Rusko, ale aj koncepciu o liberálnom imperializme A. Čubajsa[25].

Z hľadiska našej témy je však zaujímavý aj iný moment – zdôrazňovanie duchovna a vytláčanie sociálna, na ktoré upozorňuje J. Scherrerová. Väčšina ruských kulturológov chápala podľa nej kultúru ako „systém tvoriaci idey, ako systém spoločných poznatkov a predstáv, a kultúrno sa vo všeobecnosti chápalo v protiklade k sociálnu“[26]. Zmena, ktorá nastala, teda postulovanie determinizmu „duchovnej základne“ a „sociálnej nadstavby“[27], mala potenciál vplývať na upevnenie náboženstva (predovšetkým pravoslávia) vo funkcii jednej zo základných opôr „ruskej civilizácie“.

---

[22] Por.: IONOV, I. 1994. úvodné slovo k otvoreniu rubriky *Rossijskaja civilizacija*. In *Obščestvennyje nauki i sovremennost',* No. 2, 1994, s. 36. K histórii „ruskej civilizácie“ por. tiež: *Rossijskaja civilizacija*. 2003. Pod red. M. P. Mčedlova, s. 10-16.

[23] Por. napr.: GUREVIČ, P. S. 2004. Kuľturologija, s. 127.

[24] K tzv. patriotickému konsenzu por.: SIMON, G. 1997. Auf der Suche nad „Idee für Rußland“, s. 1169-1191. Por. tiež: DULEBA, A, HIRMAN, K. 1999. Rusko na konci Jeľcinovej éry, s. 27-29.

[25] Por.: CYMBURSKIJ, V. Ostrov Rossija [online]; ČUBAJS, A. Rossija kak liberaľnaja imperija [online]; SURKOV, V. Naša rossijskaja modeľ nazyvajetsia „suverennoj demokratijej“ [online]. Civilizačný naratív nachádzame aj v programoch súčasných významných ruských politických strán. Napr. v *Pláne Putina* bol ako prvý bod menovaný „rozvoj Ruska ako unikátnej civilizácie“. Por.: Predvybornaja programma partii „Jedinaja Rossija“ „Plan Putina – dostojnoje buduščeje velikoj strany“ [online].

[26] Por.: SCHERRER, J. 2003. Kulturologie, s. 41.

[27] J. Scherrerová hovorí v tejto súvislosti o tom, že ekonomický determinizmus marxizmu-leninizmu nahradil „kultúrno-civilizačný“ determinizmus. K problematike por.: SCHERRER, J. 2003. Kulturologie.

Záver

V predprestavbovom období boli artikulácie náboženstva, náboženských organizácií a veriacich determinované teoretickými postulátmi marxizmu-leninizmu, ktoré predstavovali hegemonický výkladový rámec pre dianie v spoločnosti. Na základe tematicko-obsahovej analýzy článkov časopisu *Obščestvennyje nauki i sovremennosť* v rozpätí od roku 1992 až po rok 1997 sa v článku prichádza k záveru, že v danom období môžeme v diskurze spoločenských vied pozorovať závažný zlom. Tradičné schémy uvažovania o spoločnosti, ktoré sa niesli v znamení myšlienok marxizmu-leninizmu, vystriedal v danom období civilizačný naratív. Ten umiestňoval do centra pozornosti typológiu civilizácií a postuloval ich svojbytnosť. Široko recipované boli kulturologické teórie, ktoré civilizácie definovali cez náboženstvo. Rozpravy o civilizácii, ktoré sa inštrumentalizovali aj v politickom[28] a mediálnom diskurze, boli dôležitými súradnicami dotvárajúcimi spoločenské diskusie o úlohe náboženstva a náboženských organizácii. V konečnom dôsledku vplývali aj na transformácie legislatívneho rámca určujúceho vzťahy štátu a náboženských organizácií, pri ktorom sa do úvahy brala ich „tradičnosť“ a zásluhy na budovaní „ruskej civilizácie“.

Použitá literatúra:

DULEBA, A, HIRMAN, K. 1999. Rusko na konci Jeľcinovej éry : zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska. Bratislava : IVO, 1999. 321 s. ISBN 80-88935-10-5

FURMAN, D. 1997. Mesto Jegora Gajdara v istorii. In: *NG-Scenarii,* 13.2.1997, No. 2, s. 3.

Jeľcin o „nacionaľnoj ideje“. 1996. In: *Nezavisimaja gazeta,* 13.7.1996, s. 1.

JURČAK, A. 2007. Pozdnij socializm i posledneje sovetskoje pokolenije. In: *Neprikosnovennyj zapas,* No. 2, 2007, s. 81 – 97.

Koncepcia nacionaľnoj bezopasnosti Rossijskoj Federaciji (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 17 dekabria 1997 g. N 1300).

[28] Ruská pravoslávna cirkev a jej úloha pri zachovaní tradičných hodnôt sa spomína aj v Koncepcii národnej bezpečnosti Ruskej federácie z roku 1997. Por.: *Koncepcia nacionaľnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 17 dekabria 1997 g. N 1300).*

PANTIN, V. I., SEMENENKO, S. S. 2004. Problemy identičnosti i rossijskaja modernizacija. In *Poisk nacionaľno-civilizacionnoj identičnosti i koncept „osobogo puti“ v rossijskom massovom soznanii“ v kontekste modernizacii* [online]. Otv. red. V. V. Lapkin, V. I. Pantin. Moskva: IMEMO RAN, 2004. [cit. 1.8.2012]. Dostupné na internete: <http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm>.

POČEPCOV, G. 2002. *Semiotika.* Moskva: Refl-buk, Bakler, 2002. 432 s. ISBN 5-87983-107-8; ISBN 966-543-079-9

SUDAKOV, G. 1996. Šesť principov russkosti. In: *Rossijskaja gazeta,* 17.9.1996, s. 4.

ZORKAJA, N. 2005. Privatizacija i častnaja sobstvennosť v obščestvennom mnenii v 1990-2000-je gody. In: *Otečestvennyje zapiski* [online], No.1(21) 2005, [cit. 1.8.2012]. Dostupné na adrese: <http://www.strana-oz.ru/?numid=22&article=1009 >.

POWELL, D. E. 1978. *Antireligious Propaganda in the Soviet Union : A Study of Mass Persuasion*. Cambridge, Massachusetts, London: MIT Press, 1978. 206 s. ISBN 0-262-66042-3
s. 328.

ASSMANN, A. 2008. *Einführung in die Kulturwissenschaften : Grundbegriffe, Themen, Fragestellungen*. 2., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008. 248 s. ISBN 978-3-503-09849-1

FUCHS, M. 1993. Die russische Nationalidee als Faktor im politischen Kampf für Reformen (I). In: *Osteuropa,* 43. Jahrgang, Heft 4, April 1993, s. 328-340.

GROYS, B. 1995. *Die Erfindung Rußlands.* München: Carl Hanser Verlag, 1995. 256 s. ISBN 3-446-18051-6

SIMON, G. 1997. Auf der Suche nad „Idee für Rußland“. In: *Osteuropa,* 47. Jahrgang, Heft 12, Dezember 1997, s. 1169-1191.

Excerpované texty

ACHIJEZER, A. 1997. Ob osobennosťach sovremennogo filosofstvovanija (Vzgľad iz Rossii). In: *Voprosy filosofii,* No. 12, 1997, s. 3-20.

AMELINA, Je. 1992. Poňatije „civilizacija“ včera i segodňa. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť,* No. 2, 1992, s. 94-102.

ANNINSKIJ, L. 1992. Meždu sobakoj i volkom. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť,* No. 6, 1992, s. 78-82.

ARAB-OGLY, E. 1990. Jevropejskaja civilizacija i obščečelovečeskije cennosti. In: *Voprosy filosofii,* No. 8, 1990, s. 10-13.

CYMBURSKIJ, V. Ostrov Rossija. In: *Russkij archipelag.ru* [online]. [cit. 1.8.2012]. Dostupné na internete: <http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/>.

ČUBAJS, A. Rossija kak liberaľnaja imperija. In: *Russkij archipelag.ru* [online]. [cit. 10.1.2012]. Dostupné na internete: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/>.

Filosofija „russkoj idei“ : Rossija i Jevropa. 1991. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 5, 1991, s. 143-154.

FLIJER, A. 1993. Civilizacija i subcivilizacii Rossii. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 6, 1993, s. 70-84.

FLIJER, A. 1993. Teorija kuľtury vmesto istoričeskogo materializma. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 2, 1993, s. 135-139.

GARADŽA, V. 1972. Istina – odna. In: *Izvestija,* 27.1.1972, s. 2.

GARADŽA, V. 1989. Pereosmyslenije. In: *Nauka i religija,* No. 1, Janvar 1989, s. 2-4.

GUREVIČ, A. 1990. Teorija formacij i reaľnosť istorii. In: *Voprosy filosofii*, No. 11, 1990, s. 31-44.

GUREVIČ, P. S. 2004. *Kuľturologija : učebnik dľa vuzov.* Moskva: Projekt, 2004. 333 s. ISBN 5-901660-18-8.

IONOV, I. 1994. úvodné slovo k otvoreniu rubriky *Rossijskaja civilizacija.* In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť,* No. 2, 1994, s. 36.

IVANČENKO, I. 1974. Klerikaľnyj antikommunizm i ideologičeskije diversii. In: *Turkmenskaja iskra,* 2.8.1974, s. 2-3.

JERMAKOV, I. M. 1973. Ob otdeľnych projavlenijach religioznosti nekotoroj časti moloďoži. In: *Filosofskije nauki,* No. 3, maj-ijuň, 1973, s. 102-106.

KONONENKO, V. 1998. Pamiať blokady. In: *Nauka i religija,* No. 5, Maj 1988, s. 9-13.

MITROCHIN, L. N. 1989. Religija i nacija. In: *Nauka i religija,* No. 3, Mart 1989, s. 2-3.

PANFILOVA, T. 1993. Formacionnyj i „civilizacionnyj“ podchody: vozmožnosti i ograničonnosť. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 6, 1993, s. 84-98.

Predvybornaja programma partii „Jedinaja Rossija“ „Plan Putina – dostojnoje buduščeje velikoj strany“ [online]. Dostupné na internete: < http://www.v-v-putin.ru/plan_putina.html>. [cit.1.8.2012].

Programma LDPR : LDPR ukažet dorogu [online]. Dostupné na internete: <http://www.ldpr.ru/#party/Program_LDPR/Liberal_Democratic_Party_will_show_the_way_the_draft_party_program) >. [cit.1.8.2012].

Programma partii [online]. Dostupné na internete: <http://kprf.ru/party/program>. [cit.1.8.2012].
Rossija: kritika istoričeskogo opyta. 1992. In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 5, 1992, s. 134-144.

Rossijskaja civilizacija : učebnoje posobije dľa vuzov. 2003. Pod red. M. P. Mčedlova. Moskva: Akademičeskij Projekt, 2003. 656 s. ISBN 5-8291-0193-9

SURKOV, V. 2006. *Naša rossijskaja modeľ nazyvajetsia „suverennoj demokratijej“* [online]. 28.6.2006 [cit. 1.8.2012]. Dostupné na internete: <http://web.archive.org/web/20080430012854/http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>.

ŠEMIAKIN, J. 1993. Smena paradigm v sovremennom rossijskom kuľturno-istoričeskom kontekste (razmyšlenija o „Postiženii istorii“ A. Tojnbi). In: *Obščestvennyje nauki i sovremennosť*, No. 2, 1993, s. 52-62.

TROJANOVSKIJ, M. F. 1975. Tradicija idejnoj beskompromissnosti. In: *Molodoj kommunist*, No. 8, 1975, s. 77

IVAN HROZNÝ V OBDOBÍ STALINIZMU

Mgr. Veronika Knapcová

Univerzita Komenského v Bratislave

knapcova1@st.fphil.uniba.sk

ABSTRACT:

The aim of this work is to give characteristics of the cult if Ivan the Terrible as a precedence phenomenon, to which it was often referred to during Stalinism period, while there had actually been no such tradition in the Russian historiography before. Personalities within the Russian historiography that dealt with this topic together with their main works are also named. At the same time, not only parallels between Ivan the Terrible and Stalin are found, but also analogical cases in the 20th century are stated.

Využívanie precedentných fenoménov je bežným kultúrnym javom. V dôležitých momentoch dejín sa siaha po určitých historických osobnostiach, ktorým sa tak pripisuje nový význam, napríklad s cieľom poukázať na ne ako na možné modely vládnutia. Môžu sa objaviť, aby sa pomocou odvolávania ne vyjadril postoj kultúry k danému obdobiu. V prvej polovici 20. storočia sa v ZSSR ako najdôležitejší aspekt života Ivana Hrozného v dejinách vyzdvihovala jeho úloha tvorcu silného centralizovaného štátu a organizátora bojov proti vpádom zo zahraničia. Jeho krutosť bola obhajovaná ako prostriedok nevyhnutný na posilnenie štátu. Podľa *Perrieovej*[1] autori mnohých literárnych, dramatických či filmových diel v období kultu osobnosti jeho konanie ospravedlňovali. Spočiatku sa javilo, že sa to deje bez Stalinových inštrukcií, až do roku 1947, kedy sa diktátor priamo vyjadril, že Ivan IV. bol veľký a múdry panovník, ktorý stratil priveľa času ľutovaním svojich hriechov. V štyridsiatych rokoch sa teda stal hrdinom propagandy a bolo ho treba viac ľutovať, než kritizovať za jeho krutosť.

Rehabilitácii Ivana Hrozného predchádzala kampaň, ktorá prezentovala Petra Veľkého ako národného hrdinu s dôrazom na jeho zahraničnú politiku. V niektorých interpretáciách boli Peter Veľký aj Ivan Hrozný pre Stalina zdrojom motivácie v dôležitých strategických rozhodnutiach, Peter I. v industrializácii a Ivan IV. v čistkách, čo bolo dokázané až po ich skončení. Pôvod kultu Ivana IV. je často spájaný aj s knihou R. Vippera *Ivan Groznyj,*

[1] Pozri: PERRIE, M. 2002. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin´s Russia*. New York: Pelgrave, 2002.

v ktorej autor tvrdí, že Rusko postihli ťažké časy v období, keď nemalo silného panovníka[2], za akého autor Ivana Hrozného považuje[3]. Hodnotenie vlády Ivana Hrozného zo strany Pokrovského školy bolo označené za promonarchistické, dokonca protirevolučné[4]. Napokon počas represálií v roku 1936 a 1938 sa zmenili postoje aj voči opričnine.

Jedným z dôvodov rehabilitácie Ivana IV. mohla byť aj potreba posilnenia ruského patriotizmu pred začiatkom druhej svetovej vojny. Počas násilného pripojenia pobaltských krajín sa zasa hľadala paralela s livónskou vojnou. Koncom tridsiatych rokov použitie livónskej vojny posilnilo protipoľské a protinemecké nálady, pričom tie protinemecké sa v rokoch 1939–41 zmiernili vďaka sovietsko-nemeckému paktu, čomu však viac pozornosti venovala západná, resp. po anglicky písaná historiografia. Využívanie silných historických osobností bolo v každom prípade nástrojom na umocňovanie centralizmu a straníckeho aparátu. Opričninu obhajovali predovšetkým autori v učebniciach základných a stredných škôl, ale aj na vyšších stupňoch.

Zaujímavý je obraz Ivana Hrozného, ktorý vznikal v období Chruščova a Gorbačova.[5] Predstavoval tyrana, ktorého mohol obdivovať len Stalin. Historici sa k nemu teda v týchto obdobiach začali vracať, pričom jeho politické metódy hodnotili negatívne.

Tendencie výskumu obdobia vlády Ivana Hrozného v 20. storočí v Rusku

Výskumu obdobia vlády Ivana Hrozného sa v 20. storočí v Rusku venovalo niekoľko popredných historikov, pričom sa ich pohľady a názory na problematiku do istej miery zhodovali, v mnohom sa však líšia, a to vzhľadom na rôznu interpretáciu, ich vzdelanie a výchovu či ideológie, ktoré na nich mohli mať alebo mali v období ich vedeckého pôsobenia vplyv. J. M. Jeľjanov vo svojom diele *Ivan Groznyj – sozidateľ ili narušiteľ?*[6] uvádza niekoľkých autorov, ktorí sa vo vybranom čase v 20. storočí venovali výskumu obdobia vlády Ivana Hrozného.

Jeden z najvýznamnejších ruských historikov 20. storočia, **S. F. Platonov** (1860 – 1933) sa vyjadril, že ak by sme chceli urobiť zoznam diel historikov či básnikov, ktorí sa venovali téme Ivana Hrozného, vznikla by celá kniha. S. F. Platonov patril k liberálnemu krídlu tzv. štátnej historickej školy a venoval sa procesom vnútornej a zahraničnej politiky v období 13. – 18. storočia. Bez ohľadu na to, ako žil Hrozný a či bol dobrým alebo zlým

[2] VIPPER, R. J. 1922. *Ivan Groznyj*. Moskva: Deľfin, 1922. S. 110
[3] Tamže, s. 105
[4] JEĽJANOV, J. M. 2004. *Ivan Groznyj – sozidateľ ili narušiteľ?* Moskva: Editorial URSS, 2004. S. 114
[5] PERRIE, M. 2002. *The Cult of Ivan theTerrible in Stalin´s Russia*. New York: Pelgrave, 2002.
[6] Pozri: JEĽJANOV, J. M. 2004. Citované dielo.

človekom, podľa Platonova a jeho knihy *Ivan Groznyj (1530 – 1584)* sa politika Ruska nemenila. Bola to vždy dobre naplánovaná politika veľkého rozmachu, z ktorej sršala energia a vedomie toho, že sa plány uskutočnia[7]. Tento historik tvrdí, že išlo o predstavy a plány samotného Hrozného, nie jeho radcov či pomocníkov a že tento panovník mal obrovskú politickú silu.

M. N. Pokrovskij (1868 – 1932) sa venoval štúdiu historických procesov ako rozvoja spoločnosti a hospodárstva v tomto období a kritizuje teóriu osobitného miesta Ivana IV. v histórii tvorby centralizovaného štátu.[8] Pokrovskij nebol len popredným marxistickým historikom sovietskeho Ruska, ale aj dôležitou politickou osobnosťou, stál na čele Komunistickej akadémie a ďalších významných inštitúcií. V roku 1920 napísal krátku súvahu svojich názorov v práci *Ruské dejiny v najstručnejších obrysoch*, ktorá bola opakovane vydávaná a stala sa učebnicou ruských dejín na sovietskych školách až do tridsiatych rokov, kedy ju Stalin odsúdil a zakázal aj preto, že Pokrovskij v nej kritizoval minulosť Ruska pred rokom 1917, vrátane vlády Petra Veľkého.[9] Lenin vo vzťahu k minulosti zastával podobné názory ako Pokrovskij. Začiatkom dvadsiatych rokov došlo k sporu medzi Pokrovským a Trockým, resp. k verejnej debate, ktorú Stalin sledoval. Trockij tvrdil, že vytvorenie centralizovaného štátu bolo rozhodujúcim faktorom potreby národnej sebaobrany. Pokrovskij vysvetľoval jeho vznik ako dôsledok hospodárskeho vývoja. Hoci Stalin v tomto spore súhlasil s názorom Trockého, musel sa od neho dištancovať, pretože išlo o záverečné štádium ich intenzívneho politického súboja. Napriek všetkému však k Pokrovskému zaujal kritické stanovisko. Prístup Pokrovského bol preňho neprijateľný, lebo ten do veľkej miery zavrhoval ruskú národnú minulosť.

R. J. Vipper (1859 – 1954) považoval vonkajšie faktory za hlavné sily, ktoré určovali sociálnopolitický rozvoj Ruska a vládnutie Ivana IV. Neustále vedenie vojen na niekoľkých frontoch, ktoré vyčerpávali Rusko, zanechalo podľa neho stopy na všetkých kľúčových udalostiach tohto obdobia, na všetkých zmenách, na hospodárstve, vnútornej politike a štátnom zriadení krajiny. Prvé vydanie jeho knihy *Ivan Groznyj* vyšlo v roku 1922 v súkromnom vydavateľstve Deľfín. Autor priam vyzdvihuje zahraničnú politiku cára a hovorí, že bol jedným z najlepších moskovských vládcov a dochádza k záveru, že „historický rozsudok vynesený nad Ivanom Hrozným by v žiadnom prípade nemal byť

[7] PLATONOV, S. F. 1998. *Ivan Groznyj (1530 – 1584).* Moskva : URAO, 1998. S. 28.
[8] *Očerki istorii istoričeskoj nauki v SSSR III.* 1960. Moskva: AN SSSR, 1960. S. 228.
[9] TUCKER, R C. 2000. *Stalin na vrcholu moci. Revoluce shora 1928 – 1941*. Praha: BB Art, 2000. S. 76.

prísnejší, než u Petra Veľkého."[10] V roku 1924 Vipper odišiel do Lotyšska a neskôr v roku 1933 sa vo *Veľkej sovietskej encyklopédii* objavilo heslo M. V. Nečkinovej, ktorá obviňuje Vippera z priamej výzvy do boja proti boľševizmu odvolávaním sa na históriu a vytváraním kontrarevolučnej apoteózy Ivana IV. ako autokratického diktátora. V ďalšom vydaní encyklopédie sa o šesť rokov nepodpísaný autor hesla s názvom *Opričnina* vyjadril, že S. F. Platonov a R. Vipper oprávnene pripisovali opričnine vykorenenie bojarskej zrady a takisto úspechy reformy pozemkového vlastníctva, ktorá mala veľký vojenský význam. V roku 1939 vyšla aj vysokoškolská učebnica dejín ZSSR, v ktorej je opričnina bez ohľadu na temné a negatívne počiny označovaná za pozitívny fenomén.

Historici R. G. Skrynnikov, A. A. Zimin a V. B. Kobrin napísali publikácie o Ivanovi Hroznom až neskôr v povojnovom období, stále ešte ale v časoch, kedy dominovala komunistická ideológia. **R. G. Skrynnikov** (1931 – 2009) je jedným z najväčších odborníkov v oblasti dejín Ruska druhej polovice 16. a prvej polovice 17. storočia, teda aj čias vlády Ivana Hrozného, Borisa Godunova a obdobia smuty. Autor v práci s názvom *Ivan Groznyj* na jednej strane zdôrazňuje obrovské hospodárske úspechy Ruska v 16. storočí, no na strane druhej hovorí o *veľkom pustošení*.[11]

A. A. Zimin (1920 – 1980) považoval ako marxista[12] pod vplyvom inštitucionalizovaného vnímania zjednotené Rusko v 16. storočí za nie veľmi dlhodobú štruktúru. Centralizáciu krajiny podľa jeho názoru brzdila v prvom rade feudálna aristokracia, ktorá sa bránila centralizácii feudálneho aparátu tým, že lipla na svojich právach a privilégiách[13]. Podľa Zimina v ťažkom období vlády bojarských oligarchov v nepredstaviteľnej miere vzrástlo vykorisťovanie ľudí pracujúcich na vidieku, a práve preto bola politika Ivana IV. namierená proti bojarom.

V. B. Kobrin (1930 – 1990) vnímal Ivana IV. ako tyrana, ktorý v záchvate zúrivosti ničil vlastnú krajinu. Historik nachádza jasnú paralelu Ivana IV. v Stalinovi. Pre Kobrina je hlavným morálny, etický súd minulosti z pohľadu vtedajších humanistických tendencií. Hlavným objektom skúmania Kobrina bola vedúca skupina spoločnosti v Rusku v 15. a 16. storočí. Venoval sa objasneniu prepojenia moci a vlastníctva, a to analýzou feudálneho vlastníctva pôdy, jeho veľkosti, charakteru, geografického umiestnenia a vlastníckych práv. V

[10] VIPPER, R. J. 1922. *Ivan Groznyj*. Moskva: Deľfin, 1922. S. 112.
[11] SKRYNNIKOV, R. G. 1980. *Ivan Groznyj*. Moskva: Nauka, 1980. S. 241.
[12] JEĽJANOV, J. M. *Ivan Groznyj – sozidateľ ili narušiteľ?* Moskva: Jeditorial URSS, 2004. S. 49.
[13] ZIMIN, A. A. 1966. *Ukreplenie Rossijskogo gosudarstva. Narody Povolžia i Priuraľja v XVI veke. Opričnina i Livonskaja vojna*. In: Istorija SSSR. Moskva: Nauka 1966. S. 151.

knihe *Ivan Groznyj* (1989) sa snaží vyhýbať stereotypom v predstavách spoločnosti, ale aj samotných historikov. Téme Ivana Hrozného sa venoval až do konca osemdesiatych rokov.

V problematike dochádza ku konfliktu medzi akademickými historikmi a tými, čo tvorili diela pre masového prijímateľa. Akademici naďalej v náznakoch namietali proti prehnanej glorifikácii Ivana IV., či už z pohľadu marxistov (A. Pankratovová) alebo tradičnej historiografie (S. B. Veselovskij).

U Veselovského, ktorý sa zaoberal dejinami sociálno-hospodárskych vzťahov, prvé práce na tému opričniny ešte stihli vyjsť, no väčšia časť jeho diel, v ktorých popieral progresívnosť opričniny, sa k čitateľom dostala až jedenásť rokov po jeho smrti, v roku 1963. Od roku 1948 boli preňho možnosti publikovať uzavreté. Až od druhej polovice päťdesiatych rokov, po XX. zjazde KSSZ sa situácia v historickej vede začala zlepšovať.[14]

Samotný režim však zrejme chápal rozdiel medzi akademickou verziou, ktorá mala len obmedzený vplyv, a verziou obrazu Ivana Hrozného ako hrdinu. *Perrieová* napríklad hovorí aj o stalinizácii Ivana a ivanizácii Stalina[15] v období kultu osobnosti.

Stalin však Ivana Hrozného nepovažoval za model úspešného panovníka, ale za predchodcu, z ktorého chýb by sa všetci jeho nasledovníci mali poučiť. Podľa Stalina nebol dostatočne rozhodný a krutý, zbytočne ho trápil pocit viny a výčitky, pričom obraz, ktorý chcel Stalin o Hroznom vytvoriť, predstavoval rozhodného panovníka. Presne takého, za akého sa považoval Stalin. Kult Ivana Hrozného začali historici napádať krátko po Stalinovej smrti a v rokoch 1945 –1985 ho odmietali.

Podľa *Veľkej sovietskej encyklopédie*[16] bola vláda Ivana Hrozného v historickej vede hodnotená rôzne. Uvádza predovšetkým historikov, ktorí sa touto témou zaoberali v 19. a 20. storočí. V. O. Kľučevskij, N. M. Karamzin, N. I. Kostomarov a ďalší hodnotili toto obdobie negatívne. Sovietski historici, vrátane už uvedeného R. J. Vippera, ale napríklad aj S. V. Bachrušina, I. I. Smirnova, P. A. Sadikova, často aj zámerne vyzdvihovali vládu Ivana IV. Podrobne a s ohľadom na kladné i záporné stránky jeho vlády sa tejto téme venoval S. B. Veselovskij, M. N. Tichomirov, A. A. Zimin, S. O. Šmidt a ďalší.

[14] KOBRIN, V. B. 1989. *Ivan Groznyj*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 12.
[15] PERRIE, M. 2002. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin´s Russia*. New York: Pelgrave, 2002.
[16] PROCHOROV, A. M. 1972. *Boľšaja sovetskaja enciklopedija*. Moskva: Izdateľstvo Sovetskaja Enciklopedija, 1972. S. 7.

Precedentné fenomény

V. V. Krasnych[17], D. B. Gudkov[18] a ďalší zavádzajú tento pojem, ktorý spája rozličné javy precedentnosti. Otázke charakteru a popisu precedentných fenoménov je venovaný celý rad prác našich (A. Virostková, E. Kollárová, J. Rybák, J. Sipko a i.) i zahraničných (J. N. Karaulov, V. V. Krasnych, D. B. Gudkov a i.) autorov. Fenomény môžu byť precedentné v rôznej šírke – môžu byť známe len určitej sociálnej, profesionálnej, konfesionálnej atď. vrstve (sociálno-precedentné), môžu byť známe všetkým nositeľom jazyka a kultúry (národno-precedentné), resp. môžu byť známe celému ľudstvu (hypotetické univerzálno-precedentné fenomény)[19].

Precedentné fenomény môžu byť *verbálne* aj *neverbálne*: k prvej skupine patria najrozmanitejšie texty ako produkty rečovo-kognitívnej činnosti (precedentné meno, precedentný údaj a precedentná výpoveď, ktoré verbalizujú precedentný text alebo precedentnú situáciu samu osebe známu, resp. precedentným textom postihnutú); k druhej skupine patria diela výtvarného umenia, sochy, architektúra, hudobné diela atď. K verbálnym precedentným fenoménom patria precedentné meno a precedentná výpoveď; k verbalizačným precedentným fenoménom, t. j. k fenoménom patriacim k verbalizácii, precedentný text, precedentná situácia. Precedentné fenomény V. V. Krasnych a D. B. Gudkov spájajú s takými pojmami ako kognitívny priestor, kognitívna báza, kognitívne štruktúry.[20]

Medzi neverbálne precedentné fenomény patria známe výtvarné, hudobné, filmové, architektonické diela, *napr. o veľmi rozrušenom, hysterickom človeku – „celý Repinov Ivan Hrozný*“ (narážka na obraz Iľju Repina, *Ivan Hrozný a jeho syn* s vyobrazením Ivana Hrozného nad mŕtvolou svojho syna)[21], ktoré sa zároveň takýmto spôsobom verbalizujú.

Ivana IV. teda reflektujú aj umelecké diela, práce M. J. Lermontova, A. K. Tolstého, A. N. Tolstého, maľby a sochy I. Repina, V. M. Vasnecova, či M. M. Antokoľského. Precedentné fenomény sa v súčasnosti najčastejšie používajú v rôznych masovokomunikačných prostriedkoch a ani v období kultu osobnosti to nebolo inak. Mnohé nielen umelecké diela vznikajúce v tomto období účelovo vyzdvihovali dôležitosť vybraných historických osobností, ako bude uvedené i ďalej. Práve ideológie totiž často zneužívajú rôzne

[17] KRASNYCH, V. V. 1998. *Virtuaľnaja reaľnosť ili reaľnaja virtuaľnosť*. In: Čelovek, Soznanie, Kommunikacija. Moskva, 1998.
[18] GUDKOV, D. B. 1999. *Precedentnoje imia i problemy precedentnosti*. Moskva, 1999.
[19] VIROSTKOVÁ, A. 2007. *Precedentnyje fenomeny v russkom i slovackom jazykach*. In: Mir russkogo slova i russkoje slovo v mire. Tom 5. Sofia: Heron Press, 2007. S. 40.
[20] ADAMKA, P. 2008. Precedentné fenomény a dekódovanie zmyslu. In: *Sborník příspěvků konference CJP*, Ústí nad Labem: CJP PF UJEP, 2008. S. 3.
[21] Pozn.: obraz vznikol vo vrcholnom období autorovej tvorby, t. j. v osemdesiatych rokoch 19. storočia.

osobnosti, symboly a koncepty, menia a prispôsobujú pôvodné významy slov tak, aby v spoločnosti vytvárali obrazy v súlade so svojimi predstavami.

Kult osobnosti

Obraz Stalina často porovnávali napríklad i s obrazom jeho súčasníka Mussoliniho.[22] Čokoľvek Mussolini urobil, vo všetkom bol prvý a jeho socialistickej minulosti sa pozornosť nevenovala. V tomto obraze bol nielen géniom, ale bol tým najlepším. Rovnako ako Stalina ho často prirovnávali k orlovi. Bol akoby kolektívnou reprezentáciu tých najlepších atribútov talianskeho národa a stelesnením obnovy Rímskej ríše. Jeho encyklopedické vedomosti zo všetkých oblastí boli nemerateľné. Takisto ako Stalin bol považovaný za „vševedúceho a všadeprítomného". Bol skvelým autorom, ktorý vytvoril vlastný štýl, ale ešte lepším rečníkom a výborným umelcom. Bol schopný neobmedzene pracovať. I o Stalinovi sa hovorilo, že v oknách jeho kancelárie sa svietilo dlho do noci. Bol spasiteľom Talianska, jeho sláva však prekročila hranice krajiny. Bol hnacou silou storočia a príkladom pre celú Európu. Masy ho zbožňovali, bol neomylný, predstihol Cézara, Augusta i Napoleona.[23] To všetko sú príklady, ktoré by mali postačovať na ilustráciu jeho kultu. Hoci mal na masy obrovský vplyv, ľudia okolo neho sa ho nebáli tak ako tí, ktorí obklopovali Stalina. Hitler a Mussolini boli majstrami hovoreného slova, svojimi vystúpeniami boli schopní manipulovať masy, zatiaľ čo Stalin dobrým rečníkom nebol. Jeho úspechy sa javia ešte podstatne väčšie vzhľadom na to, že tu nebola priama komunikácia. Kult jeho osobnosti vznikol a bol udržiavaný prostredníctvom administratívnych a byrokratických machinácií v pozadí.

Napriek všetkým podobnostiam sú medzi Hitlerom, Mussolinim a Stalinom aj veľké rozdiely. V Európe Stalinov kult obdoby nemal, v Ázii však kult Mao Ce-Tunga a jeho zbožšťovanie zašli ešte ďalej. *Po prečítaní jeho diel čínski lekári navracali zrak slepým, sluch a schopnosť reči hluchonemým a oživovali mŕtvych*[24].

Stalin zasiahol do mnohých oblastí, ak sa mu na to naskytla príležitosť. Napísal niekoľko lingvistických článkov, nariaďoval vtedajším vedúcim Zväzu spisovateľov, kto by mal získať Stalinovu cenu a kto by naopak žiadnu dostať nemal.[25] Sergej Ejzenštejn bol vo februári roku 1947 predvolaný spolu s Nikolajom Čerkasovom, aby im mohol Stalin nadiktovať, ako je potrebné prepracovať film *Ivan IV*. Stalin označil Hrozného za bezcitného, zároveň však zdôraznil, aby vo filme poukázali na to, že jeho bezcitnosť bola nevyhnutná.

[22]LAQUEUR, W. 1990. *Stalin. The Glasnost Revelations*. New York: MacMillan Publishing, 1990. S. 187.
[23] Tamtiež, s. 187.
[24] URBAN, G. 1971. *The Miracles of Chairman Mao*. Los Angeles, 1971. S. 1-24.
[25] SIMONOV, K. 1988. *Glazami čeloveka mojego pokolenija*. Znamia 4, 1988.

Jednou z chýb cára bolo podľa Stalina to, že sa mu nepodarilo obmedziť vplyv piatich feudálnych rodín. Stalin tvrdil, že ak by bol uspel, neprišlo by ani obdobie smuty.[26] Podľa neho teda Ivan Hrozný nebol dostatočne krutý a hrozný. Odkiaľ sa však zobralo tvrdenie Stalina o piatich rodinách, nie je známe ani popredným ruským historikom. Na otázku Ejzenštejna, či má ešte ďalšie pokyny k výrobe filmu, Stalin odpovedal, že nejde o pokyny. Jeho poznámky boli vraj len reakciou diváka. Neskôr sa ukázalo, že predostrel niekoľko detailných *návrhov*. Ždanov namietal proti dĺžke brady Ivana Hrozného, na čo Ejzenštejn sľúbil, že ju skráti. Spolu údajne Stalin zasiahol do tvorby umeleckých diel len dvakrát, a to pri prvej časti Ejzenštejnovho filmu a pri dramatizácii diela A. N. Tolstého. Je zaujímavé, že napriek všetkému sa Ejzenštejnov film hodnotí ako veľmi kvalitne umelecky spracované dielo, ktoré vyčnieva vysoko nad ostatnými dielami tohto obdobia *Ivaniády*[27].

Historici sa zhodujú na tom, že prínos osobnosti Ivana Hrozného v ruskej histórii nie je jednoznačný a vzhľadom na jeho kontroverznosť sa názory naňho líšia. Podľa V. Kobrina sa tento spor začal už za života tohto vládcu. O Ivanovi Hroznom je známych aj mnoho legiend, ako napríklad aj o Petrovi Veľkom. Podľa Karamzina ide o *hrdinu* v prvej polovici vládnutia a *tyrana* v druhej[28]. Neskôr v 19. storočí prišla vlna historikov, ktorí sa snažili vyjadrovať k udalostiam vládnutia Ivana Hrozného neutrálne, bez zapojenia svojich vlastných názorov či emócií a snažili sa „pochopiť“ pohnútky tohto cára, na čo Kobrin reaguje s nesúhlasom. Pýta sa, či sa o štyri storočia budeme rovnako neutrálne vyjadrovať k udalostiam druhej svetovej vojny a snažiť sa *pochopiť* hitlerovcov.

Čo sa týka názorov na obdobie vlády Ivana Hrozného zo strany historikov, v tridsiatych rokoch 20. storočia sú takmer jednohlasné. V učebniciach, vedeckých článkoch, románoch i divadelných či filmových dielach sa Ivan IV. zobrazuje v prvom rade ako ruský patriot, bojovník za pravdu, ktorý sa bez ľútosti vyrovnával s bojarskými zradcami. A. N. Tolstoj o ňom napísal dramatickú dilógiu, S. N. Ejzenštejn natočil film, v ktorom bolo potrebné ukázať, akým spôsobom bojari proti nemu organizovali sprisahanie. Režisér bol zároveň scenáristom, ktorý spolu so súčasníkmi istým spôsobom poukazovali na to, že udalosti a krutosť tohto cára sú len klebety o jednom z najlepších vládcov. Príčiny bolo treba hľadať za hranicami vedy, jeho krutovláda totiž istým spôsobom imponovala Stalinovi. To bol jeden z dôvodov, prečo Ejzenštejn ešte počas vojny napísal o Ivanovi Hroznom scenár trojdielneho filmu a natočil jeho prvý diel. S druhým dielom, ktorý vyšiel krátko po

[26] LAQUEUR, W. 1990. Tamtiež, s. 200.
[27] PERRIE, M. 2002. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin´s Russia*. New York: Pelgrave, 2002. S. 178.
[28] KOBRIN, V. B. 1989. *Ivan Groznyj*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 5.

vojne, Stalin nebol spokojný a z tretieho sa podarilo natočiť len niekoľko častí. Ejzenštejn sa vo filme snažil poukázať na to, že teror bol nevyhnutný, no Ústredný výbor komunistickej strany obvinil autorov filmu z toho, že „progresívne vojsko opričníkov“[29] v niečom pripomína americký Ku-Klux-Klan. Ejzenštejn napísal Stalinovi list a vo februári roku 1947 Stalin spolu s Molotovom a Ždanovom po spomínanom predvolaní Ejzenštejnovi a Čerkasovovi vysvetlili, v čom spočíva múdrosť a dôležitosť osobnosti cára. Prvoradý bol totiž preňho vlastný národ, ktorý *ochraňoval* od zahraničného vplyvu, čím ho stavali na vyššiu priečku ako Petra I. vzhľadom na to, že Peter I. otvoril okná do Európy a *priveľa cudzincom* umožnil pricestovať do Ruska. To sa však nezhodovalo so skutočnými historickými udalosťami, keďže podľa Kobrina napríklad aj v rámci opričniny pre Ivana Hrozného pracovalo viac ľudí s cudzokrajným pôvodom, než ich bolo napríklad v kruhoch šľachty tých dôb. Stalin však v snahe čerpať z významu tejto osobnosti uviedol mnoho nezmyselných paralel, prirovnával Hrozného k Leninovi a tvrdil, že Ivan IV. bol prvým, kto uplatnil monopol na zahraničný obchod, v čom ho nasledoval až Lenin.

V roku 1941 sa v Izvestijach objavil článok spisovateľa V. I. Kostyľova, v ktorom označoval tvrdenia o terore Ivana Hrozného za klebety cudzincov a hodnotil ho ako významnú historickú osobnosť.[30] Román tohto autora čoskoro získal Stalinovu cenu. Krátko predtým, ešte v roku 1940, sa do Moskvy vrátil R. Vipper a jeho kniha vyšla v dvoch nových vydaniach (v rokoch 1942 a 1944), pričom sa nezmenila jej koncepcia, len sa v nej objavili citáty J. V. Stalina a pribudla kapitola s názvom *Boj proti zradcom.* Autor získal titul akademika. Bolo niekoľko ďalších historikov, ktorí v období stalinizmu vyzdvihovali tohto cára, na základe čoho boli ich diela a názory v danom období považované za určujúce (S. V. Bachrušin, I. I. Smirnov a ďalší).

Ak sa pozrieme do dejín Ruska, na príklade Ivana Hrozného môžeme vidieť niektoré všeobecné znaky mechanizmu moci v rukách takého silného jednotlivca. Paralela medzi Ivanom Hrozným a Stalinom je teda očividná, dnes už však môžeme vidieť, že bola vytvorená úmyselne a účelovo. Stojí za ňou Stalin, ktorý cára využíval vo svojej propagande ako príklad hodný nasledovania. Hrozného krutosť však ťažko možno ospravedlniť dobou, v ktorej žil, ak vezmeme do úvahy hoci len udalosti 20. storočia a druhú svetovú vojnu.

Na jednej strane tu možno hovoriť o paradoxe, veď ako vôbec bolo možné porovnávať tyrana 16. storočia s hlavným predstaviteľom komunistickej strany? Korene kultu Ivana Hrozného nespočívajú v historickej nevedomosti v období kultu Stalina. Obaja totiž boli

[29] KOBRIN, V. B. 1989. *Ivan Groznyj*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. S. 8.
[30] Tamže, s. 10.

inteligentní a mali jasný zámer. Teror Ivana Hrozného nebol pre Stalina len ospravedlnením vlastného teroru. Išlo skôr o vytvorenie zvráteného systému hodnôt, v ktorom účel svätí prostriedky a morálne hodnotenie historickej osobnosti sa vníma ako naivný prežitok nevedeckého zmýšľania a prístupu.[31] Chvála cára, ktorá v danom období zapĺňala historickú beletriu, plátna kín, či stránky vedeckej a populárno-náučnej literatúry o dejinách, to všetko bola do veľkej miery len osobná snaha Stalina o vyzdvihovanie silných osobností. Veď podľa neho predsa aj oni iba bojovali za záujmy celého národa. Táto tendencia tiež mala svoju politickú príčinu. Mala byť dôkazom toho, že šťastie národa závisí len od vôle silnej osobnosti múdreho a skúseného vodcu. Takýto historický koncept presne zodpovedal predstave a záujmom režimu Stalinovej moci.

Použitá literatúra:

GUDKOV, D. B. 1999. *Precedentnoje imia i problemy precedentnosti*. Moskva, 1999.

JEĽJANOV, J. M. 2004. *Ivan Groznyj – sozidateľ ili narušiteľ?* Moskva: Editorial URSS, 2004.

KOBRIN, V. B. 1989. *Ivan Groznyj*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989.

KRASNYCH, V. V. 1998. *Virtuaľnaja reaľnosť ili reaľnaja virtuaľnosť.* In: Čelovek, Soznanie, Kommunikacija. Moskva, 1998.

Očerki istorii istoričeskoj nauki v SSSR III. 1960. Moskva: AN SSSR, 1960. S. 228.

PLATONOV, S. F. 1998. *Ivan Groznyj (1530 – 1584).* Moskva: URAO, 1998.

PROCHOROV, A. M. 1972. *Boľšaja sovetskaja enciklopedija*. Moskva: Izdateľstvo Sovetskaja Enciklopedija, 1972.

SIMONOV, K. 1988. *Glazami čeloveka mojego pokolenija.* Znamja 4, 1988.

[31] KOBRIN, V. B. 1989. Citované dielo. S. 161.

SKRYNNIKOV, R. G. 1980. *Ivan Groznyj*. Moskva: Nauka, 1980. 241 s.

VIPPER, R. J. 1922. *Ivan Groznyj*. Moskva: Deľfin, 1922.

VIROSTKOVÁ, A. 2007. *Precedentnyje fenomeny v russkom i slovackom jazykach.* In: Mir russkogo slova i russkoje slovo v mire. Tom 5. Sofia: Heron Press, 2007. 40 s.

ZIMIN, A. A. 1966. *Ukreplenie Rossijskogo gosudarstva. Narody Povolžia i Priuraľja v XVI veke. Opričnina i Livonskaja vojna.* In: Istorija SSSR. Moskva: Nauka 1966. 151 s.

PERRIE, M. 2002. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin´s Russia.* New York: Pelgrave, 2002.

TUCKER, R. C. 2000. *Stalin na vrcholu moci. Revoluce shora 1928 – 1941*. Praha: BB Art, 2000.

URBAN, G. 1971. *The Miracles of Chairman Mao.* Los Angeles, 1971. S. 1-24.

ADAMKA, P. 2008. *Precedentné fenomény a dekódovanie zmyslu*. In: Sborník příspěvků konference CJP. Ústí nad Labem: CJP PF UJEP, 2008.

MEDAILÓNKY AUTOROV PRÍSPEVKOV

CALTOVÁ, Julia, Mgr.
Univerzita: Karlova univerzita v Prahe
Oblasť výskumu: lingvodidaktika
Téma zaverečnej práce: Text jako prostředek a cíl utváření komunikativní kompetence při výuce cizích jazyků

CINGEROVÁ, Nina, Mgr.
Univerzita: Univerzita Komenského v Bratislave
Oblasť výskumu: diskurzná analýza, jazykový charakter spoločenských procesov v postsovietskom Rusku
Téma záverečnej práce: Cesty k chrámu. Ruská pravoslávna cirkev a pravoslávie v prestavbovom a postsovietskom diskurze

FOJTŮ, Petra, Mgr.
Univerzita: Univerzita Palackého v Olomouci, EMAU Greifswald
Oblasť výskumu: internacionálna frazeológia
Téma záverečnej práce: Ruské frazeologizmy a ich európske ekvivalenty

HABUROVÁ, Andrea, Mgr.
Univerzita: Univerzita Komenského v Bratislave
Oblasť výskumu: ruská literatúra 19. storočia
Téma záverečnej práce: Hľadanie systému obraznosti v poézii F. I. Ťutčeva a A. A. Feta

HANULÍKOVÁ, Ivana, Mgr.
Univerzita: Univerzita Palackého v Olomouci
Oblasť výskumu: родополовые отношения при вторичной номинации на примерах зоонимов
Téma záverečnej práce: Komplexní analýza textů politického diskurzu

YERMAKOVA, Olga, MA
Univerzita: Tallinnská univerzita

Oblasť výskumu: ruská literatúra 20. storočia, literatúra ruskej emigrácie, poetika Vladimira Nabokova
Téma záverečnej práce: Писатель-протагонист в художественном произведении как частный случай «текста в тексте»

KAPLANOVÁ, Veronika, Mgr.
Univerzita: Unicorn College v Prahe, Karlova univerzita v Prahe
Oblasť výskumu: lingvodidaktika
Téma záverečnej práce: Využití informačních a komunikačních technologií při výuce ruského jazyka

KNAPCOVÁ, Veronika, Mgr.
Univerzita: Univerzita Komenského v Bratislave
Oblasť výskumu: analýza masmediálneho diskurzu
Téma záverečnej práce: Stereotypy o Rusku a Rusoch v stredoeurópskom a západoeurópskom masmediálnom diskurze

KONEČNÝ, Jakub, Mgr.
Univerzita: Karlova univerzita v Prahe
Oblasť výskumu: didaktika ruského jazyka, problematika práce s výslovnosťou a zvukovou stránkou ruského jazyka v českej škole, morfológia súčasného ruského jazyka
Téma záverečnej práce: Fonetická gramotnost českých žáků v ruském jazyce

KOTÁSKOVÁ, Martina, Mgr.
Univerzita: Univerzita Palackého v Olomouci
Oblasť výskumu: translatológia
Téma záverečnej práce: Vývoj překladu beletrie z ruštiny do čestiny po roce 1989

KŘÍŽOVÁ, Kristýna
Univerzita: Masarykova univerzita v Brne
Oblasť výskumu: kalkovanie
Téma záverečnej práce: Лексическое калькирование как результат межкультурной коммуникации в условиях глобального мира (сравнительный аспект)

LORKOVÁ, Zuzana, Mgr.
Univerzita: Univerzita Komenského v Bratislave
Oblasť výskumu: súčasná ruská literatúra, preklad a tlmočenie
Téma záverečnej práce: V. Sorokin a narúšanie jazykovej/literárnej korektnosti

MÉRAI, Tímea
Univerzita: Univerzita Lóránda Eötvösa v Budapešti
Oblasť výskumu: к вопросу о переводимости смысловых имен (на материале романа Юрия Андруховича «Московиада»)
Téma záverečnej práce: Вопрос имен в художественных произведениях Юрия Андруховича

NAGY, Szilvia
Univerzita: Univerzita Lóránda Eötvösa v Budapešti
Oblasť výskumu: dejiny Ruska, ženy v ruskom revolučnom hnutí 19. a začiatku 20. storočia
Téma záverečnej práce: жены декабристов как первые представители нового типа русских женщин

NEUMANNOVÁ, Kateřina, Mgr.
Univerzita: Univerzita Palackého v Olomouci
Oblasť výskumu: živelní pohromy v současné ruské a české publicistice. Lexikálně-syntaktická analýza
Téma záverečnej práce: Jazyková analýza ekologických textů v rusko-českém srovnávacím plánu

OPLATEK, Stanislav, PhDr.
Univerzita: Masarykova univerzita v Brne
Oblasť výskumu: staroruské príčastia, staroruský jazyk
Téma záverečnej práce: Древнерусское причастие, его паралелли в греческом языке и аналоги в тюркских языках

PAVLASOVÁ, Markéta, Mgr.
Univerzita: Masarykova univerzita v Brne
Oblasť výskumu: rusko-české frazeologizmy biblického původu s vlastními jmény

Téma záverečnej práce: Rusko-české frazeologizmy biblického původu s vlastními jmény

POSOKHIN, Ivan, Mgr.

Univerzita: Univerzita Komenského v Bratislave

Oblasť výskumu: tretia vlna ruskej emigrácie

Téma záverečnej práce: Сергей Довлатов. Социально-политические и культурные контексты эмиграции и их влияние на творчество писателя

STOJANOVSKA, Panda

Univerzita: Univerzita Eötvösa Lóránda v Budapešti

Oblasť výskumu: frazeológia, morfológia, kinezika

Téma záverečnej práce: Кинезика в македонском и русском языках

USHAKOVA, Oksana, Mgr.

Univerzita: Masarykova univerzita v Brne

Oblasť výskumu: morfológia a syntax ruského jazyka

Téma záverečnej práce: Формирование категории состояния в русском языке (на материале древнерусских летописей)

VARGA, Ferenc

Univerzita: Segedínska univerzita

Oblasť výskumu: tvorba Andreja Platonova

Téma záverečnej práce: «ДЕТИ – СПАСИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ». Дети и взрослые в прозе Андрея Платонова

Zborník príspevkov z konferencie Mladá rusistika – nové tendencie a trendy

Bratislava, STIMUL, 2012
Počet strán: 208

Editorky: Mgr. Andrea Haburová, Mgr. Zuzana Lorková

Grafická úprava: Mgr. Zuzana Lorková

ISBN 978-80-8127-062-8
EAN 9788081270628

ZBORNÍK PRÍSPEVKOV Z KONFERENCIE MLADÁ RUŠISTIKA-

NOVÉ TENDENCIE A TRENDY